

Министерство образования и науки Российской Федерации
Архангельский государственный технический университет
Международная Академия Наук педагогического образования
Ломоносовский Фонд

Т.С. Буторина

**Ломоносовский период
в истории русской
педагогической мысли
XVIII века**

Москва–Архангельск
2005

УДК 37(07) + 94/99(07)
ББК 74(2p-4Арх)+63.3(2Р-4Арх)
Б93

Рецензенты: д-р пед. наук, проф. РГПУ имени А.И. Герцена

Радионова Н.Ф.;

Вед. научн. сотрудник института теории и истории педагогики РАО, д-р пед. наук, проф.

И.З. Сковородкина

Буторина Т.С. Ломоносовский период в истории русской педагогической мысли XVIII века. – Изд-во, 2005. – 298 с.

В монографии рассматривается Ломоносовский период в истории отечественной педагогики, система педагогических идей Михаила Васильевича Ломоносова на фоне развития общеевропейской науки, культуры, педагогики. В работе на основе архивных материалов проанализировано и обобщено состояние школы и образования в России первой половины XVIII века. Раскрыты особенности поморской народной педагогики, повлиявшей на формирование педагогических идей М.В. Ломоносова. В обобщающем историко-педагогическом исследовании первый русский академик показан как автор педагогической теории, заложившей основы русской научной педагогики. В работе раскрывается своеобразие педагогических идей М.В. Ломоносова, их значение для современности.

Монография предназначена для студентов, аспирантов, учителей, научных работников.

Табл. 3. Библиогр. 80 назв.

*Рекомендовано к изданию ученым советом
Архангельского государственного технического университета*

ISBN 5-261-00151-X

© Архангельский государственный
технический университет, 2005

© Т.С. Буторина, 2005

ВВЕДЕНИЕ

Обогащение науки и практики тесно связано с глубоким анализом социальных идей, ценностей, накопленных человеческой цивилизацией в прошлые эпохи. Особый интерес в этом отношении представляет изучение творческого наследия М.В. Ломоносова, генний которого необходимо рассматривать на фоне развития мировой и русской культуры.

Выдающийся ученый жил и творил в послепетровскую эпоху, когда происходили исторически значимые социальные преобразования, шла острая борьба в религии, развивалась русская наука, большое распространение получило просветительство. Первая половина XVIII века характеризовалась резким изменением отношения общества к вопросам образования и воспитания юношества. В этот период появился ряд проектов преобразования и усовершенствования школьного дела в стране. Начался процесс подготовки специалистов как в России, так и за границей.

Являясь достойным преемником просветителей, М.В. Ломоносов выступил борцом за создание национальной науки и культуры, сторонником широкого народного образования. Острый, наблюдательный ум естествоиспытателя позволил ему в эпоху российского просвещения на высоком научном уровне поставить такие проблемы, как предмет педагогики, сущность воспитания и образования, организация обучения, его содержание.

Широко понимая назначение педагогики, М.В. Ломоносов считал ее неотъемлемой частью мировой и русской культуры. Формирование российского юношества в духе общечеловеческой нравственности, поощрения к познанию окружающего мира, научных и культурных ценностей – эти основополагающие ломоносовские идеи остаются актуальными и сегодня. В русском ломоносоведении большой научный интерес представляют биографические работы об ученом, подготовленные как дореволюционными историками (П.С. Билярский, А.А. Куник, В.И. Ламанский, П.П. Пекар-

ский, И.М. Сибирцев, М.И. Сухомлинов и др.), так и современными учеными (В.И. Астафуров, М.Т. Белявский, В.В. Данилевский, Э.П. Карпеев, Г.М. Коровин, Б.Г. Кузнецов, Б.Н. Меншуткин, А.А. Морозов, Г.Е. Павлова, А.С. Федоров и др.). В них на основе обширных фактических материалов раскрывается выдающаяся роль первого русского академика в мировой и отечественной науке. Однако в этих работах почти не рассматривается педагогическая деятельность М.В. Ломоносова (исключение составляет исследование Г.Е. Павловой и А.С. Федорова). При оценке ее значения для русского просвещения ученые опирались на работы, изданные до 1917 года (М. Владимирский-Буданов, М.И. Демков, П.Ф. Каптерев, С. Рождественский, В.И. Стоюнин и др.), а также на исследования современных авторов (С.Д. Бабишин, А.А. Буров, Ш.И. Ганелин, Э.Д. Днепров, С.Ф. Егоров, Н.А. Константинов, Ф.Ф. Королев, Н.Н. Кузьмин, Е.Н. Медынский, Б.Н. Митюрков, Н.В. Нечаев, А.И. Пискунов, З.И. Равкин, А.А. Смирнов, М.В. Сычев-Михайлов, М.Ф. Шабалева и др.).

Анализ имеющихся историко-педагогических исследований показывает, что внимание ученых сосредоточивается на изучении состояния школы и педагогической мысли с древнейших времен до конца XVII века (С.Д. Бабишин, Л.С. Геллерштейн, Э.Д. Днепров, Б.Н. Митюрков, О.Е. Кошелева, В.Н. Петров, Л.А. Черная и др.) и в конце XVIII века. В литературе рассматривают проблемы развития отечественной дидактики (Е.В. Поварова, Р.А. Прутковская), подготовку учебной литературы для русской народной школы и роль Ф.И. Янковича в ее создании (Л.А. Додон и др.), научно-педагогическую деятельность преподавателей Петербургской учительской семинарии в XVIII веке (Е.В. Поварова) и др. В диссертационных исследованиях изучаются такие вопросы, как развитие педагогических идей утопического социализма и опыт их осуществления в конце XVIII - первой половине XIX в. (С.Ю. Алферов), анализ педагогических идей А.Н. Радищева (И.А. Деревцов, Г.П. Молчанова), Н.Н. Новикова (Д.Л. Добрусин, Н.А. Трушин, А.С. Будзько), Д.И. Фонвизина (И.К. Матюша), история развития ранней педагогической журналистики (И.А. Месеняшин) и др.

Историографический анализ показал фактическую неисследованность состояния педагогической мысли России первой половины XVIII века. Имеются философские и исторические работы, характеризующие общественно-политические и социологические взгляды просветителей этого периода (В.С. Астраханский, Г.С. Васецкий, А.А. Воловик, В.И. Егоров, П.В. Иванов, А.Г. Кузьмин, В.М. Ничик, В.Н. Панкратов, А.А. Петров, А.И. Юхт и др.).

Однако обобщающее историко-педагогическое исследование по этому периоду отсутствует. Остаются неизученными динамика школьного дела в России первой половины XVIII века, социальные истоки педагогических идей русских просветителей (Ф. Прокоповича, И. Посошкова, Ф. Салтыкова, В.Н. Татищева). Не выделяется и не изучается такой феномен, как просветительная педагогика, ее различные направления, этапы.

Кроме того, в истории русской педагогической мысли в отличие от общей истории науки отсутствует ломоносовский период, не осуществляется его фактологический и сущностный анализ с опорой на первоисточники и архивные материалы.

Актуальность исследования избранной проблемы обусловлена также недооценкой педагогической деятельности М.В. Ломоносова, недостаточной изученностью его педагогических идей. Особое значение имеет анализ источников их формирования, среди которых важное место занимают древнерусская "учительная" литература, поморская народная педагогика, теоретические разработки зарубежных педагогов, опыт, как русских, так и западноевропейских образовательно-воспитательных учреждений. Именно на этой основе стало возможным создание основ научной педагогической теории в России, родоначальником которой явился М.В. Ломоносов. В историко-педагогической литературе его образовательно-воспитательные идеи рассматриваются разрозненно, а не в виде теории, основанной на естественнонаучных позициях с использованием педагогической терминологии, оригинально трактующей проблемы воспитания и образования юношества.

При подготовке данной работы были использованы архивные материалы по вопросам развития школы и педагогической

мысли России первой половины XVIII века, которые находятся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), в фондах Российского государственного исторического архива г. Санкт-Петербурга (РГИА), в архиве Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН (Архив СПбФ ИРИ РАН), в Государственном архиве Архангельской области (ГААО). Важным документальным источником для изучения динамики школьного дела в России до 70-х годов XVIII века, для анализа состояния педагогической мысли в этот период являются материалы 45-томного Полного собрания законов Российской империи (ПСЗ) – наиболее полный свод законодательных актов, расположенных в хронологическом порядке, по номерам и датам, утвержденных царем.

При изучении педагогической терминологии взяты данные контент-анализа педагогических произведений как зарубежных, так и русских педагогов XVII – первой половины XVIII века. Нами систематизирована лексика этого периода на основе анализа толковых словарей русского языка.

Автор опирался на данные публикаций таких изданий, как "Русский библиографический словарь" в 22-х томах (1897-1914 гг.), "Журнал Министерства народного просвещения" (1834-1916 гг.), "Русский педагогический вестник" (1857 - 1859), "Женское образование" (1876 - 1891 гг.) и др.

Материалом к исследованию педагогической мысли XVIII века послужили сочинения М.В. Ломоносова в одиннадцати томах, работы Ф. Прокоповича, Ф. Салтыкова, И.Т. Посошкова, В.Н. Татищева.

Данная работа является монографическим историко-педагогическим исследованием, посвященным ломоносовскому периоду в русской педагогике. Автор благодарит рецензентов данной работы за внимательное прочтение рукописи, высказанные предложения и замечания, которые были учтены при доработке книги.

I. Социальные истоки педагогических идей русских просветителей первой половины XVIII века

Изучение данного вопроса в историко-педагогическом плане было начато в дореволюционных исследованиях М. Булгакова, М. Владимирского-Буданова, В.В. Григорьева, М.И. Демкова, П.В. Знаменского, Д. Извекова, П.Ф. Каптерева, Н.И. Кедрова, С.А. Князькова, Н.А. Лебедева, П.П. Пекарского, С.В. Рождественского, С.С. Смирнова, С.М. Соловьева, М.И. Сухоминова и др. Советские ученые (М.Т. Белявский, А.А. Буров, Ш.И. Ганелин, Э.Д. Днепров, Г.Е. Жураковский, В.И. Зиза, Н.А. Константинов, Н.Н. Кузьмин, Т.И. Куро, Е.Н. Медынский, Б.Н. Палкин, С.В. Папаригопуло, В.С. Румянцева, А.В. Смирнов, В.Я. Струминский и др.) осуществили исследование качественных изменений, произошедших в просвещении и педагогической мысли в результате петровских преобразований.

Для выявления социальных истоков и ведущих факторов, повлиявших на развитие педагогических идей русских просветителей первой половины XVIII века, мы использовали архивные материалы фондов, опирались на анализ законов по развитию просвещения в России, находящихся в “Полном собрании Законов Российской Империи”.

Анализ социально-экономической и исторической литературы (Е.В. Анисимов, М.Т. Белявский, Л.Н. Вдовина, Н.М. Дружинин, Б.Б. Кафенгауз, В.П. Лысцов, В.В. Мавродин, Н.И. Павленко, Б.А. Рыбаков, С.М. Троицкий, В.Л. Янин и др.) позволил нам сделать вывод о наличии определенных факторов, повлиявших на развитие русской педагогической мысли первой половины XVIII века. К ним мы относим изменения в экономической жизни России, бурное развитие внешних социально-политических связей; усиление внимания со стороны государства к вопросам науки, культуры, образования, осуществление качественного скачка в их состоянии; установление постоянных связей между русской, славянской и западно-

европейской наукой и культурой, обучение за границей специалистов из России; развитие книгоиздательского дела; подготовка общественными деятелями особых проектов по переустройству школьного дела в стране; зарождение особого слоя людей, занимающихся педагогической деятельностью, заложивших основу для появления педагогической интеллигенции, роль в этом духовенства.

На протяжении первой половины XVIII века в России происходили глубокие изменения в экономике, прежде всего в промышленности. “Создается новый, в те времена решающий для промышленного развития страны, уральский горнозаводской район, и прочные позиции занимает мануфактура как форма крупного промышленного производства. Немаловажные успехи были достигнуты в усовершенствовании техники мануфактурного производства, ... в кораблестроении, гражданском и военном строительстве. В сельском хозяйстве развитие производительных сил наиболее четко отразилось в освоении новых земельных пространств, в попытках интенсификации земледелия и скотоводства, интродукции новых культур. Во второй половине XVIII века зарождается русская агрономическая наука” [1]. В данный период активизировалась торговля, создавались транспортные связи, что способствовало формированию всероссийского рынка, хотя экономическое и политическое развитие России в это время происходило в рамках феодального способа производства, но в его недрах зарождались новые буржуазные экономические отношения.

Большие изменения фиксировались в социальной структуре общества. Благодаря деятельности Петра I, в первой четверти XVIII века утвердился абсолютизм, т.е. такая форма феодального государства, при которой власть полностью принадлежит монарху. Историки оценивают ее как открытую диктатуру дворянства (Е.В. Анисимов, Б.И. Краснобаев, Б.А. Рыбаков, А.М. Сахаров и др.).

Усилению роли России на мировой арене способствовало ее военное могущество. Петровская реформа армии и флота создала условия для решения внешнеполитических проблем.

Абсолютизм осуществил подрыв идеологической монополии церкви, лишил ее экономического и политического могущества, подчинил государству.

Укрепление абсолютизма, власти дворянства привело к обострению классовой борьбы, которая проявилась в волне крестьянских восстаний. Они носили ярко выраженный антикрепостнический характер.

Развитие товарно-денежных отношений, рыночных связей потребовало не только осуществления реформ внутри страны, но и расширения экономических, политических, культурных связей России с западноевропейскими и восточными государствами. Посещение Европы позволило Петру I понять значение науки для развития страны. Как отметил академик П.Л. Капица [2], до XVI века история науки знала отдельных великих ученых: Пифагора, Архимеда, Авиценну. С XVI века начинают бурно развиваться естественные науки (астрономия, механика), благодаря коллективному творчеству ученых разных национальностей (поляка Коперника, датчанина Т.Браге, немца Кеплера, итальянца Галилея, англичанина Ньютона, француза Декарта, голландца Гюйгенса и др.). Это стало возможным и через достижение определенного уровня материального благосостояния людей, и через развитие средств связи между странами, и через изобретение книгопечатания. Одновременно происходил отрыв науки от церкви, создавались условия для развития науки на материалистической основе. К XVII веку научная деятельность нашла широкое распространение, появилась потребность в объединенной работе. В связи с этим во многих странах стали издавать периодические научные журналы, создавать Академии наук.

Для осуществления экономических реформ Петру I были нужны обученные национальные кадры. Для этого он использовал два пути: подготовку специалистов из числа русских людей за границей и создание собственной государственной системы образования. В дореволюционной литературе происходила значительная переоценка значения первого пути для России. Так, Е.К. Шмидт, раскрывая историю средних учебных заведений в стране, указывал на отсутствие сети гимназий как основы для подготовки просве-

ценных людей в России, на отсталость ее в этом направлении по сравнению с западноевропейскими государствами [3, с.3-32]. А. Фишер, характеризуя образование в стране, писал, что “до конца XVII столетия Россия в отношении просвещения народного представляла обширную пустыню, над которой тяготели густые мраки мертвой, безмолвной ночи, и на которой кое-где Духовные Училища были единственными светлыми пунктами” [4].

На наш взгляд, более объективно подошел к оценке научных, культурных и педагогических связей России с Западной Европой Е. Замысловский. Он отметил, что, вступая в близкое общение с другими государствами, страна была достаточно самостоятельной и сама принимала деятельное участие в политической и культурной жизни западно-европейского общества. Передовые русские люди были далеки от безусловного преклонения перед цивилизацией европейских государств и оставались верными своей народности. “Не вернее ли искать объяснение исключительного господства западно-европейской цивилизации в русской жизни XVIII и XIX веков – не в несостоятельности Русского народа накануне реформы, а в том направлении, которое было дано великим преобразователем, и главное, в социальном положении высших классов русского общества, которые, вследствие развития крепостного права, более и более стали чуждаться низших слоев и забывать о своей народности и интересах своей земли?” [5].

П.П. Пекарский, анализируя состояние просвещения в России XVIII столетия, отмечал, что оно слагалось из двух моментов: киевской учености, перенесенной из Польши, и европейского просвещения, заимствованного из Голландии, Германии, отчасти Англии, Франции и даже Италии [6]. Рассмотрим первый момент. Состояние “киевской учености” изучено довольно многопланово как дореволюционными исследователями (М. Булгаков, В. Сиповский, А.И. Соболевский и др.), так и советскими историками педагогики (С.Д. Бабишин, М.Н. Закалюжный, Б.Н. Митюров и др.). Юго-Западная Русь, тесно связанная со славянскими народами Европы, представляла собой, по мнению современников, образованный край. В ней не чуждались наук, не считали их родоначальниками

ересей. Напротив, там уже в XVI столетии пришли к выводу о том, что для ограждения русской национальности и православия от влияния Польши католичества необходимо открывать школы. “Для истории русского просвещения особенно важна школа, основанная в Киеве Богоявленским братством, которая в 1631 году была преобразована Петром Могилой в сравнительно высшее учебное заведение, и стала называться Киево-Могилянскою Коллегиею. Отсюда просвещение шло и на Северо-Восток. В 1633 г. патриарх Филарет устроил первое училище при Чудовом монастыре, известное под названием Патриаршей школы, единственное тогда во всем Московском государстве” [7].

Как считал П.П. Пекарский, в заведении академии в Киеве Петром Могилой и в заботах Петра Великого о распространении знаний в России находится зародыш всего, что происходило в истории науки и просвещения в более поздний период. При организации академии Петр Могила взял за образец польские училища. Поскольку здесь духовенство держало в своих руках образование, то средневековая схоластика в польском образовании господствовала дольше, чем в остальной Европе. После реформации в европейских странах наука стала развиваться значительно быстрее, чем в Польше. Отсюда и различие, которое возникло к началу XVIII века в истории просвещения этих государств. Как только Петр I поставил политическую задачу о сближении России с образованной Европой, тотчас киевские ученые стали играть важную роль в российском образовании. Это было важно и потому, что в течение полутора веков Киевская академия участвовала в удовлетворении “умственных потребностей всей России”. Кроме того, по мнению М. Булгакова, “почти все лучшие преподаватели, появлявшиеся в ней когда-либо, хотя были тоже ее питомцы, но, оканчивая свое учение в Академиях и Университетах заграничных, приносили в нее оттуда все, что приобретали там лучшего... Из числа питомцев ее являлись тогда многие знаменитые ученые, содействовавшие просвещению отечественному многочисленными сочинениями” [8].

Представление об организации обучения в Киевской академии нам важно и потому, что в ней некоторое время учился

М.В. Ломоносов. Его впечатления о системе образования в данном учебном заведении оказали влияние на сопоставительную оценку им состояния школьного дела в России и на Западе. Однако, как отмечают исследователи, в архивах не сохранилось никаких документов, относящихся к пребыванию М.В. Ломоносова в Киеве. Чрезвычайно противоречивы мнения ученых о причинах такой поездки. Объяснение этого одни видели в стремлении юноши глубже изучить физику, философию, математику (М. Веревкин, Я.Я. Штелин); другие – в стремлении познать поэтическое и ораторское искусство (Е. Болховитинов); третьи – в желании глубже понять философию (С. Смирнов); четвертые – в изучении “русского говора” и естествознания (В. Аскоченский) и т.д. В принятии решения о поездке в Киев сыграл, вероятно, и тот факт, что во времена М.В. Ломоносова Московская академия находилась под исключительным влиянием киевских ученых (М. Булгаков, С. Смирнов). Кроме того, основанием для знакомства с Киевской академией могли служить и такие моменты, как древняя слава Киева как культурного центра; слава самой академии, из стен которой выходили передовые деятели, в т.ч. Богдан Хмельницкий, М. Смотрицкий, С. Полоцкий; попытка Феофана Прокоповича ввести преподавание математики, которой не обучали в Московской академии (В.В. Данилевский). Интерес вызывает и такой факт, что одним из любимых занятий воспитанников Киевской академии во время пребывания в ней М.В. Ломоносова было рисование, что впоследствии сказалось на его художественной деятельности.

Однако историки отмечали, что обучавшиеся в академии молодые люди жили в крайней бедности, существовали на случайные заработки, а чаще всего на “доброхотные подаяния”. “Великая бурса – так называлось помещение в пределах Киево-Братского монастыря, рассчитанное для проживания двухсот человек. Это все, что давала академия бесплатно своим воспитанникам” [9, с.74]. Разочарование вызвала у М.В. Ломоносова и схоластическая система обучения, господствовавшая в академии, против которой он позднее решительно выступил.

Как показывают документы “Полного собрания законов Российской империи”, в последующие годы по идеологическим соображениям были приняты меры к ограничению польского влияния на Юго-Западную Русь. Так, 16 февраля 1728 г. за № 5238 опубликован указ “О запрещении Смоленской Шляхте посылать детей в Польшу для учения и о непропуске в Россию духовных особ Римско-Католического вероисповедания” [ПСЗ, т.VIII, с.12-13]. В нем говорилось о том, что детей смоленской шляхты в Польшу ни для изучения наук, ни для других целей не пропускать; запретить приезд духовных лиц римской веры в Россию и строго следить за этим; шляхетских детей из Смоленска латинским и другим языкам, по их желанию, обучать в российских школах, “понеже таких школ в Москве и Киеве довольно число”. Было приказано немедленно возвратить из Польши обучающихся там детей смоленской шляхты.

Указ от 15 августа 1728 года “О мерах к обращению Смоленской шляхты от перемены Грекороссийского исповедания и о наказании за неисполнение предписанных в сем указе правил” ужесточает действия государства за невыполнение принятых решений по этому вопросу [ПСЗ, т.VIII, с.72-75]. Приказывалось ксензов из Литвы не пропускать, не принимать их в домах, даже если они тайно придут и в другой одежде, чтобы “российских людей по Римской вере не исповедовал и не причащал, не склонял”. Смоленской шляхте вновь указывалось на запрет о посылке детей за рубеж в Литву и другие страны. Их можно было обучать лишь в Смоленских, Киевских и Московских школах. Если из них кто-то пожелает учиться за границей, “тех отпускать под присягою, брать поруки отцов и сродников сверх того, что тот там не останется”. Предлагалось уволить домашних римских учителей и инспекторов, разрешалось иметь их из числа российских подданных и веры греческого исповедания. “А школы в Смоленске завести и быть им в городе при монастыре, и учителей брать из Киевских монастырей, из Московских школ по указам из Синода. Учеников учить Латинскому, Французскому и Немецкому языкам, а которые похотят быть в священниках, тех и Греческому языку. А на содержание тех школ давать из остаточных денег, ... по пяти сот рублей в год”.

На протяжении XVIII века господствующее влияние на русскую культуру и педагогику имели Юго-Западная Русь и Польша, а через них осуществлялось и католическое воздействие на образование и воспитание, поэтому школа имела религиозно-церковный характер.

Однако уже тогда “наиболее интеллигентные русские люди” учились ценить науку вообще, не только церковную, божественную, но и светскую. Именно в этот период на Европу начинают смотреть в России как на школу, в которой можно обучиться и науке, и мастерствам. Исторически ситуация сложилась таким образом, что европейские государства имели более развитые формы просвещения. Поэтому перед Россией встал вопрос об использовании исторического опыта стран Запада. Возникла проблема “европеизации” российского воспитания, образования. Петр I, выдвинув задачу образования общества на уровень государственной значимости, обратился к западноевропейской системе обучения. Среди значительных событий своего правления Петр I считал следующее: “Дал позволение всем своим подданным ездить во иностранные европейския государства для обучения, которое прежде было запрещено по казнью, и не только позволил на сие но еще к тому их принуждал” [РГИА, ОРФ, Т.А, р.I, д.90-а, л.115-116]. В 1697 г. пятьдесят царских стольников из знатных фамилий выехали в Англию, Голландию, Италию для изучения мореходного дела. В 1717 г. только в Амстердаме находилось около 70 “недорослей и школьников”, изучавших механику и судовое дело. Тогда же гардемарины познавали мореходное дело в Венеции, одновременно осваивали иностранные языки, юриспруденцию, медицину, искусство, живопись, архитектуру. Дети купцов обучались торговому делу и языкам. К.И. Арсеньев в своем исследовании народной образованности в России отмечал, что в эпоху Петра I “города Сен-Мало и Венеция были местами, куда обыкновенно назначались на жительство молодые русские дворяне, волею Монарха определявшие себя на службу морскую. Сам Государь непосредственно заботился о безбедном содержании за границею тех, которые должны были внести в Отечество свои новые знания” [10]. 18 декабря 1707 года был издан указ № 2178 “О даче ино-

странным посланникам в Москве и Российским послам в чужих краях жалования, и также десяти молодым Россиянам отправленным для образования в чужие края” [ПСЗ, т.IV, с.398-399].

В 1716 году последовала серия указов о посылке молодых людей для обучения за границей. Так, 18 января 1716 года было приказано выбрать в Москве в латинских школах пять человек “робят добрых, молодых”, знающих грамматику, для “посылки в Персиду при Посланике Господине Волынском для обучения языкам Турецкому, Арабскому и Персидскому” [ПСЗ, т.V, № 2978, с.189]. Указами №2986 от 25 января 1716 года и № 2997 от 19 февраля 1716 года предписывалось в Кенигсберг для обучения немецкому языку послать 30 или 40 молодых подъячих, в том числе и “из Архангелогородской губернии 2 человека молодых робят добрых и умных, которые б могли науку воспрять, а чтоб были летами от 15 до 20...” [ПСЗ, т.V, с.200]. 2 марта 1716 года Указом № 2999 предлагалось отобрать в Петербурге из школьников “лучших дворянских детей” в количестве 60 человек, привезти их в Ревель и отправить по 20 человек в Венецию, Францию, Англию “для определения в морскую службу” (ПСЗ, т.V, с.201). 11 февраля 1717 года в указе № 3067 вновь говорилось о посылке 27 молодых дворян в Венецию, часть из которых должна была учиться языкам, а другая – практике навигации “по разным судам, а именно: на каждое судно по одному человеку, и чтоб их сперва производили от нижняго чину” [ПСЗ, т. V, с.489].

В первой четверти XVIII века господствовала установка Петра I на обучение молодежи латинскому языку, “яко богатой сокровищнице учености”, и немецкому, необходимому “для успехов в науках” и для связей с европейскими народами [ПСЗ, т.V, № 3375 от 23 мая 1719 г., с.699-700]. П.П. Пекарский подметил, что в начале XVIII в. лица, которые обучались за границей, “употреблялись по большей части для переводов разных сочинений, касавшихся математики, мореходства, языкознания”.

Традиция Петра I по обучению части молодежи за границей была сохранена и в ломоносовский период. Сам М.В. Ломоносов, прошедший немецкие университеты, считал подготовку русских специалистов за рубежом делом государственной важности. Если

при Петре I, в основном, посылались для обучения в европейских учебных заведениях дворянские дети, то первый русский академик рекомендовал для этого способных, талантливых юношей. За студентами, которые находились “в чужих краях”, велось постоянное наблюдение. Так, в РГАДА в фонде XVII “Наука, литература, искусство” мы обнаружили указ Сената от 6 сентября 1763 г. господину Куратору Адодурову с реестром обучающихся за границей. В нем сообщалось о том, что Зыбелин и Вениаминов обучаются в Кенигсберге медицине, жалованье получают по двести рублей, которое переведено им по 1 мая 1763 года. Ястребов и Рыбников возвращены в Санкт-Петербург в октябре 1762 г. и находятся в кадетском корпусе “при обучении классов”. “За худые проступки” отозван обратно Свинцов. В Швеции Карамышев и Афонин изучали натуральную историю, получая “жалованья по триста рублей”. В Англии в университете г. Глазова студенты Третьяков и Десницкий обучались математике, им платили “по четыреста по двадцати рублей”. В конце документа сделана приписка: “Все оные студенты российским министрам в тех местах препоручены” [РГАДА, ф.17, ед.хр.38 (2), л.80-80 об.].

Сближение России с западноевропейскими государствами в политическом, военном отношении оказывало влияние на развитие страны в общекультурном и общепедагогическом плане. Долгое время перевес в воздействии имела Германия, Франция же влияла в меньшей мере, довольно часто опосредовано. А. Брикнер, изучая отношения России и Франции при Петре Великом, отмечал, что до половины XVIII века они не имели особенно важного значения. Не ранее как при императрице Елизавете Франция стала для России важной школой относительно литературы, нравов, обычаев, моды. Деятельным сторонником сближения России с Францией был И.И. Шувалов. С 1757 года он переписывался с Вольтером, который писал историю Петра Великого. И.И. Шувалов приглашал в Академию Художеств французских мастеров, а также преподавателей в Московский университет.

Европеизация русского просвещения проявлялась не только через обучение молодых людей за границей. Она имела и другие

формы. Одной из них было приглашение ученых и учителей в Россию для ведения научно-педагогической деятельности. Так, в Полном собрании законов мы нашли неоднократные указания на приглашение иностранцев “на русскую службу”. 7 мая 1795 г. распоряжением за № 1512 в Германию послан Матвей Попа для подбора кадров рудоплавных мастеров для последующего обучения ими русских людей [ПСЗ, т. III, с.204]. Несколько немцев, греков, англичан приехали в Россию для занятий горным делом. В 1698 г. будучи в Лондоне, Петр I приказал отыскать хорошего преподавателя математики и морских наук, и ему был представлен профессор Абердинского университета Фарварсон. По приглашению царя он решился приехать на “русскую службу” [11, с.48].

Важным документом был указ № 4663 от 23 февраля 1725 г. “О приглашении ученых людей в Российскую Академию наук и о выдаче, желающим ехать в Россию, нужных пособий” [ПСЗ, т. VII, с.425]. 7 декабря 1725 г. указом № 4807 обнародовали распоряжение “О заведении Академии наук и о назначении президентом оной Лейб-Медика Блюментроста” [ПСЗ, т. VII, с.553-554]. Кроме того, в первой половине XVIII века в России появилось довольно большое число домашних учителей-иностранцев, некоторые из них открыли свои школы.

Влияние европейской педагогики сказалось через проникновение в Россию “ученых пособий и умственных произведений” зарубежных авторов. Данная тенденция была заложена Петром I и сохранилась практически до конца века. Он приказал перевести на русский язык “сочинения иностранных ученых, наиболее достойные внимания или по глубокомыслию, или по практической пользе в общежитии”. Для этих целей содержались “нарочные переводчики” [ПСЗ, т. V, № 3276, 11 января 1719, с.609].

Петр I, составляя наказ-инструкцию для воспитания и обучения царевича Алексея, приказал барону Гюйссену использовать книги Бунона “Общую историю”, Пуффендорфа “Введение в историю главнейших государств”, “О должности человека и гражданина”, Фенелона “Телемака”.

П.П. Пекарский при анализе используемых учебных пособий в России первой половины XVIII века выделил наличие среди них переводных работ. Так, в Московской славяно-греко-латинской академии греческий и латинский языки преподавались по грамматикам братьев Лихуды. Греческая грамматика была написана по руководству Константина Ласкаре, изданному в Венеции в 1673 году, а латинская составлена из разных учебников, выходивших в Греции и Италии. Первыми печатными пособиями для обучения иностранным языкам были книги, изданные в Голландии. В 1704 г. в Москве вышел “Лексикон троеязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище”, составленный Поликарповым, дополненный Яворским, Краснопольским, братьями Лихудами. Им пользовались до 70-х годов XVIII века. Довольно широко была известна работа Пуффендорфа “Введение в историю замечательнейших государств”, как руководство “государственным людям” и как учебник для ознакомления молодежи с историей Европы, в котором отсутствовали излишние рассуждения, главное внимание уделялось анализу внутреннего состояния государств, причинам их возвышения и упадка и т.п. П.П. Пекарский называл эту работу первым в России руководством к всеобщей истории.

Мы считаем значительным событием в развитии русской и славянской педагогики проникновение в Россию учебных пособий Я.А. Коменского. Б.Н. Митюрлов утверждает, что “Великая дидактика” была известна Симеону Полоцкому. А.А. Чума, исследуя влияние идей великого чешского педагога на русскую школу, пришел к выводу, что книгами Я.А. Коменского пользовались в славяно-латинских школах еще в конце XVII века. С некоторыми сторонами педагогической теории ученого были знакомы Федор Поликарпов, Леонтий Магницкий и др. Русские переводы учебных книг Я.А. Коменского были сделаны Глюком по указанию самого Петра I. Он мог с ними познакомиться во время путешествий по западным странам, когда интересовался не только экономическим, политическим состоянием этих стран, но и устройством школ и всей системы воспитания... Его не удовлетворяли старые схоластические методы, он ищет новых, более рациональных способов обучения. Вот поче-

му он одобрительно отнесся к учебному методу Коменского и его учебникам, особенно к иллюстрированной детской энциклопедии “Мир в картинках”. В “Материалах по истории Имп. Академии Наук” указывается, что данная работа Я.А. Коменского была среди книг, по которым учился царевич Алексей. Она привлекала обширностью, энциклопедичностью. Петр I считал важным, что с ее помощью учащиеся могли знакомиться с различными видами техники, ремесел, труда. Кроме обращения детей к материальному и духовному богатству мира, книга Я.А. Коменского выполняла роль пособия для изучения иностранных языков. В ней отсутствовал “тяжелый” слог, который был характерным для изданий XVII - нач. XVIII вв.

Е.С. Кулябко, анализируя педагогические взгляды Л. Эйлера, выявила, что имя чешского педагога связано с историей гимназии при Академии наук. Она пришла к выводу, что работа “Великая дидактика” могла быть известна Л. Эйлеру, поскольку он рекомендовал для младших классов гимназии учебник Я.А. Коменского “Мир в картинках”. А.А. Чума обнаружил в крупных библиотеках нашей страны свыше 60 произведений педагога, напечатанных в XVII-XVIII веках. По инициативе М.В. Ломоносова впервые в России напечатали книгу чешского педагога “*Orbis sensualium pictus*”. Как свидетельствует Н.А. Пенчко, издание этой работы в 1768 г. не повторяло выпуска 1757 г., а было иным хотя бы по той причине, что являлось пятиязычным. В мае 1761 г. М.В. Ломоносов обратился в университетское правление “касательно отпуска из книжной лавки и выписывания из-за границы книг для гимназических учеников, которые чувствовали тогда в них великий недостаток” (П.П. Пекарский). В этот список он включил для среднего латинского класса “*Orbis pictus*” Я.А. Коменского. П.С. Билярский опубликовал запись в журнале Канцелярии АН от 12 декабря 1761 г., в которой говорится, что “коллежский советник Ломоносов приказал книжку Орбис Пиктус отослать к г-ну Котельникову при ордере и велеть оную на российский язык перевести, кому он заблагорассудит”. А.А. Чума сделал предположение, что М.В. Ломоносов мог познакомиться с учебными книгами Я.А. Коменского в период обучения в Москов-

ской славяно-греко-латинской академии, в библиотеке которой они имелись. Экземпляр работы чешского педагога “Orbis pictus” был в личной библиотеке М.В. Ломоносова. Гений науки и просвещения, всесторонне знакомый с достижениями мировой культуры, М.В. Ломоносов не мог пройти мимо трудов Коменского, особенно его учебников.

На наш взгляд, научный интерес представляет сравнение в дореволюционной литературе М.В. Ломоносова с Я.А. Коменским. У этих двух корифеев науки и просвещения есть много общего и в содержании их трудов, в их устремлениях и присущем обоим гуманизме. Л.Н. Модзалевский, оценивая Я.А. Коменского как основателя новой педагогики, подчеркнул, что его учение лучше всех других соответствует духу русской народности и что он напоминает М.В. Ломоносова с его устремлениями.

Рассматривая явление “европеизации” в истории просвещения России первой половины XVIII века, необходимо подходить к его оценке диалектически, т.е. видеть и положительные, и отрицательные моменты. На наш взгляд, ценным был культурный взаимообмен, который при помощи петровских преобразований приобрел целенаправленный характер. Происходило обогащение разных культур, осуществлялся поиск путей организации российского просвещения. Положительным был тот факт, что передовые люди России ориентировались в опыте западных государств, отбирали прогрессивное в нем. Они выступали против прямого переноса форм, методов просветительской деятельности, отстаивали идею учета самобытности и своеобразия русской действительности. Отрицательная сторона “европеизации” заключалась в том, что часть общества испытывала чрезмерное увлечение западноевропейской культурой.

Кроме того, некоторые специалисты, прибывшие в Россию, не являлись представителями настоящего просвещения русского народа, обвиняли его в невежестве, глупости, тупоумии. Этим самым тормозилось выдвижение талантливой молодежи из числа природных россиян. Естественное, что такая позиция нанесла вред делу образования в стране.

Объективное рассмотрение состояния просвещения в России в конце XVII – начале XVIII вв. (С.Д. Бабишин, Э.Д. Днепров, Н.Н. Кузьмин, Е.Н. Медынский, Б.Н. Митюрков, А.И. Соболевский и др.) показывает наличие такого уровня грамотности в стране, без которого невозможно было бы постигать науку в западноевропейских университетах. Об этом же свидетельствуют исследования по состоянию книжного дела в данный период (А.С. Зернова, А.В. Западов, М.В. Истрина, Е.С. Лихтенштейн, С.П. Луппов, А.Н. Неустроев, В.С. Свиденко, В.П. Семенников, Д.В. Тюличев и др.). Уже в дореволюционных работах указывалось на довольно широкое распространение грамотности и книжного дела в России в начале XVIII века. Так, А.И. Соболевский обращал внимание на то, что, несмотря на большое число пожаров, все же сохранилось много рукописных изданий XV-XVII вв. Они были написаны в разных местах – и в столице, и на Севере, и в Сибири. В росте гражданского книгопечатания светского по содержанию проявилось становление и развитие новой русской культуры XVIII века (Д.В. Тюличев). Крупнейшими государственными издательствами в этот период являлись типографии Академии наук и Московского университета. Их отличала универсальность (М.В. Истрина), что позволяло осуществлять широкие просветительские задачи, сформулированные М.В. Ломоносовым. Поскольку в деятельности Академии наук выделялось четыре ведущих направления – научно-исследовательское, технико-прикладное, культурно-просветительское, педагогическое, – то им и была подчинена издательская работа. Универсальность тематики, типов изданий подтверждается перечнем ее печатной продукции. Академия издавала “научные и научно-популярные журналы, периодические сборники научных статей, научные доклады, учебники и научно-популярные книги, газету “Санкт-Петербургские ведомости” с приложениями к ней, календари, собрания сочинений, русские летописи и другую литературу по истории, азбуки, словари и разговорники, произведения художественной прозы и поэзии, драматические и оперные произведения, описания иллюстраций, уставы и руководства по военному делу, педагогические и нравоучительные сочинения, государственные указы

и своды законов. Д.В. Тюличев обнаружил, что издания Академии наук в 40-х годах XVIII века составляли не менее 95%, и в 50-х годах – более 85% всех изданий гражданской печати [12]. Он считал правомочным отождествлять гражданское книгопечатание в России середины XVIII века и книгопечатание Академии наук этого времени. Для нас данное положение является существенным, поскольку именно издательская деятельность была одним из путей осуществления просветительской программы М.В. Ломоносова, работавшего в это время в Академии наук. В ее реализации большую роль сыграл выпуск популярной литературы, прежде всего естественнонаучной. “Хотя большинство населения страны оставалось неграмотным, значительная часть не обученных грамоте в результате общения с людьми, читавшими научно-популярную литературу, тоже вовлекались в этот процесс. Русская православная церковь многократно требовала от правительства запретительных мер против печатания научно-популярных книг, иногда небезуспешно, но Академии наук преимущественно удавалось либо преодолевать такие попытки реакционных церковников, либо игнорировать их. В России, таким образом, распространялось новое естественно-научное мировоззрение” [12]. Специалисты считают период академического книгопечатания с 1741 по 1765 гг. ломоносовским, поскольку велика была роль ученого в определении его тематической направленности (С.П. Луппов, Д.В. Тюличев и др.).

Таблица 1

Виды изданий	1746-1749			1750-1753		
	Число изданий	Сумма тиражей	кол-во печатных листов	Число изданий	Сумма тиражей	Кол-во печатных листов
Естествознание	16	8424	378	23	12137	495
Техника	1	100	3	-	-	-
Медицина	1	662	7	4	1900	68
История	5	6868	110	6	11700	285

Наука, культура, просвещение	4	900	9	-	-	-
Языкознание и литература	8	14267	143	3	3712	79
Философия, этика	3	3606	31	2	1800	29
Религия	1	1000	4	-	-	-

Данные таблицы свидетельствуют о значительном росте выпуска книг и брошюр по естествознанию, медицине, истории, что и характеризовало основные направления научной деятельности ученых Академии. Примечателен и тот факт, что практически не выходила из типографии религиозная литература. К сожалению, недостаточно выпускалось книг по технике, культуре. Вероятно, этот пробел в какой-то степени восполнялся изданием работ по философии и этике.

Д.В. Тюличев опубликовал данные об ассортименте и продаже книг в Московской книжной лавке в 1749-1759 гг. [12, с.205].

Они свидетельствуют о том, что в этот период поступило в продажу литературы по истории (5756 экз.), языкознанию (5464 экз.), государству и праву (4040 экз.), естествознанию (3602 экз.), религии (4932 экз.) и др. Продано из этого числа больше всего книг по языкознанию (4406 экз.), художественной литературы (3262 экз.), государству и праву (2442 экз.), истории (2387 экз.), естествознанию (1666 экз.), этике (984 экз.), религии (719 экз.). Данные позволяют судить о том, что в этот период сформировалась многоплановость научных поисков в стране, проявилась светскость науки, что влияло и на формирование мировоззренческих позиций людей.

Показателем распространенности книжного знания являются и сведения о наличии богатейших библиотек как в монастырях (М.В. Кукушкина), так и в частных собраниях, например, А.П. Во-

лынского, В.Н. Татищева, Ф. Прокоповича, Ф. Лопатинского и др. (С.П. Луппов; 693).

Следует отметить огромное значение для российского просвещения выход первых газет и журналов. А. Западов, исследуя историю русской журналистики, особо выделил роль М.В. Ломоносова в издании единственной в те годы русской газеты “Санкт-Петербургские ведомости”, сотрудником и редактором которой он был. В ней публиковались официальные сообщения из правительственных учреждений, материалы о деятельности Академии наук. Как указывают П.Н. Берков, Н.С. Вертинский, Д.В. Тюличев, газета распространялась по подписке, выходила два раза в неделю, имела в год 104 выпуска. На наш взгляд, интерес вызывают данные о социальном составе подписчиков газеты: около 57% из них составляли военные, около 25% – чиновники статской службы (в эту группу Д.В. Тюличев включил и М.В. Ломоносова). Довольно широко расходилась газета среди недворянской интеллигенции [12, с.110, 119], куда входили представители умственного труда, в том числе и учителя.

Помимо газеты, с 1755 года начинают выходить российские журналы, прежде всего “Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие”. Он был основан по инициативе М.В. Ломоносова. Однако в нем ученый опубликовал всего три стихотворения и практически не участвовал в его выпуске. Мы проанализировали содержание изданных журналов и обнаружили, что во многих номерах публиковались педагогические материалы. Так, в апреле 1755 г. были напечатаны “Мысли нравоучительные”; в мае – “Правила воспитания детей” (перевод); в ноябре – перевод С. Порошина на тему “Благополучие человека зависит не от места”. В июле 1756 г. опубликовано “Письмо о произведении действий музыкою в сердце человеческом”; перевод С. Порошина “Размышления о долготе жизни человеческой” и т.п. В журнале помещались нравоучительные материалы, переведенные из работ Вольтера, Сократа, греческих и римских авторов. В них раскрывался исторический опыт воспитания детей у разных народов, выбор приемов поощрения и наказания молодых людей, специфика воспитания дочерей, о спо-

собах обращения с младенцами и т.п. Мы обнаружили несколько материалов, касающихся характеристики учителей: в феврале 1758 г. дан перевод с немецкого языка указаний “О избирании учителей к детям на дом”, а в июле 1759 г. опубликован перевод также немецкого материала “Разговор о вреде обществу от неискусных учителей”. Собственно педагогическая журналистика появилась в России с 1785 года, когда Н.И. Новиков выпустил “Детское чтение для сердца и разума”. Однако мы считаем, что необходимо провести специальное исследование по изучению педагогической направленности изданий России первой половины XVIII века. Мы согласны с Н.А. Бекетовой, П.Н. Груздевым, утверждавшими, что этим обогащалась русская педагогическая мысль, в нее вносились оригинальные взгляды, отличные от западно-европейской, особенно немецкой, педагогики. Потребность в изучении данной проблемы определяется также и тем, что журналы освещали вопросы, актуальные для своего времени. Однако важность поднятых ими тем не потеряла значения во многих отношениях и для современности.

Таким образом, развитию школы, просвещения, педагогической мысли в России первой половины XVIII века способствовали определенные социальные условия. Это выразилось в общем подъеме интереса к науке, знаниям, их прикладному значению. Распространение книг, появление журналов, обучение специалистов за границей способствовали постепенному повышению уровня образования в стране. Происходившие изменения в общекультурной жизни стран Европы нашли свое отражение и в России. Новая культура первой половины XVIII века, связанная с развитием буржуазных отношений, просветительства привнесла и новое понимание человека. Возрождение в эпоху Просвещения идей гуманизма ярко проявилось в понимании прогрессивными людьми идеала личности, взаимоотношений между человеком и обществом. Развитие философского, этического, литературного научного знания дало сильный толчок и питательную почву для обогащения педагогической мысли России XVIII века.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Очерки русской культуры XVIII века / Под ред. Б.А.Рыбакова. В 4-х т.- М.: МГУ, 1985-1988.
2. Ломоносов: Сб. ст. и мат-в / Отв. ред. В.Л. Ченакал - Л.: Наука, 1965.- Сб. 6.
3. Шмидт Г.К. История средних учебных заведений в России // Журнал Министерства народного просвещения. – 1877. - №1.
4. Фишер А. О ходе образования в России и об участии, какое должна принимать в нем философия // Журнал Министерства народного просвещения.- 1835.- №1.
5. Замысловский Е. О значении XVII века в русской истории // Журнал Министерства народного просвещения. – 1871. - №12.
6. Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. – СПб: изд. АН, 1862. – Т.1.
7. Сиповский В.В. Значение Петра Великого в истории русских школ // Семья и школа. – 1872. - №5.
8. Булгаков М. История Киевской академии. – СПб.: тип. Жернакова, 1843.
9. Вишневский Д. Киевская академия в первой половине XVIII столетия.- Киев, 1903 г.
10. Арсеньев К.И. Историко-статистический очерк народной образованности в России // Учен. зап. второго отделения Имп. Академии Наук. – СПб, 1854.
11. Лебедев Н.А. Исторический взгляд на учреждение училищ, школ, учебных заведений и ученых обществ, послуживших к образованию русского народа с 1025 по 1855 г.- 2-е изд., испр. и допол. – СПб.: тип. П.П.Меркульева, 1875.
12. Тюличев Д.В. Книгоиздательская деятельность Петербургской Академии Наук и М.В.Ломоносов – Л.: Наука, 1988.

II. Ломоносововедение как предмет педагогического исследования

Анализу деятельности М.В. Ломоносова посвятили свои исследования ученые разных отраслей науки. Ломоносововедение зародилось в последние годы жизни ученого, когда были опубликованы его сочинения, начался сбор материалов биографии. Значительным вкладом явились работы Я.Я. Штелина и И.И. Лепехина, в том числе описание его знаменитого путешествия на родину М.В. Ломоносова. Достоинство произведений ученика первого русского академика заключается в сборе рассказов живых очевидцев, знавших отца и сына Ломоносовых.

Однако в целом долгое время результаты научной деятельности и труды ученого находились в забвении. На это указывали многие общественные деятели и, прежде всего, Г.В. Плеханов [1]. Он отметил, что на первый взгляд довольно непонятна судьба работ М.В. Ломоносова в истории русской общественной мысли, в истории европеизации общества. Н. Булич и Г.В. Плеханов ставили вопрос о том, почему "русские ученые, шедшие по одной дороге с Ломоносовым, не обратили внимание на труды его, изучение которых разом дало бы им здравые понятия в науке и избавило бы от тяжелой и ненужной необходимости изучать плохие зады Европы?" [1, с. 157].

Они обратили внимание на социально-психологическое объяснение данного явления: "Пока выдающиеся люди отсталой страны не получают признания в передовых странах, они не добьются полного признания и у себя дома: их соотечественники будут питать более или менее значительное недоверие к своим "доморощенным" силам ("где уж нам!"). Ведь нельзя же отрицать, что русские люди оценили все колоссальное значение своей литературы только после того, как перед ней преклонился Запад" [1, с. 157].

Этим объясняется тот факт, что к изучению ломоносовского наследия более активно обратились лишь в период подготовки к столетию со дня смерти ученого (1865 г. - П.С. Билярский, А.А. Ку-

ник, Я.К. Грот, В.И. Ламанский, П.П. Пекарский, М.И. Сухомлинов и др.), когда начали разыскивать и систематизировать его архив, подготовили обзоры о научной деятельности М.В. Ломоносова. Довольно солидные исследования в области ломоносововедения появились к 200-летию со дня рождения академика, в 1911 году (Б.Н. Меншуткин, Б.Л. Модзалевский, Н.Р. Политур, И.М. Сибирцев, В.В. Сиповский и др.). В дореволюционных исследованиях дана высокая оценка деятельности М.В. Ломоносова как великого русского ученого в противовес длительному замалчиванию его научного подвига. Заслугой ломоносововедов этого периода явился сбор огромного фактического материала, писем и работ самого М.В. Ломоносова, издание первых собраний его сочинений. В этот период начали выходить знаменитые "Ломоносовские сборники", в подготовке которых активное участие принимали земляки ученого.

Однако развитие ломоносововедения тормозилось тем, что трагичной оказалась судьба архива ученого и его библиотеки. После смерти М.В. Ломоносова 4 (15) апреля 1765 г. его кабинет был опечатан графом Г.Г. Орловым, как предполагают, по приказу Екатерины II. Доступ к архиву имели разные люди. Е.С. Кулябко, занимавшаяся изучением его истории, обнаружила, что часть бумаг личного характера была передана семье, но значительная доля осталась у Г.Г. Орлова и до сих пор не разыскана [2]. В организации советского ломоносововедения особенно велика заслуга президента АН СССР С.И. Вавилова. По его инициативе был создан музей М.В. Ломоносова в Ленинграде, подготовлен VIII том академического собрания сочинений ученого, начатого еще в 1891 г. академиком М.И. Сухомлиновым. Было организовано многоплановое изучение творческого наследия М.В. Ломоносова, его вклада в развитие экономики (И.С. Бак, Н.К. Каратаев, Б.Б. Кафенгауз, В.П. Лысцов и др.), истории (М.А. Алпатов, Д.М. Гурвич, Б.А. Рыбаков, А.М. Сахаров, М.Н. Тихомиров, Г.Г. Фруменков и др.), языка (В.В. Виноградов, В.П. Вомперский, Л.К. Граудина, А.И. Ефимов, А.Д. Оришин и др.), физики (С.И. Вавилов, А.А. Елисеев, Б.М. Кедров, И.В. Кузнецов и др.) и т.д.

В истории ломоносововедения особо отмечено 250-летие со дня рождения ученого. К этой дате было завершено издание полного одиннадцатитомного собрания его сочинений, что явилось огромной заслугой целого коллектива авторов, среди них С.И. Вавилов, Т.Б. Кравец, И.А. Андреев, П.Н. Берков, Г.П. Блок, А.А. Елисеев, Г.А. Князев и др. Выход этого издания явился событием в истории ломоносововедения, поскольку его материалы дали возможность более глубоко и всесторонне изучать наследие ученого. Большой научный интерес представляют биографические работы о М.В. Ломоносове, подготовленные советскими исследователями (В.И. Астафуров, М.Т. Белявский, В.В. Данилевский, Г.М. Коровин, Б.Г. Кузнецов, А.А. Морозов, Г.Е. Павлова, А.С. Федоров и др.). Однако в них сохранялась прежняя традиция в характеристике научного наследия ученого: основной упор делался либо на биографические данные, либо на освещение отдельных сторон деятельности М.В. Ломоносова. Следует считать положительным рассмотрение в этих работах влияния идей ученого на русскую и мировую науку. Кроме того, получила свою разработку оценка М.В. Ломоносова как просветителя, данная Г.В. Плехановым (М.Т. Белявский, Я.Д. Бетяев, Г.С. Васецкий, Н.М. Дружинин, Э.П. Карпеев, В.П. Лысцов и др.). Первый русский академик занимался не только "чистой наукой", но и много сил отдавал развитию просвещения в стране. Эта сторона его деятельности долгое время оставалась вне поля зрения исследователей.

В 50-60-х годах XX в. ученые выделили такую проблему, как "М.В. Ломоносов и Московский университет". Большой вклад в ее разработку внес М.Т. Белявский [3]. Он дал характеристику мировоззрения ученого, его научной и общественной деятельности, определил ведущую роль М.В. Ломоносова в развитии русской науки и культуры XVIII века, показал его организатором, основателем Московского университета. Наиболее полно М.Т. Белявский раскрыл деятельность учеников М.В. Ломоносова – Н.Н. Поповского, Д.С. Аничкова, А.А. Барсова, С.Е. Десницкого, И.А. Третьякова, С.Т. Зыбелина, И. Афонины.

Сбором документов по истории Московского университета долгое время была занята Н.А. Пенчко, результатом труда которой явился выход в свет фундаментальной работы [21]. Она показала организаторскую деятельность М.В. Ломоносова на ниве просвещения, доказала его приоритет в разработке программы открытия университета и гимназий в Москве.

Анализом педагогических взглядов профессоров Московского университета занимался М.В. Сычев-Михайлов. Изучая историю школ Москвы, он познакомился с учебно-методическими руководствами, которые были разработаны бывшими учениками и последователями М.В. Ломоносова, проследил развитие ими педагогических идей русских просветителей (И.Т. Посошкова, Ф. Прокоповича, В.Н. Татищева). М.В. Сычев-Михайлов охарактеризовал оригинальные педагогические произведения Н.Н. Поповского, А.А. Барсова и впервые в историко-педагогической литературе опубликовал "Способ учения", проанализировал этот документ, а также другие учебно-методические руководства профессоров Московского университета. Однако деятельность М.В. Ломоносова раскрыта в данном исследовании очень кратко. Автор лишь схематически показал борьбу М.В. Ломоносова и его учеников за внедрение русского языка в систему школьного образования России [4].

Постоянный интерес ученых вызывала академическая деятельность М.В. Ломоносова, главный упор делался при этом на характеристику ведущих направлений его научных поисков (П.С. Билярский, В.И. Вернадский, Э.П. Карпеев, Е.С. Кулябко, В. И. Ламанский, Б.Н. Меншуткин, Г.Е. Павлова, П.П. Пекарский и др.). Так, Е.С. Кулябко, занимаясь разработкой проблемы "М.В. Ломоносов и учебная деятельность Академии наук в XVIII веке", раскрыла состояние школьного дела в России в первой четверти XVIII в., учебную деятельность Академии наук до утверждения академического регламента 1747 г. Основная часть работы посвящена роли М.В. Ломоносова в перестройке учебно-воспитательной деятельности академического университета и академической гимназии в период заведования ими (1758 - 1765гг.). Данные исследования имеют большую историческую ценность, дают возможность объективно оце-

нить наследие ученого. Большой фактический материал, собранный Е.С. Кулябко, позволил выявить реальное влияние гения М.В. Ломоносова на развитие русского просвещения во второй половине XVIII века [2].

Ценным является выделение историками науки ломоносовского периода в истории Академии наук. В "Истории Академии наук СССР" отмечается, что новый период в развитии русской науки открывается со времени прихода в Академию М.В. Ломоносова. Борьба ученых во главе с первым русским академиком за развитие науки и техники представляет собой отдельный и внутренне законченный период истории Академии [5, т.1, с.9]. Хронологически ломоносовский период ограничивается отъездом Л. Эйлера из России по прибытии М.В. Ломоносова из Германии (1741 г.) и его приездом обратно после смерти первого русского академика (1765 г.). Деятельность выдающегося русского ученого в Академии считают настоящей эпохой, которая определялась объективными социально-экономическими, политическими условиями, уровнем развития научной жизни в стране. К моменту прихода М.В. Ломоносова "Академия стала крупным мировым научным центром. Ее численный состав значительно увеличился, к началу 1742 г. насчитывалось почти 400 человек, среди них 11 профессоров, 6 почетных членов, 9 адъюнктов, 8 переводчиков, 17 студентов и 113 гимназистов" [5, т.1, с.152]. Кроме того, в типографии, в производственных мастерских насчитывалось около 200 человек. Членами Академии были такие выдающиеся ученые, как астроном Ж. Делиль, ботаник И. Гмелин, физик Г. Крафт, физиолог И. Вейтбрехт, историк Г. Миллер и др. Почетными членами Академии являлись Х. Вольф, И.Д. Бернулли, Р. Реомюр, К. Линней, Ж. д'Аламбер и др. Всего до 1765 г. в почетные члены было избрано 90 человек иностранцев [5, т.1, с.152].

Однако в отличие от общей истории науки в истории русской педагогики ломоносовский период не выделяется, в ней вообще отсутствует выделение отдельных этапов. Попытку выделить некоторые из них предпринял П.Ф. Каптерев. Он считал, что "в истории русского педагогического самосознания" можно выделить три периода: церковный, государственный, общественный. Педагогика петровских преобразова-

ний до воцарения Александра II обозначена им государственным периодом, т.к. "заведывание делом народного образования взяло в свои руки государство, оттеснив церковь не только что на второй, но даже и на третий план" [6]. Педагогику петровской эпохи П.Ф. Каптерев называл "теоретической". Роль М.В. Ломоносова в истории педагогической мысли он не раскрывал. За критерий выделения периодов К.Ф. Каптерев взял соотношение государственной и церковной власти. По нашему мнению, деление истории педагогики на периоды целесообразно осуществить по содержательному развитию педагогической мысли. Следует выделить два периода в истории педагогики России первой половины XVIII века: период просветительной педагогики и педагогика ломоносовского периода, который, по образному выражению М.И. Демкова, можно считать "новой русской педагогией" [7]. Его заслугой является единственное в литературе к. XIX - н. XX века признание М.В. Ломоносова родоначальником "научной русской педагогики", хотя он и не считал его педагогом в прямом смысле слова: "Но он столько сделал для русской педагогики, как редкий из известных педагогов. Он твердо поставил на ноги русскую науку и тем способствовал развитию научной педагогики; его заслуги перед русским языком и литературой неоценимы, а без этого русская педагогика не могла двинуться" [7].

Отдельные проблемы развития педагогической мысли в первой половине XVIII века нашли отражение в работах А.В. Смирнова. Он дал общую характеристику просветительных взглядов М.В. Ломоносова, показал его роль в организации университетского образования, в развитии гимназий. Важное место в исследованиях А.В. Смирнова занимает анализ развития школьного дела и педагогической мысли в конце XVII - первой половины XVIII в. В отличие от других ученых он обратился к малоизученной истории северорусской школы.

Попытку проследить творческий путь ученого, показать его борьбу за развитие образования в России осуществила Л.А. Искра-Перевалова в работе "Педагогические взгляды М.В. Ломоносова" [8]. Предметом ее внимания стали ломоносовские проекты "Регламента московских гимназий" и "Регламента Академической гимназии". Ав-

тор дала характеристику учебникам, составленным М.В. Ломоносовым, раскрыла отдельные педагогические взгляды первого русского академика о воспитании детей, об организации средней школы, о содержании и методах обучения.

Среди историко-педагогических работ по ломоносовскому периоду выделяется монографическое исследование В.К. Бобровниковой [9]. Автор показала сущность просветительной программы ученого, его педагогическую деятельность, раскрыла борьбу М.В. Ломоносова за распространение просвещения среди молодежи. Особое место в книге занимает вопрос о влиянии демократических педагогических идей ученого на деятельность профессорско-преподавательского состава Московского университета.

Роль первого русского академика в развитии отечественной психолого-педагогической науки в той или иной мере раскрыта Б.Г. Ананьевым, С.Ф. Егоровым, А.А. Елисеевым, Л.В. Жаровой, С.И. Зиновьевым, Е.А. Климовым, В.А. Кольцовым, М.В. Соколовым и др. Обращает на себя внимание и тот факт, что изучение педагогического наследия М.В. Ломоносова в основном осуществлялось в 50 - 60-е годы двадцатого века. Лишь спустя почти тридцать лет состоялась Всесоюзная научно-практическая конференция "М.В. Ломоносов и значение его деятельности для развития просвещения", которая проводилась на родине ученого, в Архангельске, в сентябре 1986 г. [10]. В ее работе приняли участие сотрудники Госкомитета СССР по народному образованию, ученые АН СССР, АПН СССР, преподаватели пединститутов и университетов из девяти республик. Значение конференции состояло в обращении широкой научной общественности к осмыслению роли М.В. Ломоносова в просвещении и педагогике [11]. Анализ материалов, обсужденных исследователями, показал слабую изученность педагогических идей ученого, взаимовлияние его философской, психологической и педагогической теорий. Недостаточно исследована взаимосвязь между становлением М.В. Ломоносова как гражданина, ученого и экономическим, политическим, культурным развитием Русского Севера XVII – XVIII вв.

Одна из причин этого – незнание педагогических сочинений М.В. Ломоносова, что не позволяет осуществить глубокий анализ его идей. Кроме того, в историко-педагогической литературе нет единства в используемой терминологии: одни изучают педагогические взгляды ученого (Л.А. Перевалова), другие – его педагогические идеи (В.К. Бобровникова). По нашему мнению, педагогические идеи Ломоносова следует рассматривать как учение, заложившее основы русской научной педагогики.

В ней должное место занимает его просветительная программа, в которой он выступил организатором народного просвещения на основе принципов гуманизма, демократизма, народности. Неисследованным остается вопрос о благотворном влиянии данной программы на развитие просвещения в многонациональных территориях, на становление прогрессивной педагогической мысли народов России.

В педагогическом учении М.В. Ломоносова мы выделяем как недостаточно изученные его дидактические идеи, несмотря на то, что он внес много нового, оригинального в разработку принципов и методов обучения, его организационных форм.

Фактически вне поля зрения остались проблемы педагогики высшей школы, основателем которой явился М.В. Ломоносов. В общем плане их рассматривали Е.П. Белозерцев [12], С.И. Зиновьев [13].

При внешней многочисленности работ, прежде всего исторических, в области ломоносоведения, создается впечатление, что биография и научная деятельность гения русской науки изучены довольно основательно. Однако более глубокое знакомство с трудами М.В. Ломоносова выявляет достаточно большое число неисследованных проблем, белых пятен, а иногда и просто штампованного восприятия, осовременивания идей ученого.

Практически не раскрыта педагогическая деятельность М.В. Ломоносова, ее основные этапы. В этой связи следует обратиться к уточнению его биографии. Мы убеждены в огромном влиянии Поморского Севера, его культурных традиций на формирование М.В. Ломоносова как педагога. Однако нам менее всего известен поморский период его жизни. К сожалению, сохранилось крайне мало документов, связанных с пребыванием ученого на Севере. Одной из

причин этого – пожар в Архангельске в XVIII веке, в котором сгорело большое число бесценных документов. По существу мало сведений о родителях ученого, о происхождении их фамилии (после смерти отца фамилия Ломоносовых перестала существовать в Денисовке), грамотности взрослых членов семьи. Неизвестно также, у кого научился грамоте М.В. Ломоносов, который к 15-16 годам имел хороший почерк, о чем свидетельствуют его автографы, найденные в архивах Архангельской таможни Н.Л. Коньковым [14]. Довольно проблематичным является выявленный круг родственников и знакомых М.В. Ломоносова на Севере, повлиявших на развитие его интересов к наукам, языкам. Недостаточно изучена своеобразная социальная среда, в которой формировался будущий гений. Опираясь на этнографические источники, следует выделить народные воспитательные традиции поморов, охарактеризовать поморскую педагогику, основы которой позднее обнаружили в педагогическом творчестве ученого. Кроме того, поморскую среду необходимо рассматривать на фоне взаимовлияния скандинавской и северорусской культур, анализа состояния народного просвещения на Севере, народной культуры, характеристики деятельности таких прогрессивных людей Поморья, как В.В. Крестинин, А.И. Фомин, знакомства с работой народных учителей. Документы РГАДА, материалы Полного собрания законов Российской империи свидетельствуют о посылке из центра в разные губернии; в т.ч. и Архангельскую, учителей. До сих пор неисследованной остается их педагогическая деятельность.

Неизученной является проблема влияния церкви на распространение грамотности, в том числе и на Поморском Севере. Анализ "Русского биографического словаря" в 22 томах (1007 – 1029), изданных до 1917 года, показал, что в первой половине XVIII века учителями в основной своей массе были представители духовенства. Указами Петра I им предписывалось обучать детей основам грамоты. Огромную роль в культурном развитии Поморья сыграли архиепископы Холмогорский и Важский – Афанасий и Варнава [15]. Оба они ценили самобытный северный край, занимались распространением грамотности. Так, благодаря Варнаве в 1714 г. при Николаевском Корельском монастыре была открыта школа, а в 1723 г. – в самих Холмогорах. С появлением

Варнавы на Север стали приезжать воспитанники Киевской и Московской академий: Кульчицкий, Хропкевич, Баракевич, Кардашевский и др. Нами в Государственном архиве Архангельской области обнаружены рукописные книги XVII – XVIII вв. (Иоанн Златоуст "Беседы, нравоучения и истолкования евангелия Иоанна Богослова" – 1665 г.; "Православное исповедание" – 1696 г.; "Евангелие учительное" – 1681 г.; Л. Баранович. "Меч духовный" – 1666 г. и др.). Интерес представляет указание на выпуск рукописей в Киево-Печерской лавре и их принадлежность к Холмогорскому Собору. В доме Варнавы, по свидетельству современников, царила южно-русская образованность, общение происходило и на латинском, и на польском, и на украинском языках.

В "Архангельских губернских новостях" (1869, № 5) были помещены материалы, в которых высказывалось предположение об обучении М.В. Ломоносова в архиерейской школе в Холмогорах. Хотя советские исследователи, в т.ч. А.А. Морозов [16], отвергают этот факт, он требует документальной проверки по ряду причин. Известно, что, во-первых, мать ученого была родом из семьи церковнослужителя. Во-вторых, школа являлась малочисленной, и поэтому было возможным принятие в нее крестьянских детей. В-третьих, уровень грамотности, почерк, стиль письма М.В. Ломоносова в юные годы позволяют сомневаться в том, чтобы так можно было научиться урывками, без системы и должного руководства со стороны учителя.

Для понимания сущности педагогической деятельности М.В. Ломоносова важно также знакомство с его московским и немецким периодом жизни. Однако мы имеем бедные документальные источники. Осталось очень мало личных писем ученого. Лишь в двух письмах к И.И. Шувалову находим его воспоминания о московских годах жизни, а обучение М.В. Ломоносова в Германии представлено практически на косвенных источниках. Важно узнать влияние педагогов, поэтов, ученых Германии на формирование его педагогических идей. Кроме того, недостаточно известно посещение М.В. Ломоносовым Киева. М. Булгаков [17], изучая историю Киевской Академии, не коснулся этого вопроса, точно так же, как и Д. Вишневецкий [18]. Изучение пребывания ученого в Киеве было осуществлено И. Чистовичем [19],

А.А. Морозовым [16], хотя документальных архивных подтверждений этому исследователями не обнаружено.

Рассматривая вопрос о педагогической деятельности М.В. Ломоносова, целесообразно с позиций современности подойти к оценке роли И.И. Шувалова в жизни и творчестве ученого. В литературе 50-х годов эта проблема получила одностороннее освещение: установление подлинного вклада М.В. Ломоносова в открытие Московского университета его гимназий, в разработку программ их деятельности и противопоставление его И.И. Шувалову. Вероятно, это было сделано в противовес некоторым работам XIX – начала XX века, в частности Д.А. Толстого. Однако в исследованиях того периода русскими учеными уже ставился вопрос о значении взаимодействия и сотрудничества М.В. Ломоносова и И.И. Шувалова. Например, И.М. Соловьев, занимаясь изучением состояния русских университетов, сделал вывод о забвении М.В. Ломоносова в истории русского просвещения, научные труды которого "целых полтора десятка лет пролежали в архивах Академии наук, не получив своего естественного развития в истории науки" [20]. Он отметил упорство и настойчивость М.В. Ломоносова в отстаивании проекта и устава Московского университета и сделал вывод о том, что "многие мысли М.В. Ломоносова легли в основу Шуваловского проекта". И.М. Соловьев объективно оценил стремление М.В. Ломоносова взять "здоровые традиции немецких университетов и с учетом российских условий использовать их при организации Московского университета".

Изучение архива И.И. Шувалова, находящегося в РГАДА, детальное знакомство с современной литературой (А.С. Орлов) свидетельствуют о необходимости переоценки значения отношений его с великим русским академиком. Инициатором создания университета был М.В. Ломоносов, что подтверждено документально (Н.А. Пенчко). Но несомненно и то, что проведение этой идеи в жизнь, быстрое ее осуществление в условиях того времени, менее всего способствовавших данному предприятию, принадлежит И.И. Шувалову, одному из интереснейших, образованнейших людей эпохи Просвещения. Сближение их послужило общественной пользе и интересу. В течение тринадцати лет М.В. Ломоносов привлекал И.И. Шувалова не

только успехами в естественных науках, но, прежде всего блестящим поэтическим талантом. Со своей стороны И.И. Шувалов был вдохновителем многих начинаний М.В. Ломоносова. Вероятно, и вопрос должен рассматриваться не в плане противопоставления этих двух выдающихся людей, а в плане их взаимодействия на благо общегосударственных интересов.

Таким образом, анализ затронутых вопросов показывает, что педагогическое ломоносововедение как предмет историко-педагогического исследования не получило должного освещения в современной научной литературе. Это связано, прежде всего, с отсутствием систематической исследовательской деятельности по данной проблеме, слабым знанием педагогических произведений М.В. Ломоносова, необъективной оценкой роли ученого в истории русской педагогической мысли.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Плеханов Г.В. История русской общественной мысли. 2-е изд., доп. - М., 1915. - Т. 2.
2. Кулябко Е.С. М.В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук. - М.; Л.: АН СССР, 1962.
3. Белявский М.Т. М.В. Ломоносов и основание Московского университета. - М.: МГУ, 1955.
4. Белявский М.Т. Все испытал и все проник: К 275-летию со дня рождения М.В. Ломоносова. - М.: МГУ, 1986.
5. Сычев-Михайлов М.В. Из истории русской школы и педагогики XVIII века / Под ред. Н. А. Константинова, М.Ф. Шабаевой - М.: АПН РСФСР, 1960.
6. История АН СССР (1724 - 1803) / Гл. ред. К.В. Островитянинов. - М.; Л.: АН СССР, 1958.
7. Каптерев П.Ф. История русской педагогики. - СПб., 1909.
8. Демков М.И. Педагогика западно-европейская и русская // Педагогическая хрестоматия. - М., 1911
9. Перевалова Л.А. Педагогические взгляды М.В.Ломоносова / Под ред. и с предисл. проф. М.Ф. Шабаевой.- М.: Просвещение, 1964.

10. Бобровникова В.К. Педагогические идеи и деятельность М.В. Ломоносова. - М.: АПН СССР, 1961.
11. М.В. Ломоносов и значение его деятельности для развития просвещения // Тезисы докладов Всес. науч.-практич. конф. - Архск, 1986.
12. Гусева В.М. М.В. Ломоносову посвящается // Сов. педагогика. - 1987. - № 1. - С. 136.
13. Белозерцев Е.П. Подготовка учителя в условиях перестройки. - М.: Педагогика, 1989.
14. Зиновьев С. И. Основоположник отечественной высшей школы // Вест. высш. шк. - 1961. - № 11. - С. 66 - 70.
15. Коньков Н. Л. Неизвестные ранние автографы М.В.Ломоносова // Вест. Москов. ун-та. - 1978. - Серия VIII. История. - № 2. - С. 82 - 87.
16. Верюжский В. Афанасий, архиепископ холмогорский. - СПб., 1908.
17. Морозов А. А. Ломоносов. - 5-е изд. - М.: Мол. гвардия, 1965.
18. Булгаков М. История Киевской академии, - СПб., 1843.
19. Вишневский Д. Киевская академия в первой половине XVIII столетия. - Киев, 1903.
20. Чистович И.А. История первых медицинских школ в России. - СПб., 1883.
21. Чистович И.А. История Санкт Петербургской академии. - СПб., 1857.
22. Соловьев И.М. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. Университеты до эпохи 60-х годов. - СПб., 1913.
23. Пенчко Н.А. Создатель Московского университета // Вест. высш. шк. - 1961. - № 11. - С. 71 - 76.
24. Пенчко Н. А. Основание Московского университета. - М., 1953.

III. Развитие школьного дела в России первой половины XVIII века

А лагодаря петровским преобразованиям новая культура России XVIII века, основанная на исконно русских традициях, имела отпечаток западноевропейской цивилизации. Исторический опыт показал, что общекультурное развитие страны базируется на образовании, просвещении. Поэтому как одну из ведущих задач Петр I ставил вопрос о переустройстве школьного дела. Его роль в этом направлении высоко оценивалась многими исследователями (К.И. Арсеньев, В.В. Сиповский), которые считали, что Петр Великий открыл новую историю России. Однако "чуждые обычаи, нравы и понятия не могли лишить народ ни его характера, образовавшегося веками и утвержденного многими доблестями, ни привязанности к родному, любви к своему, собственному Русскому быту и даже желания видеть и понимать вещи по-своему. После кончины Великого Монарха-Преобразователя, в продолжение пятидесяти лет, дело народного образования совершалось по плану, им предначертанному, без всяких существенных изменений" [1, с. 12 – 13].

История народного образования в России первой половины XVIII века требует отдельного самостоятельного изучения. В исторической и историко-педагогической литературе имеется ряд исследований, позволяющих судить о значении преобразований школьного дела петровской и послепетровской эпохи для последующих лет, вплоть до конца века. Кроме того, в РГАДА, РГИА, "Полном собрании законов Российской империи" имеются документы, свидетельствующие о динамике развития школ, их территориальном размещении, особенно во второй половине века. Изучая состояние школьного дела в исследуемый период, необходимо было выявить в этом процессе своеобразные тенденции, характерные для русской школы.

Развитию просвещения в России в первой половине XVIII века способствовал ряд факторов: создание определенной материальной основы для функционирования учебных заведений (выделение средств, зданий, расширение книгоиздательского дела, подбор и

подготовка учительских кадров и т. п.); государственная поддержка образовательных преобразований; рост грамотности среди населения страны. Так, А.И. Соболевский, исследуя состояние образованности Московской Руси XV – XVII вв., пришел к выводу, что "белые священники" уже в этот период были в основном грамотными. Правительство приказало "отцам духовным" расписываться в документах за посадских людей и крестьян, если они неграмотны. Черное духовенство имело некоторый процент неграмотных. Более 50% крупных и мелких землевладельцев Московской Руси, независимо от их места жительства, были грамотны. Владение грамотой было обычным явлением среди торговых людей. По мнению А.И. Соболевского, процент грамотных крестьян едва ли был ниже 15%. Понятие "образованности" в тот период было одинаковым почти для всех сословий: "И княжеский сын, и поповский, и крестьянский учились в одни и те же годы одному и тому же по одним и тем же книгам, часто у одних и тех же учителей, и достигали в школьном образовании приблизительно одного и того же - умения читать и писать. Точно также и княжеский сын, и попович, и крестьянский сын могли сами, каждый отдельно, набираться учености, изучая книги" [2, с. 25]. Количественному и качественному изучению изменений, происходивших в традиционной системе школьного образования на Руси в XV – XVII вв., посвятили свои исследования Э.Д. Днепров, О.С. Кошелева, В.С. Румянцева и др. Они доказали, что состояние образованности этого периода подготовило осуществление петровских преобразований в области школьного дела. По мнению современных ученых, необъективной является точка зрения отдельных авторов об отставании России от общеевропейской образованности.

Совершенно правильное утверждение М. Владимирского-Буданова о том, что в допетровскую эпоху господствовало элементарное образование, которое находилось в ведении приходских общин. Оно заключалось в распространении простой грамотности, положительным моментом которой было то, что одновременно с изучением грамоты "начинался процесс умственного и нравственного возвышения". Цель его в старых приходских школах обозначалась как "люд-

скость". "Понятие "людскость" заключало в себе цель всякого общего человеческого образования, в противоположность профессиональному, ремесленному. Поэтому в приходских школах, как содержание грамотности, так и школьная дисциплина направлены на решение этой задачи. Школа не считала воспитание чуждым для себя и не предоставляла его исключительно семье. Таким образом, содержание элементарного образования составляло (по выражению одного школьного устава XVII века) "науки и добродетели" [3, с. 1]. Школа, как и церковь, была неизбежной принадлежностью прихода. Учителя готовились в тех же приходских школах. М. Владимирский-Буданов оценивал элементарное образование как низкое по своему уровню, но высокое по социальному значению из-за однородности и всеобщности. Известно, что разные оценки давались состоянию русской образованности уже в ломоносовский период. Так, в середине XVII века Г. Полетика пытался опубликовать исторический очерк образования в России. Однако против этого выступил М.В. Ломоносов, "доказывая, что взгляды автора на предмет неблагоприятны, что, выставя невежество русских до Петра, он тем самым унижает их в глазах иностранцев" [3, с. 9].

Новые потребности России в образованных кадрах, связанные с развитием экономики, науки, культуры, поставили Петра I перед необходимостью поиска путей преобразования школьного дела в стране. Качество получаемых в школе знаний не соответствовал государственным требованиям. Абсолютизм с большим чиновничьим аппаратом управления нуждался не просто в грамотных, а специально подготовленных к государственной службе людей. "В условиях формирования русской науки и национальной культуры, коренных изменений в характере и масштабах экономических, политических и культурных контактов со странами Европы, определявшейся той ролью, которую стала играть Россия в международных отношениях, особую важность приобрела подготовка историков, юристов, экономистов, филологов. Нараставшие изменения в укладе жизни и быту диктовали необходимость подготовки отечественных архитекторов, художников, скульпторов, музыкантов" [4, с. 259]. Этому способствовали поездки Петра I по Европе, общение с ведущими учеными. В 1711 г. царь встретился с

Лейбницем, а в 1712 г. выдал ему грамоту о приеме "на русскую службу в чине тайного советника с назначением жалованья по тысяче ефимков в год, в надежде, что он будет содействовать русскому правительству ко умножению математических и иных искусств и произысканию истории и к приращению наук" [5, с. 995]. С этого времени Лейбниц неоднократно высказывал свое мнение на государственное устройство и на средства распространения образования в России. Так, в записке русскому резиденту в Вене в 1707 г. он писал, что "средство, с помощью которого можно повести людей на этот путь добродетели и счастья, заключается в хорошем воспитании юношества. Посредством воспитания можно даже из животных делать чудеса... Юношество можно так вести, чтоб вселить в него любовь к добродетели и охоту к науке" [5, с. 995], Лейбниц раскрывал способы распространения научного знания, указывал на необходимость создания библиотек, музеев, коллекций, кунсткамер. В конце записки он предлагал образовать Академию наук в виде "особенной влиятельной коллегии с обширным кругом власти, от которой бы зависели до известной степени высшие и низшие учебные заведения, назначение ученых, книжное дело, типографии, переводы, цензура книг, а также художники и ремесленники с их произведениями" [5, с. 996]. В записке 1716 г. Лейбниц вновь писал о значении библиотек, ботанических и зоологических садов, анатомическом театре как необходимом средстве распространения наук. Развивая свои мысли о воспитании и образовании, он критиковал современные ему педагогические воззрения, содержанием которых было формальное развитие. Лейбниц являлся реалистом в воспитании [5, с. 997] и считал, что умственному развитию наиболее всего способствуют математические науки. Поэтому он рекомендовал какое-то время каждому обучающемуся студенту посещать лекции по математике и механике. Лейбниц выступал за практическое применение научных идей в жизни общества. Он высоко ценил общественное назначение педагогического труда, рекомендовал профессоров поставить по значимости наравне с высшими чиновниками при дворе, а учителей – с высшими чиновниками в провинциях. Идеи Лейбница о связи науки с жизнью, Академии наук с обществом, о распространении знаний в стране нашли свое воплощение в преобразованиях Пет-

ра. Роль Лейбница в европейском просвещении высоко оценивалась исследователями (В. Герье), сравнивавшими его с Аристотелем и М.В. Ломоносовым: "Как ни велико различие между ними в обстановке и в достигнутых результатах, они занимают одинаковое положение в истории своего народа. Оба жили в такое время, когда их народ переступал из раннего периода своей жизни в более зрелый возраст. Оба были поставлены в необходимость взяться в одно время за все науки, не пренебрегать черною работою и своею деятельностью указать народу те пути, по которым он должен был следовать. Оба поэтому имеют одинаковое право на благодарность и уважение своего народа. Но Лейбниц был счастливее..." [6, с. 964].

В выдвижении просветительских проектов относительно России Лейбниц не был одинок. Существовали предложения Л. Эйлера, В.Н. Татищева, Ф. Салтыкова, Ф. Прокоповича, И. Посошкова, которые также были озабочены проблемами постановки образования в стране. Все это сыграло положительную роль в осуществлении петровских преобразований.

Каковы ведущие направления реформ Петра I и его последователей в области школьного дела? Для этого следует обратиться к документам. Нами выбрано из "Полного собрания законов Российской Империи" 180 законов, относящихся к периоду с 1695 по 1770 гг. Из них на период правления Петра Великого приходится 54 указа. При этом за двенадцать лет, с 1700 - 1712 гг., обнародовано 10 законов, с 1713 - 1719 гг. – 236, с 1720 - 1722 гг. – 13, с 1723 - 1725 гг. – 8. Наибольший пик принятия законодательных актов о просвещении России при Петре I приходился на период с 1713 по 1722 гг.

О внимании государственной власти к вопросам образования свидетельствует тот факт, что даже в последнее время своей жизни царь подготовил постановление, по которому два раза в год (в январе и июле) начальники училищ должны были сообщать ему о состоянии учебных заведений, о числе учащихся, их успехах и прилежании [ПСЗ, т. VII, № 4450 от 31 января 1724 г., с. 226 – 230].

Какие же школы были открыты в петровское время? Источниками при рассмотрении данного вопроса послужили материалы "Полного собрания законов Российской Империи" [СПб., 1830, тт. III –

VII], исследования А. Воронова, М. Владимирского-Буданова, С.А. Князькова, Н.И. Сербова, И. Иванова, В.И. Лебедева и др., а также исторические работы В.И. Зиза, С.В. Папаригопуло, Т.И. Куро и др. Полученные сведения обобщены в таблице 2.

Таблица 2.

Год	Название школы	Источник данного свидетельства
1	2	3
1697 г.	- школы при бомбардирской роте и при артиллерийском пешем полку	Историческое обозрение 2-го кадетского корпуса, СПб, 1862, с. 7
1698 г.	- школа, созданная братьями Лихудами	
	- школа словесных наук А. Винкруса при пушкарском дворе	
1700 г.	- школа А. Вейде при Посольском указе	
	- бомбардирская школа при Преображенском полку	ЦГВМА. Дела коллежские, пр. 96, л.126.
1701 г.	- 10 января открылись деревянные школы по обучению пушкарских и других посторонних чинов детей учить основам светских наук, а так инженерному делу (продолжение школы Винтуса)	
	- 14 января указ об открытии "школы математицких и навигацких наук"	С.М. Соловьев. История России с древнейших времен. СПб: общественная польза. кн. III. СПб, 1345, 1346.

1	2	3
1701 г.	- школа латинского, шведского и немецкого языка в Москве	"Чтение в Имп. Обществе истории и древностей при Московском университете; 1907, кн. I, с. 36 – 37.
1703 г.	- русская адмиралтейская школа	Устрялов. История царствования Петра Великого. СПб. 1863. Т. IV, ч. 3. с. 280 – 281.
1704 г.	- школа иностранных языков Э. Глюка - в С. -Петербурге открыто нормальное немецкое училище	"Чтение в Имп. Обществе истории и древностей при Московском университете". 1907, кн. I, с. 48.
1706 г.	- училище в Новгороде, открытое братьями Лихудами	
1707 г.	- голландский врач Бидлоо открыл хирургическую школу	Полное собрание законов, СПб. 1830. Т. IV от 25 мая 1706 г.
1711 г.	- шведская школа в Тобольске	
1712 г.	- увеличение и изменение работы Инженерной школы в Москве - артиллерийская школа под руководством генерал-майора Гинтера - артиллерийская школа под командованием капитана Витвера	Полное собрание законов. СПб, 1830. Т. IV, № 2467 от 16 января 1712 г., с. 778 – 779. Голиков. Деяния Петра Великого. – Т. V, с. 69.

1	2	3
1714 г.	- открытие во всех губерниях цифирных школ	Полное собрание законов. СПб, 1830. т. V, № 2788 от 28 февраля 1714, с. 86.
1715 г. –	- Морская академия в Петербурге на основе математико-навигационной школы	Полное собрание законов. СПб, 1830. т. V, № 2937 от 1 октября 1715 г., с. 173 – 176.
1717 г.	- пансион француза Баро - школа графа Апраксина - создание "русских школ"	Полное собрание законов. СПб, 1830. т. V, № 3122 от 28 ноября 1717 г., с. 521 – 522.
1719 г.	- создание Инженерной школы в С. -Петербурге - медицинская школа доктора Блуменроста	Полное собрание законов. СПб, 1830. т. V, № 3330 от 17 марта 1719 г., с. 680. Полное собрание законов. СПб, 1830. т. V, № 3375 от 23 мая 1719 г., с. 699 – 700.
1720 г.	- артиллерийская школа в Петербурге	Архив при Ленинградском артилл. музее. Сборная связка 5141, § 7. л. 291.
1721 г.	- открытие архиерейских школ и духовных семинарий по "Духовному регламенту"	Полное собрание законов, СПб, 1830. Т. VI, № 3718 от 25 января 1721 г., с. 330 – 338.

1	2	3
<p>1721 г.</p> <p>1723 г.</p> <p>1724 г.</p> <p>1725 г.</p>	<ul style="list-style-type: none"> - учреждение школ для обучения подъячих арифметике и письмоводству - артиллерийская школа в С. -Петербурге - учреждение горных школ В.Н. Татищевым - перерастание цифирных школ в гарнизонные и солдатские - соединение в Новгороде цифровой и архиерейской школ - открытие школы в Казани, Суздале, Коломне, Вятке и Холмогорах - открытие школы в Вологде - учреждение в Москве в 1712 г. и в С. -Петербурге в 1719 г. Инженерные школы объединены в одну - учреждение Академия наук 	<p>Полное собрание законов, СПб, 1830. Т. VI, № 3845 от 10 ноября 1721 г., с. 451 – 452.</p> <p>Полное собрание законов, СПб, 1830. Т. VI, № 3522.</p> <p>Полное собрание законов, СПб, 1830. Т. VII, № 4447 от 31 января 1724 г., с. 225 – 226.</p> <p>Полное собрание законов, СПб, 1830. Т. VI, № 3575 от 30 апреля 1720 г., с. 187 – 188.</p> <p>Полное собрание законов, СПб, 1830. Т. VII, № 4326 от 17 октября 1723 г., с 133 – 134.</p> <p>Н.А. Лебедев, указ. соч., с. 56.</p> <p>там же</p> <p>там же</p> <p>Полное собрание законов, СПб, 1830. Т. VII, № 4663 от 23 февраля 1725г., с 425; № 4807 от 7 декабря 1725 г., с. 553 – 554.</p>

К концу царствования Петра Великого в России, кроме Киевской, Московской академий, Академии наук, было 26 училищ для детей духовного звания, 51 народная школа, 59 гарнизонных школ для солдатских детей [7, с.57]. Такой скачок в количественном росте школ произошел только в петровскую эпоху. По свидетельствам Н.А. Лебедева, И. Иванова в 1725 г. открылась школа для детей священников в Великом Устюге и в Иркутске (1726 г.). С 24 марта 1725 г. по 1816 г. в Санкт-Петербурге существовало Иезуитское училище, где обучалось 500 учеников из знатных русских фамилий. При Петре II (1727 - 1730 гг.) открыты пять школ по Духовному Регламенту (Смоленск, Ростов, Псков, Тобольск, Астрахань). В период царствования Анны Иоанновны (1730 - 1740 гг.) большое внимание было уделено выполнению "Духовного Регламента", по которому появились новые духовные семинарии и училища (открыто 20 таких учебных заведений).

13 ноября 1740 г. был опубликован указ об "умножении духовных училищ и школ", по которому предлагалось, чтобы "к учению и наставлению поверенных ему овец недостатков быть не могло, того ради должно прилежно наблюдать, дабы по Духовному Регламенту и по особливо выданным от предков наших указам, училища и школы умножены, порядочно содержаны, и добрыми и искусными учителями снабдены были, для надежного получения от них ожидаемого Богоугодного плода" [ПСЗ, т. XI, № 8291, с. 304 – 305]. В то же время начал функционировать Сухопутный кадетский корпус (1732г.), который был назван современниками "рассаdnиком знаменитых полководцев, главных государственных сановников и писателей" [ПСЗ, т. VIII, № 5881, с. 557 - 559; № 5886, с. 564; № 5894, с. 569 – 570]. Для бесприютных детей, сыновей "нижних чинов" в 1733 г. учредили Штурманскую роту. Молодые люди из "солдатского происхождения" принимались в Артиллерийскую школу, основанную Минихом, и в пехотные гарнизонные школы [ПСЗ, т. VIII, № 6188 от 21 сентября 1732 г., с.928 – 930]. 22 мая 1740 г. в подтверждение этого вышло распоряжение правительства о содержании солдатских детей в школах, по которому приказывалось "солдатских детей, неимеющих отцов, содержать при школах, которые для того

по Воинскому штату при гарнизонах нарочно построить велено; а которые имеют отцов, тем отцам содержать при себе, а буде отцы не похотят, то содержать при тех же школах" [ПСЗ, т. XI, № 8114, с. 121, п. 3]. В 1735 г. принц Людвиг-Вильгельм в Санкт-Петербурге основал заведение для 30 дворянских и офицерских детей, соединил его со школой Миниха под названием Санкт-Петербургская арифметическая школа. Одновременно появилась школа в Москве близ Сухаревой башни. Кроме того, были учреждены училища для "обучения новокрещенных детей магометан и идолопоклонников, обратившихся в "православие" в Казани, Цивильске, Царевококшайске, Елабуге [ПСЗ, т. IX, № 6695 от 25 февраля 1735 г., с. 483]. В указе рекомендовалось "быть в каждой ученикам по 30 человек, и обучать в Казанской некрещенных детей каждого народа (из вотяков, мордвы, чувашей) по 10 человек от 10 до 15 лет, а в уездных школах, сколько по охоте для того учения пожелают от 7 до 15 лет. В каждом месте для этого по 2 избы, между ними сени, одну ученикам, другую учителям, поварную, погреб с напогребницами, над ними сушило, двор и огород огородить. По 2 учителя в школе, всего 8 человек. По 1 писарю, смотрителю, истопнику, повару. Жалованье: ученикам на мундир, провиант по 7 руб. человеку, учителям и комиссарам по 30 руб., писарю - 15 руб., смотрителю - 10 руб., истопнику и повару - 6 руб. Один лекарь на всех. Всего (и на бумагу, свечи, учебные книги в т.ч.) на первый год до 2 тыс. руб., а впредь по 1378 руб. 20 коп. в год".

Правительство неоднократно обращалось к вопросу об учреждении школ "для обучения новокрещенных иноверческих детей" [ПСЗ, т. XI, № 8579 от 7 июля 1742 г., с. 625 - 626; № 8394 от 6 июня 1740 г., с. 436 - 439 и др.]. Так, указом от 6 июня 1740 г. предлагалось открыть учебные заведения в Ставропольской крепости для обучения калмыцких детей русскому и калмыцкому языкам. Поскольку калмыки "желали обучать своих детей русской грамоте и письму", но на это не было средств, поэтому в резолюции указывалось: "школу в Ставропольской крепости завести, и на содержание их деньги определить, убавя из жалованья у тамошних священников, у диаконов и церковников".

Важным был указ "О выборе, для обучения православному закону и для приведения в веру Греческого исповедания разных народов, таких церковных причетников, которые знают языки сих народов" [ПСЗ, т. XI, № 8004 от 16 января 1740 г., с. 9-10]. Для обучения мордвы, чувашей, черемисов, лопарей и самоедов "предлагалось отобрать 30 человек из Казанской губернии, 15 человек из Архангелогородской "из поповских, дьяконских и церковных причетников, купечества (которые ездят по иноверческим деревням и торгу своего имеют не выше 150 руб.), из убогого Шляхетства детей, российской грамоте и писать умеющих и знающих иноверческие языки, от 15 лет; на них платье сшить не дороже 10 руб., дать им довольный корм и подводы и прислать в Санкт-Петербург в Святейший Синод. Обучить их в школах, потом произвести в диаконы и священники и отпустить в те же губернии, откуда взяты".

30 сентября 1735 г. последовал указ "О выборе в Спасском Училищном монастыре 20 человек учеников, за свидетельством ректора и учителей и об отсылке их в Академию для слушания высших наук" [ПСЗ, т. IX, № 6816, с.584 – 585], выделив "на их содержание, книги и платье по 150 руб.". Было отобрано 12 человек, среди которых оказался и М.В. Ломоносов. 20 марта 1740 г. в указе "Об определении жалованья студентам АН, по их успехам в науках" говорится, что из 12 человек два отправлено во Фрейберг к Берг-Физику Генкелю, на них выделено по 1200 руб. в год. Поскольку денег не хватает, то просят увеличить сумму. В резолюции к указу написано: "Оплатить. Расписать о каждом порознь, ...объявля притом, кто из них какие науки обучил, и какую надежду и в каких науках впредь иметь на них можно" [ПСЗ, т. XI, № 8041, с. 52 – 54].

При Елизавете Петровне (1741 - 1761 гг.) сохранилось внимание к духовным школам. Она открыла Троицко-Лаврскую, Ярославскую (1747 г.), Владимирскую (1750 г.) семинарии. Указом от 20 апреля 1743 г. родителям "вменялось в обязанность обучать детей своих катехизису": "Дворяне и разного чина люди детей своих из младых лет с начала обучения Российских книг чтению обучали б прямого знания толкования Букваря и Катехизиса; также б и дру-

гия книги церковныя читать тщились, и все то исполнять". За невыполнение указа полагался штраф за каждого человека "с шляхетства по 10, а с прочих по 2 рубли". При этом предлагалось разослать "с довольством" буквари и катехизисы [ПСЗ, т. XI, № 8726, с. 793 - 794]. Наряду с распространением элементарного обучения в этот период открылись Морской Шляхетский кадетский корпус (1752 г.), Московский университет (1755 г.), Артиллерийская школа была соединена с Инженерной, учреждена гимназия в Казани (1758 г.), а также Русская Академия художеств и при ней Архитекторское училище [ПСЗ, т. XII, № 9425, с. 730 - 739; т. XIV, № 10346, с. 284 - 294; т. XV, № 10860, с. 242; 11515, с. 985 - 987].

Ценным был указ от 15 ноября 1760 г. "О сочинении и представлении в Сенат штатов и плана для учреждения Гимназий и школ в Губерниях", основанный на проекте М.В. Ломоносова и И.И. Шувалова. По нему предлагалось "в знатных городах учредить Гимназии, в которых бы обучали нужные Европейские языки и первые основания наук, и при оных гимназиях некоторое число положит учеников записных, на содержании казенном, другие ж могут быть вольные, а по маленьким городам учредить школы, в которых будут обучать Русской грамоте, арифметике и прочим первым основаниям, из оных школ станут выходить в Гимназии, из Гимназий в Кадетский корпус, в Академию, в Университет; а из сих трех мест на действительную службу, и на оное учреждение ко употреблению сумма невелика будет, квартиры, дрова, свечи, пища внутри Государства дешева обойдется, и тако должно почесть содержание учителей, в чем здешняя Академия и Московский университет способствовать могут" [ПСЗ, т. XV, № 11144, с. 564-565]. В этом указе говорилось следующее: "Сенат признает его представление за весьма полезное обществу" и к совершенному приведению молодых людей в лучшее состояние тем наипаче, что оно на известном его патриотическом усердии им Куратором основано; ...на Шувалова Сенат надеется, что тот о тех Гимназиях сделает представление, в каких городах, сколь велики те Гимназии и школы, и в каком числе людей и учителей быть имеют, и на содержание их какая сумма потребна, и подать оные штаты в Правительствующий Сенат". Однако, как сви-

детельствует анализ последующих указов, находящихся в "Полном собрании законов Российской империи", никаких конкретных действий по его выполнению не было принято. Обнаружено лишь постановление от 29 ноября 1762 г., по которому предлагалось в двух или трех монастырях каждой епархии учредить малые гимназии, в которых следовало обучать русскому, латинскому языкам. Наиболее способных рекомендовалось приводить в "училищные дома" для обучения "вышним наукам" [ПСЗ, т. XVI, № 11716, с. 122, п. 8]. О воплощении данного указа документы отсутствуют.

При Екатерине II (1762 - 1796 гг.) начал функционировать Московский Воспитательный дом "с особливым гошпиталем для неимущих родильниц" [ПСЗ, т. XVI, № 11908 от 1 сентября 1763 г., с. 343 - 363], а также первое в России женское училище - "Общество Благородных девиц" [ПСЗ, т. XVI, № 12154 от 5 мая 1764 г., с. 742 - 755]. Указом от 31 января 1765 г. было утверждено содержание работы этого заведения [ПСЗ, т. XVII, № 12323 от 31 января 1765 г., с. 18 - 20]. В 1765 г. начало действовать Мещанское училище, в 1772 г. по желанию П.А. Демидова открылось Коммерческое училище для подготовки образованных торгово-промышленных людей (на вечное содержание 100 мальчиков он выделил 205 тыс. рублей) [8, с. 107 - 108].

О чем свидетельствуют данные материалы, посвященные состоянию школьного дела в России с 1700 до 1770 г.? Прежде всего следует выделить главные принципы, на основе которых строилось образование юношества. Считаем, что заслугой Петра I, заложившего основы школьного законодательства, явилось установление принципа государственности школы. До Петра I школьное дело не воспринималось государственной властью средством социального благополучия и процветания, хотя он и не учредил специального высшего органа управления учебными заведениями. В царствование Петра I все училища с учащимися и учащими находились в ведении Сената, а затем Адмиралтейств-Коллегии, которым было предоставлено право снабжать школы "достойными учителями". Указом от 30 апреля 1720 г. "Губернаторам, Вице-Губернаторам и Воеводам велено за учителями смотреть того накрепко, чтоб в том учении они учителя чинили прилежание, и ученикам в принятии и учении их про-

долженья и обид и налогов никаких никому по прихотям своим отнюдь не чинили..." [ПСЗ, т. VI, № 3575, с. 187 – 188]. За порядок и устройство школ, процесс обучения отвечали лица, назначаемые самим Петром I. Из них более всего известен своей активной деятельностью Скорняков-Писарев [1, с. 10]. Он заботился о содержании школ и писал рязанскому воеводе: "Для обучения тех учеников извольте купить досок учебных каменных (т.е. аспидных) и прочаго инструменту, который к тому делу принадлежит по объявлению оного учителя числом, сколько учеников в учении обретаться будет; понеже без того инструменту учеников обучать невозможно". По смерти учителя Павлова в числе школьного имущества оказалось 9 логарифм, 39 циркулей, шесть перьев медных [3, с. 39].

Другим важным принципом, на основе которого развивалась школа в петровскую эпоху, явился принцип светскости образования. Он ориентировал на подготовку специалистов разного профиля и уровня. Для осуществления этого создавались так называемые "русские школы" (А.А. Буров, Ш.И. Ганелин), в которых дети мастеровых и низших морских и адмиралтейских служителей "должны были обучаться чтению, письму и арифметике, чтобы подготовиться к работе мастеровыми и учениками на Адмиралтейской верфи [9, с. 16]. Светский характер имели и цифирные школы, которые, по нашему мнению, в отличие от оценки М. Владимирского-Буданова, были общеобразовательными [ПСЗ, т. V, № 2778 от 28 февраля 1714 г., с. 86]. В указе говорилось о необходимости во всех губерниях детей дворян, приказного чина, дьячих и подьяческих от 10 до 15 лет "опричь однодворцев" (т. е. крестьян) учить арифметике, начальным основаниям геометрии, грамоте. Школы находились в ведении Адмиралтейской Коллегии (указ от 10 ноября 1721 г.). Неудачающие ученики лишались права иметь должность и не могли жениться. Первые учителя в этих школах были воспитанниками Санкт-Петербургской школы адмирала Апраксина [ПСЗ т. V, № 2971 от 28 декабря 1715 г., с. 187]. В указе предлагалось взять из школы таких людей, "которые Географию и Геометрию выучили и послать во всякую губернию по два человека, для науки молодых ребяток из всяких чинов людей". Они не пользовались никакими служебными

льготами и получали самое ограниченное содержание: по 3 алтына и 2 деньги на день из губернских доходов, не положенных в штат. Кроме того, по окончании учения каждый ученик, получивший свидетельство об успехах в науках, платил в пользу учителя по рублю. Впервые в истории школы была установлена учителю постоянная плата - 36 рублей в год. Однако ее выдавали неаккуратно, иногда через несколько лет [ПСЗ, № 5788]. В каждой школе разрешалось иметь определенный штат – сторожей, истопников, выдавалась бумага, дрова, свечи (в декабре, январе, феврале по 10 свеч на день, кроме праздничных и воскресных дней; бумаги на год "по три стопы"). За время существования цифирных школ из Московской и Санкт-Петербургской морских академий в провинции было отправлено 47 учителей, из них осталось там лишь 29 человек [ПСЗ, т. ХП, № 9054 от 26 октября 1744 г., с.247-251]. Цифирные школы, давая общее образование, не являлись специальными школами. Исследователи (в частности, А. Воронов) называли их народными. В.И. Зиза выявил социальный состав учеников цифирных школ по 26 губерниям за период с 1716 по 1726 годы [10, с. 182 – 183]: детей церковников – 45,3%; солдатских, драгунских, пушкарских – 19,7%; приказного чина – 18,3%; посадских – 9%; монастырских слуг – 2,2%; дворян – 1,7%; бояр – 0,8%; маляров, кузнецов – 0,6%; неизвестного звания – 2,4%. Я. Чистович в работе "История первых медицинских школ в России" привел список действовавших в разное время цифирных школ с указанием количества учеников и фамилий работавших в них учителей [II, с. XXXII – XXXIII].

Таблица 3.

Школы	Время откр.	Учителя	Число учеников
1	2	3	4
Арзамасск.	1721	Вас. Мерлин	34
Архангельск.	1716	Фед. Брюзгин	-
Астрахан.	1720	Ив. Трофимов	37
Бахмутская	1722	Мих. Кутузов	-
Белгородск.	1716	Петр Колесов,	366
Курская		Ив. Привалов	
Белозерская	1722	Ив. Каменщиков	-

1	2	3	4
Великолуцкая	1722	Андр. Коковкин	50
Великоустюж.	1727	Вас. Ал-ов	-
Владимирск.	1720	Алексей Малижев	4
Вологодск.	1716	Мих. Литвинов	57
Воронежск.	1716	Мих. Угримов	197
Вятская	1722	Ив. Чирков	-
Галицкая	1722	Григ. Корсаков	8
Казанская	1716	Семен Куницын	107
		Иван Дунаев	
Калуж.	1721	Гавриил Губин.	-
		Учеников не прислано	
Киевск.	1721	Петр Талызин	-
Костромск.	1722	Семен Прокшин	21
Московск.	1716	Фед. Рыбников,	161
		Сергей Русиков	
Нижегородск.	1716	Мих. Крелов	66
Новгородск.	1716	Вас. Залуцкий с 1724	-
		соед. с архиерейскою	
Орловская	1721	Иван Овсянников	-
Пензенск.	1722		
Переяслав. Ряз.	1722	Петр Павлов	68
Переяслав. Залес.	1721	Яков Степанов	34
		Скоро упразднилась	
Пошехонск.	1722	Мих. Тарбенов	12
Псковская	1716	Ив. Смурьгин	-
Свияжск.	1722	Алексей Похирев	18
Симбирск.	1723	Петр Дмитриев	10
Смоленск.	1716	Яков Шухнов,	115
		Никифор Дашков	
Соликамск.	1722	Степан Жеребцов	-
Суздал.	1721	Петр Тряпкин	73
Севская	1722	Виктор Кукенев	125
Тамбовск.	1716	Игнатий Ярославцов	133
Тверск.	1721	Романов	19
Тобольск.	1716	Никита Палецкой	224
		Яким Ладейников	
Тульск.	1721	Гр. Собакин	-
Углицкая	1721		

1	2	3	4
Устюжно -желез.	1722	Матвей Захаров	-
Уфимская	1720	Федор Гурьев	8
Шатская	1722	Осип Вердеревский	-
Ярослав.	1716	Ив. Смирной	42

С созданием цифирных школ вводилась своеобразная учебная повинность, поскольку Петр I рассматривал образование как род государственной службы. 6 ноября 1719 г, в указе № 3447 [ПСЗ, т. V, с. 751 – 752] говорилось об уклонении от учебы в этих школах, лишь в Ярославле набрали 26 человек из детей церковников. В указе № 3575 от 30 апреля 1720 г. [ПСЗ, т. VI, с. 187 – 188] разбиралась жалоба посадских людей, "а именно: от Каргопольцев, Устюжан, Вологжан, Калужан и других городов, что де в упомянутые школы принуждают высылкою детей их из Каргополя в Новгород. А с Устюга на Вологду, а из Калуги к Москве и в том держат многих в тюрьмах за караулом, а дети де их от 10 до 15 лет обучаются купечеству, и вступают в торговые промыслы...". Принудительность образования явилась одной из причин отмирания цифирных школ. Это создавало предубеждение у населения относительно обучения детей. Если в 1716 - 1721 гг. в сорока семи школах обучалось 2051 человек, то в 1744 г. осталось всего восемь школ. При этом, многие дети убежали из них: только в 1726 г. не вернулось в школы 322 ученика, а 22 человека умерли [10, с. 185]. Среди причин, тормозивших развитие цифирных школ, следует выделить следующие: недостаток учителей, незаинтересованность церкви в их расширении (к 1727 г. почти половину из 2 тыс. учеников составляли дети духовенства, а около 40% – дети приказных и солдат. С созданием епархиальных духовных школ после 1721 г. и гарнизонных учебных заведений цифирные школы практически перестали существовать [ПСЗ, т. XII, № 9054 от 26 октября 1744 г., с. 247 – 251]. Этому способствовало наличие больших школьных округов; достаточно длинный срок обучения (пять лет), обязательным наукам (грамоте, арифметике, чтению) многие обучались без принуждения в домашних условиях; часть родителей считала необхо-

димым сочетать общее образование с профессиональным. Помимо неудачи с цифирными школами Петр I не смог реализовать идею о малых народных училищах во всех городах с целью обучения молодежи чтению, письму, арифметике (ПСЗ, т. VI, № 3708, от 16 января 1721 г., с. 3026 гл. XXI).

Своеобразным моментом в развитии школьного дела в России было и то, что одновременно со становлением светской школы расширялись и укреплялись церковные учебные заведения. Об этом опубликованы работы Н.И. Кедрова, П. Знаменского и др. Духовные школы при Петре I находились в лучшем состоянии и имели несравненно большее число учащихся, чем светские училища. Так, в 1723 году в школах одной Новгородской епархии насчитывалось более 500 учеников, тогда как в Московской школе, самой многочисленной из светских, в 1721 году находилось не более 70 человек (указ от 16 января 1721 г.) (1, с. 6). При Петре I и после него в течение полувека духовные училища были многочисленнее и современнее внутренним устройством. Н.И. Кедров писал, что Петр I считал духовное сословие силой, которая обязана была заботиться о просвещении народа. Поэтому "мысль о распространении образования в среде самого духовенства составляла особую заботу законодательной деятельности Петра во все продолжение его царствования" (12, с. 178). Детям духовенства было приказано обязательно учиться в школе, "чтобы они были годны в попы, и в случае вакансий готовы к посвящению" (ПСЗ, т. V, № 2186). Об обязательности образования в духовной среде говорилось в указе 1708 г., по которому "поповым и диаконовым детям учиться в школах Греческой и Латинской. А которые в тех школах учиться не похотят и их в попы и в диаконы, на отцовы места и никуда посвящать, в подьячие и в иные ни в какие чины, кроме служилого чина, принимать не велено" (ПСЗ, т. IV, № 2186 от 15 января 1708 г., с. 401). Большую роль в развитии образования священнослужителей сыграл "Духовный Регламент" (ПСЗ, т. VI, № 3718 от 25 января 1721 г., с. 314 - 346), по которому создавалась целая система церковных школ от архиерейских, как низших, до семинарии и академии, как высших. Дети духовенства освобождались от учения в цифирных школах, а шли в

архиерейские школы, готовясь в будущем определиться на духовные должности.

В образовательном и педагогическом плане в них к обучающимся предъявлялись самые элементарные требования. Учителя выбирались архиереями. Они должны были отвечать двум требованиям: быть умными и честными (по "Духовному Регламенту"). Образование не отличалось широтой: обучение грамоте, чтению. Учитель обучал чтению двух книг: "О догматах веры" и "О должностях всяких чинов". В России активно внедрялся принцип специализации духовного образования, отделяющий духовное сословие от всех других слоев общества. К концу первой четверти XVIII в. в России действовало уже 46 епархиальных школ, которые выполняли функции средних учебных заведений. Позднее они превратились в духовные семинарии. К 1764 г. в них обучалось 6000 человек [13, с. 185].

“Несмотря на расширение состава изучаемых предметов (в известной степени затрагивались и светские науки), преподавание в духовных училищах оставалось чисто схоластическим. Методика обучения в них по-прежнему основывалась на заучивании, механической зубрежке канонов, догматов, текстов церковных служб” [4, с. 263]. Часть способных учеников отбиралась для продолжения образования в Академии наук.

В период царствования Анны Иоанновны было признано целесообразным возложить элементарное образование на семью. Указом от 9 февраля 1737 года "О явке недорослей в Санкт-Петербург к Герольдмейстеру, а в Губерниях к Губернаторам для освидетельствования их в науках; о назначении им сроков к обучению и об определении их на месте, по достижении 20-летнего возраста" предлагалось всем недорослям, начиная с 7 лет, являться для учета, "объявляя, сколько кому от роду лет и чему кто научился". Во второй раз следовало прибыть в 12 лет, "чтобы они грамоте читать и чисто писать обучены были". По желанию родители могут учить, кроме закона Божия, и иностранным языкам, арифметике, геометрии. В 16 лет молодые люди должны быть освидетельствованы в Санкт-Петербурге или Москве. Если родители желают их

учить дома до 20 лет, то обучать следовало географии, фортификации и истории. "Кого отцы оставляют дома для управления экономии, тех к последнему смотру не представлять". Не имевших возможности учиться дома, необходимо было определить в 16 лет в "Государственную Академию", а "нерадивых определить в матросы, даже тех, кто дома для управления оставляется, но не обучен арифметике, геометрии, так как от него никакой пользы не будет" [ПСЗ, т. X, № 7171, с. 43 – 45]. Возраст от 12 до 16 лет отводился по этому указу на приобретение элементарных знаний, способствующих в то же время получению в будущем определенной профессии. Распространение получило частное, домашнее обучение. Грамотные люди из числа церковников и мещан учили чтению книг церковной печати, часослову, псалтырю и письму. Некоторые прибавляли к этому изучение основ арифметики, что считалось уже роскошью.

Принцип светскости обучения сохранялся на протяжении всего XVIII века. Его внедрял М.В. Ломоносов не только на уровне среднего, но и высшего образования. В этом русские педагоги и государственные деятели шли самостоятельным путем, учитывая специфику условий в стране.

Важным для построения сети школьного обучения был принцип связи общего образования с реальным. Система образования первой четверти XVIII века не считалась ни с какими условностями и традициями национального порядка, которые устарели и тормозили развитие школ. Она вырабатывала такие образовательные и воспитательные принципы и формы организации обучения, которые наиболее соответствовали условиям жизни русского народа. Признавались все типы школ и формы образования, если они способствовали достаточно быстрой и хорошей подготовке специалистов нужной квалификации. Положительным являлось профессиональное обучение на основе общего образования (А.А. Буров).

Вопрос о связи общего и реального образования нашел свое отражение в появлении разных типов школ. "От различных целей, которые преследует та или другая школа, различных форм их организации и различного объема даваемого ими образования и про-

исходят все разнообразные типы школ. Классификация этих типов может быть проведена по принципу цели – и тогда школы распадаются на общеобразовательные и специальные. Кроме того, они могут преследовать только образовательные или воспитательные задачи, последние могут быть в свою очередь религиозные – церковные или общегражданские – светские... Разные типы школ отделяются друг от друга постепенно в процессе исторического их развития. Те же школы могут быть разделены и по другому принципу – по объему даваемого обучения (начальные, средние, высшие)" [14, с.10].

Тип школы определяется постановкой всего школьного дела в стране, ее экономическими, культурными, бытовыми условиями существования и задачами, которые поставило школе общество.

Исходя из этого, считаем, что в первой половине XVIII века в России оформлялись как общеобразовательные учебные заведения (цифирные школы, гимназии), так и профессиональные (духовные, медицинские, гарнизонные, морские, торговые, конюшенная и др. школы). За короткое время в России были открыты такие профессиональные школы, как хирургическая при военном госпитале (1707 г.: Б.Н. Палкин, Я. Чистович); горные училища (1721 г.: В.Н. Татищев, Н.В. Нечаев) и т.п. В 1711 г. Петр I приказал организовать при крупных предприятиях своеобразные ремесленные училища: "Государь указал прислать из церковников и мастеровых детей 100 человек, которым было бы лет по 15 или 20 и умел бы писать, чтоб идти в ученье к мастерам разных дел" [15, с.31].

В профессиональном образовании не выделялись лишь крестьянские дети и женщины. М. Владимирский-Буданов отмечал, что в школьном законодательстве первой половины XVIII века господствовали два положения: 1) всякий должен учиться тому, что составляет профессию его отца; 2) никто посторонний не может быть допущен к этой профессии [3, с. 99]. Выбор профессии был строго воспрещен. В 1736 г. публикуется указ о незаписке впредь в купечество недорослей из дворян: "Недоросля Домажирова для определения в Санкт-Петербургский гарнизон отослать при указе в военную коллегию; а как он в купечество определен, за то на оных бурмист-

рах и секретаре взять штраф 100 рублей" [ПСЗ, т. IX, № 6945, с. 804 - 805]. Поступление в другие школы, связанное с выбором профессии, кроме назначенных для служилых людей, строго преследовалось. Государство более всего заботилось об обучении определенному ремеслу, а не об общем образовании юношества. Впоследствии идею значения общей образованности разработал М.В. Ломоносов.

Отличительной чертой реального образования в России было и то, что не создавалось ни одной школы, оторванной от общественной практики. Даже появление иностранных школ, о которых писали С.А. Белокуров и А.Н. Зерцалов [16], способствовало подготовке будущих специалистов, давало возможность учиться разным наукам за границей. В гимназии Глюка в 1705 г. обучалось 28 человек, в 1709-м – уже 73 ученики. В ней учили "греческому, латинскому, итальянскому, французскому, немецкому и иным разным языкам и философской мудрости". Режим жизни в гимназии был жестким. "Зимой ученики вставали в 6 часов утра или раньше, если пожелают. После, когда все уже готовы, читались отрывки из Нового Завета. В 9 часов начинаются уроки. До 10 часов в разных классах изучаются: Орбис Пиктус Коменского. С 10 до 11 часов изучалась грамматика (Корнелий Непот, *Formulae, loguendi, vocabula*). С 11 - 12 – *lingua gallica, grammatica germanica*. В 12 часов ученики освобождались на час для завтрака. Следующий час посвящался правописанию и приготовлению к следующим урокам. С 2–3 часов – *epistole germanicae, exercitia latina, imitations* и каллиграфии. С 3 до 4 часов читался Вергилий и Корнелий Непот, преподавалась арифметика, переводились пословицы, а старшие упражнялись в риторике и фразеологии. С 4 до 5 часов младшим преподавался французский язык; с 5 до 6 часов был урок истории и приготовление домашних работ. Часть учеников затем отпускалась домой, а оставшиеся до 7 часов слушали риторику, арифметику, философию, готовили уроки. В 7 часов все шли к обеду. В 8 часов писали письма. Этим заканчивался учебный день, продолжавшийся с 8 часов утра до 8 часов вечера".

"Иноязычные школы" достигали хороших результатов, об этом свидетельствуют данные характеристик учащихся, опубликованные С.А. Белокуровым и А.Н. Зерцаловым [16, с. XII]. В них постепенно сложилась отлаженная система подготовки учащихся, о которой свидетельствуют документы РГАДА в фонде XVII "Наука, литература, искусство" (о немецком училище при Лютеранской церкви Петра и Павла в Петербурге за 1783 г.). В записке тайного советника Остервальда и академика Эпинуса говорится, что в нем имеются "нормальные способы учения", оно находится в хорошем экономическом состоянии и может быть объявлено примерным училищем [17, ф. 17, е. х. 77, л. 1 - 8 об.]. Этот документ показывает жизнестойкость подобных типов школ, обучающих молодых людей различным языкам, с помощью которых они могут быстрее различные "науки разуметь".

Таким образом, следует сделать вывод, что достоинством русской школы была практическая направленность образования. Ее внедрение привело к тому, что новая школа, служа государственным интересам, стала центром реального образования.

Существенным отличием школьного образования в России первой половины XVIII века был принцип сословности, который получил свое развитие при преемниках Петра I. В учебные заведения высшего уровня принимались только дети дворян. С открытием Сухопутного шляхетского корпуса (1732 г.), Морского шляхетского корпуса (1752 г.), Пажеского корпуса (1759 г.), Артиллерийского и Инженерного шляхетского корпуса (1762 г.) фактически закреплялось господствующее положение дворянства в самых различных областях государственной, военной, придворной службы, превращая ее в сословную привилегию дворянства. Сословными стали духовные семинарии и архиерейские школы. Обучавшихся в них солдатских детей было предложено "отослать в полки в службу", а "помещиковых людей и крестьянских детей отрешить и впредь таковых не принимать". "Только горные, медицинские и некоторые другие школы, занятия в которых и правительство, и дворянство рассматривали как недостойное для дворян, продолжали сохранять пестроту сословного состава учащихся. Большинство

учеников таких школ составляли дети низших категорий чиновников, служилых и посадских людей, разночинцев, посадских детей, а также низшего духовенства" [4, т. 2, с. 264]. В условиях расширения сети школ некоторым крестьянским детям удавалось получить минимальный уровень образования. Г.Е. Жураковский отмечал, что иногда крестьянские дети обучались в архиерейских школах: "В архиерейской школе, открытой в 1721 г. при Александро-Невской лавре, которая рассматривалась как учебное заведение, предназначенное "на пользу общую", среди учащихся были дети монастырских служителей, в том числе крестьяне" [18, с. 14 – 15]. Поэтому сословное образование в России точнее следует обозначать как сословно-профессиональное.

Документы о школьном, образовании первой половины XVIII века свидетельствуют о проявлении милосердия к незаконнорожденным детям, сиротам, уродам. Установление и содержание школ, госпиталей для них указами правительства 1712 г., 1714 г., 1715 г. и 1720 г. было возложено на церковь. Большое число подобных распоряжений с повтором предыдущих указов свидетельствовало о явно недостаточном их выполнении [см. ПСЗ, №№ 2467, 2477, 2856, 2953, 3502]. "Гошпитали" устраивались не только для приема подкидышей, но и для общественного их воспитания. "В Москве подкидышаемые младенцы оставались на попечении губернской канцелярии. Эта последняя приискивала кормилиц и раздавала им детей на руки туда, где каждая из них живет. В 1742 г. в Московской канцелярии ведалось таких детей 865 от полугода до 8 лет и кормилиц при них 218" [3, с. 50]. С.М. Соловьев отмечал злоупотребления, которые сопровождали эту систему воспитания: родные матери были кормилицами и брали собственных детей; вместо незаконных подставлялись законные дети; законных малышей крали у родителей, представляли их, чтобы взять на прокормление и получать на них содержание [19, т. 18, с. 204]. В Указе от 4 ноября 1714 г. предлагалось для сохранения младенцев подбирать "искусных жен и давать им из неокладных прибыльных доходов на год денег по 3 рубля, хлеба по полуосмине, а младенцам по" 3 деньги на день" [ПСЗ, т. V, № 2856, с. 128].

Указом от 31 января 1724 г. монастырям предписывалось открывать дома призрения и школы для бедных. В некоторых из них собирали больных, старых и увечных людей; в других находились сироты "для первоначального воспитания"; в третьих занимались элементарным образованием мальчиков: "Несколько монастырей определить, где всех сирот обоего пола принимать, обоих сортов, то есть без призрения после родителей оставших и подкидышей или явленных таких..." [ПСЗ, т. VII, № 4450, с. 226 – 233]. До пяти лет с ними занимались физическим воспитанием, с пяти лет начинали обучать грамоте вместе мальчиков и девочек. По достижении семилетнего возраста мальчиков выводили из женских монастырей в мужские и учили закону Божьему, арифметике и геометрии. Девочек знакомили с основами грамоты, с такими мастерствами, как пряжа, шитье, плетение кружев (М. Владимирский-Буданов). Найдено достаточно большое число архивных документов в РГАДА, РГИА по истории воспитательных домов в России. Они требуют отдельного основательного изучения.

Характеризуя общие тенденции в развитии школьного дела России первой половины XVIII века, отмечаем возросшее внимание со стороны общества и государственной власти к женскому образованию и воспитанию. Этой проблеме посвятили свои исследования П.В. Владимиров, Е. Лихачева. Они отмечали, что реформы Петра I повлияли на женское образование. Отмена "патриархальных обычаев способствовала уничтожению "затворничества", а поощрение браков с иностранцами, забота царя о росте образованности общества нашли отражение в обращении к вопросу об образовании женщин. П.П. Пекарский отмечал, что в первой половине XVIII века даже у небогатых людей было стремление воспитывать детей по-европейски, но суть образования понимали своеобразно. Науки стояли на втором плане, важным считалось знание иностранных языков. Е. Лихачева подметила, что, вероятно, со времен Петра I вошел обычай обучать языку мальчиков и девочек вместе. Женщины знатных семей получали знания по чтению, письму, арифметике, истории, географии. "Почти все аристократки говорили по-немецки, а возможно и по-французски, играли на лютне, клавесине,

танцевали..." [20, с. 50]. Заботе о воспитании хороших манер способствовало появление в России "Юности честного зерцала". П.П. Пекарский считал, что оно переведено с немецкого языка. Исследователям еще предстоит решить вопрос об истории появления данного документа, который неоднократно издавался при Петре I и после него.

Однако чаще всего девочек учили дома или в частных школах, как отметил А. Воронов "про себя", для домашнего обихода [21, с. 5]. Среди нерусских школ имелись отдельные заведения для девочек. Так, в Дерпте с 1555 г. действовала городская девичья школа, с 1641 г. в Ревеле функционировало большое девичье училище. В Москве при лютеранской церкви в немецкой слободе была школа для детей обоего пола. В ней обучались немецкому, французскому, латинскому языкам, истории, географии, чистой математике, логике, христианскому закону. В Петербурге в евангелическо-лютеранской школе при церкви Св. Петра также принимались дети обоего пола. Девочек, кроме общего с мальчиками курса наук, жена учителя за особую плату обучала рукоделию [20, с. 58 – 59]. По донесению смотрителя Нежинской городской школы (в первой половине XVIII века) в осмотренных дьячковских школах им обнаружено следующее количество учащихся: у соборного дьячка – 30; у пономаря – 7 мальчиков и 5 девочек; у дьячихи – 5 мальчиков и 6 девочек; у старoverческого мастера – 6 мальчиков и 5 девочек [20, с. 61]. Как считали исследователи А. Воронов, Е. Лихачева, центрами распространения грамотности среди женского населения долгое время являлись женские монастыри, частные школы, раскольнические скиты. Но уровень женского образования оставался низким. Со специальной программой обучения девочек выступил Ф. Салтыков. При Елизавете Петровне в частных пансионатах занимались совместно дети обоего пола. Об этом писали А. Болотов и Г. Державин. В 1754 г. был опубликован указ об учреждении в Москве и Петербурге по одной школе для образования повивальных бабок. Предлагалось обучать в Москве 15 человек, а в Петербурге – 10. "Лишних по одной отправлять в губернские города, когда там их хватит – в каждый провинциальный город". В каждую школу выделить по одному док-

тору – "профессору бабичьего дела", и акушера [ПСЗ, т. XIX, № 10214, с. 55 – 57].

Вместе с тем не обнаружено ни в одной из работ М.В. Ломоносова указания на необходимость обучения девочек. Предполагается, что он был знаком с западноевропейской системой женского образования, знал программу образования девочек Я.А. Коменского и воспринимал обучение "лиц обоего пола" как само собой разумеющееся. О справедливости предположения свидетельствует общее уважительное отношение к женщине, ее положению в обществе, которое высказывал М.В. Ломоносов и в поэтических, и в публицистических произведениях.

Таким образом, анализ исследований, исторических документов свидетельствует о своеобразном характере развития русской школы в первой половине XVIII века. Обширные материалы по истории народного образования доказывают, что только реализмом и практицизмом не исчерпываются ее особенности. В Западной Европе к этому времени уже сложилась классическая школа, которая численно преобладала над возникающими реальными училищами и коммерческими школами. "Россия же не имела этих тенденций, она только вступила на путь открытия гражданских школ и, естественно, заимствовала такой характер школ, который более отвечал государственным потребностям того времени" (Е.Н. Медынский). Мы поддерживаем мнение исследователей (Н.А. Константинова, В.Я. Струминского, Е.Н. Медынского, Н.В. Чехова и др.) о том, что своеобразие русских школ, их отличие от западноевропейских, заключающееся в сочетании общеобразовательной и профессиональной подготовки, в многостороннем характере образования, его многопредметности и даже некотором энциклопедизме, было заложено в первой половине XVIII века. Так, из стен той же школы математических и навигацких наук должно было выходить "кроме моряков, инженеры, артиллеристы, учителя других школ, геодезисты, архитекторы, писаря, мастера и проч.". В Посольском Приказе, кроме языков, изучалась арифметика, география, этика, политика, картезианская философия. Именно такой подготовки требовало развитие экономических отношений в России первой половины XVIII века.

Однако в это время еще не сформировалась полностью система школьного образования, число школ было малым, они не покрывали потребности государства в специалистах, отсутствовала четкая организация их деятельности.

Одной из причин, тормозившей развитие школ, являлись недостаток учебных пособий и их дороговизна. "Казенная типография, Печатный двор в Москве, издававший учебники, в 1711 г. купил у собственного справщика, корректора, иеродиакона Германа понадобившийся "для школьных дел" итальянский лексикон за 17 1/2 рубля. Инженерная школа в 1714 г. потребовала у Печатного двора 30 геометрий и 83 книги синусов. Печатный двор отпустил геометрию по 8 рублей экземпляр, а о синусах отписал, что их у него совсем нет" [22, с. 242]. Петр I разрешил печатать на славянском языке учебные книги в Амстердаме в типографии Тессинга. Их пересылали в Россию через Архангельск. Тессинг опубликовал такие работы, как "Введение во всякую историю", "Краткое введение в Арифметику", сочинение Авраама-де Графа "Книга учащая морского плаванья".

В 1715 г. Петр приказал директору типографии Абрамову продавать азбуки по уменьшенной цене (6 копеек). Результат был блестящий: вместо 175 азбук, проданных в декабре 1715 г. по увеличенной цене, в ноябре 1716 г. было продано азбук по уменьшенной цене – 287, а в марте 1717 г. – 682. В 1722 г. было продано азбук 14292, в 1723 г. – 14196, в 1724 г. – 14440, в 1725 г. – 11840 штук, т. е. грамоте учились не сотни, а десятки тысяч людей" [23, с.1041].

Первоначальному чтению детей учили по букварям. Первый букварь, относящийся к XVIII столетию, принадлежал даровитому ученику Лихудов Федору Поликарпову и был издан в Москве в 1701 г. под названием "Букварь славянскими, греческими, римскими писмены учиться хотящим и любомудрие, в пользу душеспасительскую, обрести тщащимся". Он учил в Славяно-греко-латинской школе, переводил с греческого языка различные труды, управлял Московской типографией. Как писал Д. Извеков, троезычный словарь Ф. Поликарпова сохранил в себе старые приемы обучения, дробность и сухость изложения материала, тяжелый язык, любовь к

палочным аргументам и неуважение к иноземному образованию, что и в прежних букварях. Дети учились по этой книге 3-4 года. Заслугой автора было то, что он издавался по-новому, впервые знакомил школьников со шрифтом латинской и греческой азбук [23, с.1048-1049]. Буквари предназначались и для "отроков", и для "отроковиц".

После выхода "Духовного Регламента" в 1721 г. большой популярностью стал пользоваться букварь Феофана Прокоповича. По указу Синода от 31 мая 1722 г. предполагалось "учить ныне в архиерейских школах церковнических детей, в надежду священства определенных, по недавно изданных для первого отроков учения книжицами, букварям именуемым и в том учении поступать как в предисловии тех книжиц изображено" [ПСЗ, т.VI, № 4022, с.699-715], "Учение отроком" Ф. Прокоповича за три года разошлось в семи изданиях. Оно отличалось от всех предшествующих букварей по своему новому взгляду на первоначальное обучение и книжное просвещение в России. В 1738 г. этот учебник издан тиражом 2400 экземпляров [24, с.132]. С.П. Луппов писал, что и "в послепетровские времена существовало большое число учебных заведений, что являлось причиной возрастания спроса на учебную литературу, не только на азбуки, буквари и "цифирные книги", но и на пособия по специальным научным дисциплинам. Как правило, учащиеся должны были сами обеспечивать себя учебниками, но в ряде случаев учебную литературу, особенно для неимущих учеников, закупали и сами учебные заведения. В 1731 г. Славяно-греко-латинская академия вынесла решение о покупке для своих учащихся 60 азбук, 20 часословов и 20 славяно-греко-латинских лексиконов. Любопытно, что для этой покупки были использованы "прогульные ученические деньги", т.е. средства, полученные от наложения штрафов на учащихся за непосещение занятий" [24, с.132].

Следует отметить огромное значение учебных книг Я.А. Коменского, которые использовались практически во всех начальных школах Европы.

Недостаточным количеством учебных книг объясняется стремление ученых переводить их с иностранных языков. Затем

они перерабатывались, дополнялись, изменялись и с учетом опыта преподавания готовились новые. Например, М.В. Ломоносов, отстаивая такой важный педагогический подход, как выбор самими учащимися предмета для углубленного изучения, рекомендовал издавать вариативные учебные руководства и научно-популярные брошюры. "В 1760 г. вышли "Сокращения математики" С.Я. Румовского, в 1761 г. – "О пользе упражнения в чистых математических рассуждениях" С.Г. Котельникова и "Краткое понятие о физике", в 1762 г. – "Краткое руководство к теоретической геометрии" Г. Крафта, в 1763 г. – "О начале и приращении оптики" С.Я. Румовского. В те же годы было издано несколько подобных по характеру книг самого Ломоносова, содержавших понятие о предмете и сущности некоторых наук" [25, с. 158]. Важной причиной, тормозившей развитие русского просвещения, был недостаток учителей. Практически до 80-х годов XVIII столетия отсутствовала специальная подготовка учительских кадров. Для обучения и воспитания юношества использовали представителей духовенства, специалистов, офицеров, студентов, учащихся. Например, учителя латинского и греческого языков были так редки, что князь Дмитрий Кантемир жаловался Петру на то, что человека, "привезенного им из Молдавии для обучения своих детей итальянского, латинского и греческого языков у него взяли в духовную коллегию, а другого, знающего эти языки, в Петербурге найти невозможно" [26, с. 573]. В обучении языкам существовала практика использования в качестве учителей людей, являющихся носителями иноземной речи. Так, в фондах Московской Сенатской конторы найден документ об определении в академию прапорщика Лариона Рассохина, который в 1740 году возвратился из Китая, с целью выделения ему учеников для обучения китайскому и маньчжурскому языкам, "беспрестанно с ними говорить, силу произношения, голосов речей и показывать трудные слова и литеры толковать". Предлагалось выбрать трех или четырех молодых человек, чтобы их "к сему обучению употребить. Которые бы не только по-русски читать и писать умели, но притом бы немецкий и латинский языков довольно знали" [РГАДА, ф. 248, оп. 106, е. х. 1665, л. 1-1 об.].

В качестве учителей использовались бывшие ученики. Так, из школы графа Апраксина в 1716 г. были взяты молодые люди, изучившие геометрию и географию, и посланы по два человека в восемь губерний (Московскую, Киевскую, Смоленскую, Архангелогородскую, Казанскую, Нижегородскую, Азовскую, Сибирскую) для обучения дворянских детей цифири и некоторой части геометрии [РГАДА, ф. 248, оп. 120, е. х. 107, л. 6 об.]. Не все из них были хорошо подготовлены, чтобы выполнять функции учителей. Многие "мало-способные... поступали учителями в низшие училища, которым скорее приносили вред, чем пользу, и надолго унизили звание учителя. Для замещения учительских должностей в цифирных школах Адмиралтейская коллегия выбирала из подлежащих ее ведению училищ более способных учеников, знающих арифметику и геометрию, и высылала, по крайней мере, по два человека в губернии для обучения детей цифири и геометрии. Насколько учительский персонал того времени не удовлетворял потребности общества видно уже из того, что даже в морской академии предписывалось учителям "ничего не брать с учеников, ни прямым, ниже посторонним способом, под штрафом вчетверо оное возратить", и ежели кто из учителей замечался двукратно во взятках, то подвергался "телесному наказанию". Хотя Петр I заложил традицию использования в качестве учителей "мастеров из русских" [ПСЗ, т. IV, № 2467 от 16 января 1712 г., с. 776 – 779], однако из-за нехватки кадров, их слабой подготовки, низкой оплаты престиж учителя был не велик. Притом резко отличалась оплата труда иностранных специалистов от русских. Например, учитель Санкт-Петербургской русской школы Иван Федоров "сын Прошкин" получал денежное жалованье 18 рублей 16 коп. в год, тогда как подмастерье (ассистент) профессора Морской академии Андрея Фарварсона получал 108 рублей в год, а ассистенты Магницкого - по 72 рубля [27, с. 7]. В то же время в гимназии Глюка учителя получали жалованье от 20 до 100 рублей. В 1706 г. четыре человека имели по 100 рублей, два - по 80 руб., один - 50 руб., один - 40 руб., один - 20 руб. В 1709 – 1710 гг. оплату увеличили, максимум составил 120 рублей. Кроме того, учителям этой

школы выдавались деньги на их "потребы", расходы на квартиру, дом, кормление, "на варю пива", дрова [16, с.Х].

О низком уровне общеобразовательной подготовки учителей свидетельствует такой факт. В 1722 г. были проверены все 13 учителей русской грамоты, преподававших в Петербурге. Итоги неутешительны: учителя знали лишь азбуку, умели писать буквы и слоги, произносить их. Только двум выдали особый документ - "инструкцию", а с остальных была взята подписка о том, что они впредь обучением грамоте заниматься не будут [9, с. 37 – 38].

Огромную роль в комплектовании учительскими кадрами для светских школ играла Московская школа математико-навигационных наук. С 1701 по 1752 г. она готовила учителей для начальных общеобразовательных школ, ценившихся выше выпускников архиерейских школ [9, с. 42].

В первой половине XVIII века в Россию приехало довольно большое количество иностранных учителей как для домашнего обучения, так и для работы в государственных школах. В результате при Екатерине II в 1780 г. в Санкт-Петербурге действовало 23 иностранных пансиона (мужских и женских), три немецких училища (при церквях Св. Петра, Св. Анны, Св. Екатерины). Все содержатели - иностранцы (немцы или французы). Из 72 учителей и учительниц только 20 человек являлись русскими, т. е. не приходилось даже по одному русскому учителю на каждый пансион. Такие пансионы, основанные в первой половине XVIII века, лишь в минимальной степени способствовали распространению образования среди народа. Помимо этого, многие из иностранных учителей при недостатке надзора за их деятельностью избегали экзаменов на право преподавания и давали молодым людям "темные и ложные" знания [21, с.68].

Нами проведен анализ 22-х томов "Русского биографического словаря", изданного до 1917 года, для выборки лиц, имевших отношение непосредственно к педагогической деятельности в светских и духовных учебных заведениях первой половины XVIII века. Таких выявлено 151 человек, из них 70 иностранцев. Результаты показывают значительный перевес среди педагогов даже в количественном отношении людей иностранного происхождения, большинство из кото-

рых работало в гимназиях, университете и Академии наук. Особый вклад в распространение грамотности среди народа внесло духовенство.

Следует отметить отрицательный характер атмосферы, царивший во многих школах. В.О. Ключевский писал, что "школа, превращавшая воспитание юношества в дрессировку зверей, могла только отталкивать от себя и помогла выработать среди своих питомцев своеобразную форму противодействия – побег. Это школьное дезертирство... станет для нас вполне понятным явлением, не переставая быть печальным, если к трудно вообразаемому языку, на каком преподавали выписные иноземные учителя, к неуклюжим и притом трудно добываемым учебникам, к приемам тогдашней педагогики, вовсе не желавшей нравиться учащимся, прибавим взгляд правительства на школьное ученье не как на нравственную потребность общества, а как на натуральную повинность молодежи, подготавливавшую ее к обязательной службе. Когда школа рассматривалась как преддверие казармы или канцелярии, то и молодежь приучалась смотреть на школу, как на тюрьму или каторгу, с которой бежать всегда приятно" [22, т. 4, с. 243].

Из-за этого в Петербургских и Московских училищах недоставало до комплектного числа иногда 400, а иногда свыше 500 человек, тогда как законом было определено обучение в них 800 учащихся (указы от 30 марта 1726 г. и 21 июня 1727 г.). Предубеждение против школы и учения было долгое время непреодолимым во всех сословиях. Елизавета Петровна указом от 30 апреля 1743 г. приказала брать штраф с родителей, которые не заботились о воспитании своих детей (К.И. Арсеньев).

К сожалению, в архивах не найдены материалы с точным указанием количества школ, учащихся, учителей в целом по России и по губерниям в первой половине XVIII века. Упорядочение делопроизводства в области просвещения началось лишь в 80-х годах, с учреждения Комиссии народных училищ.

Школьное дело в России в первой половине XVIII века переживало переломный период. Используя опыт иностранных специалистов, учитывая особенности экономического и культурного раз-

вития страны, в петровскую эпоху была заложена государственная система школ, разрушившая патриархальность традиционного обучения. Новое исходило из интересов общества, ориентировалось на подготовку национальных кадров. К сожалению, многое из этого было забыто при преемниках Петра I. К первой половине XVIII века появились различные типы светских и специальных школ, создавались условия для развития массовой народной школы, а также высшего образования и Академии наук. С их помощью планировалось подготовить целое поколение отечественных ученых.

Видными деятелями петровских преобразований явились В.Н. Татищев, Ф. Прокопович, И.Т. Посошков. Историки науки называли их представителями "ученой дружины". Примечательным является то, что именно они начали осознавать ценность образования и систематического воспитания.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Арсеньев К.И. Историко-статистический очерк народной образованности в России // Учен. зап. второго отд. Имп. Академии наук. - СПб., 1851 - Кн. 1. - С. 1 - 32.
2. Соболевский А. А. Образованность Московской Руси XV - XVII веков. - СПб., 1892.
3. Владимирский-Буданов М. Государство и народное образование в России XVIII века. - Ярославль, 1874.
4. Очерки русской культуры XVIII века / Под. ред. Б.А.Рыбакова: В 4-х т. - М.: МГУ, 1985.
5. Сиповский В. В. Значение Петра Великого в истории русских школ // Семья и школа. - 1872. - № 5. - С. 981-1034.
6. Герье В. Лейбниц и его век // ЖМНП. - 1867. - № 1. - С. 302-371; № 5. - С. 418 - 506; № 8. - С. 535 - 617; № 9. - С. 305 - 384.
7. Лебедев Н.А. Исторический взгляд на учреждения училищ, школ, учебных заведений и учебных обществ, послуживших к образованию русского народа с 1025 по 1855 г. - 2-е изд., испр. и доп. - СПб., 1975.

8. Лебедев Н.А. Об училищах и учебных заведениях в России вообще, о первом народном училище в особенности. - СПб., 1858.
9. Буров А.А. Петербургские "русские школы" и распространение грамотности среди рабочих в первой половине XVIII века / Отв. ред. Ш.И. Ганелин. - Л.: ЛГПИ, 1957.
10. Зиза В.И. Школа в России при Петре I: Дис. канд. пед. наук. - 1948.
11. Чистович И.А. История первых медицинских школ в России. - СПб., 1883.
12. Кедров Н.И. Духовный регламент в связи с образовательной деятельностью Петра Великого. - М., 1886.
13. Знаменский П. Духовные школы в России до реформы 1808 г. - Казань, 1881.
14. Чехов Н.В. Типы русской школы в их историческом развитии. - М.: Мир, 1923.
15. Константинов Н.А., Струминский В.Я. Очерки по истории начального образования в России. - 2-е изд., испр., доп. - М.: Учпедгиз, 1953.
16. Белокуров С.А., Зерцалов А.Н. О немецких школах в Москве в первой четверти XVIII века (1701 - 1715 гг.) - М.: изд. Имп. ОИДР при Моск. унив., 1907.
17. РГАДА, фонд 17. - Наука, литература, искусство.
18. Жураковский Г.Е. Из истории просвещения дореволюционной России: Очерки / Под ред., вступ. ст. Э.Д. Днепров. - М.: Педагогика, 1978.
19. Соловьев С. М. История России с древнейших времен: В 15-ти кн. / Отв. ред. Л. В. Черепнин. - М.: Соцэгиз, 1959 - 1966.
20. Лихачева Е. Материалы для истории женского образования в России // Вест. воспитания. - 1890. - № 5 - С. 105 - 122.
21. Воронов А.С. Федор Иванович Янкович-де-Мириево, или Народные училища в России при имп. Екатерине II. - СПб., 1858.
22. Ключевский В.О. Курс русской истории: В 8-и т. - М.: Соцэгиз, 1958. - Т. IV.

23. Извеков Д. Букварная система обучения в исходе XVII и нач. XVIII столетия // Семья и школа. - 1872 № 5. - Май. - С. 1035 - 1075.
24. Луппов С.П. Книга в России в послепетровское время: 1725 - 1740. - Л.: Наука, 1976.
25. Тюличев Д.В. Книгоиздательская деятельность Петербургской Академии наук и М.В. Ломоносов. - Л.: Наука, 1988.
26. Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. - СПб.: Изд. АН, 1832. - Т. I.
27. Буров А.А. Начальные образовательные школы в России в первой четверти XVIII века и их дальнейшее развитие: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. - Л., 1955.

IV. Образовательно- воспитательные проблемы в русской просветительной педагогике

Исходные веяния в экономике, культуре вызвали реформу образования, активизировали деятельность просветителей первой половины XVIII века, что способствовало развитию педагогической мысли. В ее истории выделяем два периода: просветительная педагогика эпохи петровских преобразований (1700 – 1730 гг.) и просветительная педагогика ломоносовского периода (1741 – 1765 гг.), заложившая основы отечественной научной педагогики.

Ведущими идеями просветительной педагогики 1700 – 1730 гг. были следующие положения. Ее представители видели главную цель в обучении живому познанию действительности, приобретаемому через непосредственное прикосновение с миром. Задача воспитания, по их мнению, заключалась в том, чтобы прийти на помощь природе ребенка, устранить все препятствия к естественному развитию заложенных в человеке задатков. Ребенок должен сам через столкновение с действительностью выработать убеждения в сфере отношений человека к другим людям и существующему миру. Необходимо научить ребенка управлять своими действиями. В этом процессе следует исходить не из принуждения, а из убеждения. Одним из условий успешности воспитания является наличие в воспитателе высоконравственных качеств, добродетелей, позволяющих добиться уважения к себе со стороны воспитанников.

Русских просветителей беспокоила прежде всего проблема организации всего школьного дела в стране и содержание образования в школе. И.Ф. Салтыков, Ф. Прокопович, И. Посошков, В.Н. Татищев предложили разные варианты решения данного вопроса.

Видный государственный деятель, сторонник социально-политических, экономических, культурных преобразований Федор Степанович Салтыков (год рожд. неизв. – 1715 г.) разработал план распространения образования в России, который изложил в запис-

ке-проекте "Пропозиции", Выполняя поручение Петра I по закупке кораблей во Франции, Англии, Голландии, он знакомился с культурной жизнью этих государств. В "Пропозиции", которая имеет объем всего 37 страниц и состоит из 15 глав, обобщены уставы, с помощью которых регламентировались общественно-политические отношения в обществе. Одна из глав посвящена обучению молодых людей различным ремеслам. Для этого, по примеру Англии, он рекомендовал в каждом городе учить всех мастеровых людей, промышленников и отдавать в учение на семь лет желающих детей. После освидетельствования им разрешалось заниматься собственным ремеслом. Лучшим из них рекомендовалось обучать молодежь, чтобы совершенствовалось ремесло, а не приходило бы в упадок.

Большая часть записок посвящена организации школьного дела, отбору предметов для образования детей. Он выдвинул идею всенародного обучения. Для этого Ф.С. Салтыков предложил во всех губерниях создать по одной или две академии по две тысячи человек в каждой, отдать им по несколько монастырей, оставив в них лишь священников и причетников церковных для служб. Из разных государств следовало пригласить мастеров для учения детей "дворянских и купецких... и всяких иных разных чинов". Возраст принимаемых детей ограничивался от шести до двадцати трех лет. Содержание их производилось из монастырских доходов, минуя царскую казну. В записке предлагался полный перечень предметов, которые подлежали изучению. Ссылаясь на опыт академий во Франции, Англии, Ф.С. Салтыков рекомендовал изучать языки, необходимые "для обхождения в разговоре с разными народами": латинский, греческий, немецкий, английский, французский. В содержание образования он включал большой набор "свободных наук" светского содержания:

"Свободных наук"

Для правого и левого писания	грамматика
и глаголения	риторика
Для стихотворения	поэтика
Для рассуждения натуры	философия
Для познания истинного бога и законов	богословие

Для всех образов и правлений
и известия о всех государствах
Математических наук

Для гражданских и воинских
правлений математики

Для знаемости и положения мест
Для обороны собственной и для
изящества учиться

истории
универсальных и партикулярных
арифметика
геометрия
тригонометрия
навигация
фортификация
артиллерия
механика
статика
гидростатика
перспектика
архитектура
оптика
гиомика
музыка
пиктура
скульптура
миниатура
география
на лошадях ездить
на шпагах биться
танцевать
[1, с. 23].

Ф.С. Салтыков подсчитал, что если в каждой из семи губерний открыть по две академии, то число обучающихся в них достигнет 18 тысяч. После семи лет обучения из них будут выпускаться 100 человек, владеющих знаниями, могущих принести пользу обществу и "мы по сему образу сравниваемся во всех свободных науках со всеми европейскими государствами, а без свободных наук и добрых рукоделий не может государство стяжать себе умного имени, а также будет всегда требовать во всех делах из других ученых государств людей на посылу свои и вспоможение" [1, с. 22].

Одним из первых Ф.С. Салтыков предложил организовать женские школы. Для этого он рекомендовал использовать женские монастыри, их доходы. Под угрозой штрафа отцам следовало приводить в школы дочерей с шести лет и обучать их до пятнадцати лет. В

каждой губернии рекомендовалось открыть по две женские школы по 500 девочек, в семи губерниях должно обучаться 9000 учениц [1, с. 26].

Ф.С. Салтыков выделил специфические, на его взгляд, женские науки, которым следовало учить девочек:

"Для домоводства	читать
	писать
	цифири
Для изящества в языках	французского
	немецкого
Для забавы	микстуры
	и миниатюры
	и перспектив
Для забавы же своей и в компаниях веселого обхождения	музыке инструментальной и вокальной, сиречь на всяких инструментах и вспевать, танцевать"

[1, с. 25].

Этот перечень свидетельствует об утилитарном подходе к постановке женского образования. Им должны были давать лишь основы чтения, письма, счета, которые могут пригодиться в домашнем быту. Особое внимание следовало уделять эстетическому развитию девочек, музыкальному воспитанию. Ф.С. Салтыков считал, что при такой программе ученицы "будут умнее и обходительнее, нежели как они у отцов своих живут в доме до замужества, не зная обхождения людского и разговоров". Цель, которую ставил Ф.С. Салтыков, предлагая ввести женское образование и воспитание, носила патриотический характер: "чтобы и женский наш народ уравнился с европейскими государствами равно" [1, с. 25].

Заслуживает внимания защита государственных интересов Ф.С. Салтыковым. Так, он предложил перевести и напечатать "истории универсальные и партикулярные", а затем по ним учить грамотности вместо "часовников и псалтырей". Необходимо было, по его мнению, подготовить историю России и всех ее городов, перевести на немецкий, французский языки, напечатать и разослать в

различные государства. Иначе иностранные ученые искажают историю России, трактуют ее по-своему. Особую заботу Ф.С. Салтыков проявил об открытии библиотеки: "В тех же академиях велеть из разных языков и из разных наук сделать библиотеки как в Англии – в Оксфорде и Кембридже" [1, с. 22]. Он считал, так же как и Ф. Прокопович, что только наличие хорошей библиотеки делает возможным учение эффективным.

Педагогические высказывания Ф.С. Салтыкова характеризовались широтой планов, реалистичностью, требованием бессловности образования.

В этот же период творил Иван Тихонович Посошков, зажиточный человек, представитель передового купечества (1652 – 1726 гг.). Он написал такие известные сочинения, как "Письмо о денежном деле", "О ратном поведении", "Зерцало очевидное", "Завещание отеческое", "Книга о скудости и богатстве", в которых показал себя идеологом нового зарождающегося класса буржуазии.

В мировоззрении И. Посошкова "переплетаются московский консерватизм, характерный для допетровской эпохи, и идеи передовых слоев петровского времени. В его сочинениях сочетаются ограниченность кругозора и смелость мысли, крайняя жестокость по отношению к инаковерующим, вплоть до одобрения сожжения еретиков, и проповедь любви и бережного отношения не только к людям, но даже к животным и растениям".

Главная социально-экономическая идея И. Посошкова заключена в следующем его высказывании: "...не то царственное богатство, еже в царской казне лежащие казны много..., но то самое царственное богатство, еже бы весь народ по мерностям своим богат был самыми домовыми внутренними своими богатствами..." [2, с. 100].

И. Посошков одним из первых выступил с идеей обучения грамоте крестьян. Он объяснял это потребностями государства в образованных людях: "...Паки немалая пакость крестьянам чинится и от того, что грамотных людей у них нет. Аще в коей деревне дворов двадцать или тридцать, а грамотного человека ни единого у них нет, и какой человек к ним не приедет с каким указом или и без указа да скажет, что указ у него есть, то тому и верят и оттого прием-

лют себе излишние убытки, потому что все они яко слепые ничего не видят, не разумеют. И того ради многие, и без указу приехав пакости им чинят великие, а они оспорить не могут, а и в поборах много с них излишних денег имеют, и оттого даровой приемлют себе убыток..." [2, с. 63].

В "Книге о скудости и богатстве" И. Посошков отстаивает мысль об обязательном начальном образовании для крестьян: "И ради охранение от таковых направных убытков, видится не худо б крестьян и поневолить, чтоб они детей своих, кои десять лет и ниже, отдавали дьячкам в научные грамоты и, науча грамоте, научили бы их и писать. И чаю, не худо бы так научить, чтобы не было и в малой деревне без грамотного человека. И положить им крепкое определение, чтобы безотложно детей своих отдавали учить грамоте и положить им срок года на три или на четыре. А буде в четыре года детей своих не учат, такоже, кои ребята и впредь подрастут, а учить их не будут, то какое ни есть положить на них и страхование" [2, с. 63].

И. Посошков, предлагая введение обязательного обучения крестьянских детей, рекомендовал распространить грамотность как среди русских, так и среди "мордвы", "чуваши", черемисы": "А чаю, не чудо указ послать и в низовые города, чтобы у мордвы детей брать и грамоте учить отдавать, хотя бы и насильно. А егда научатся, то и самим им слюбится потому, что к ним паче русских деревень, приезжие солдаты и приставы и подьячие, овогда с указом, овогда ж и без указу, и чинят, что хотят, потому что они люди безграмотные и беззаступные. И того ради всяк их изобижает и чего никогда в указе не бывало, того на них спрашивают и правежем правят" [2, с. 63-64]. Этим он преследовал цель просвещения народов, а через его распространение – обращение их к христианской вере.

По мнению И. Посошкова, основную роль в развитии просвещения среди крестьянства должно сыграть духовенство. В "Книге о скудости и богатстве" он предложил во всех епархиях построить просторные школы, организуя целую сеть городских и сельских церковных школ. В них принимать десятилетних детей "дьяконо-

вых, поповых, дьячковых, пономарских". Если отцы не захотят отпустить их учиться, то следовало "брать бы их и поневолею и учить грамматике и всякого книжного разума". Неграмотного человека "во пресвитеры и в дьяконы не посвящати". Если ребенок окажется способным, то его можно не только грамматике и чтению научить, но и риторике, и философии: "И тии не токмо во пресвитерский сан, но во архиерейство будут годны и учителями могут застати" [2, с. 61]. В процессе обучения рекомендовалось следить за успехами каждого, изучать индивидуальные особенности: "И кои книги кто читает, от тех бы книг спрашивал их по одинкам и внимал бы, каково кто памятно сказывает, и той учитель в памятную б книгу записывал, кто каков есть" [2, с. 62]. Заботясь о просвещении, И. Посошков высказывал мысль о создании учебных книг, которыми учащиеся могли бы пользоваться самостоятельно: "...его императорскому величеству надлежит постараться о грамматике, чтоб принудить ее выучивать добрым расположением с самым добрым истолкованием, и тако дробно ее разобрать, чтоб всякие скрытности ясно откровенные были, и чтоб и без учителя можно познать всякие падежи и склонения и, тако исправя ю, напечатать бы их тысяч пять-шесть или десятков" [2, с. 107].

Организация обучения детей священников, по мнению И. Посошкова, должна была способствовать росту не только грамотности, но и нравственности: "...из тых бы учеников отсылать на пресвитерство не по Отечеству, не по богатству, ниже по прошению прихожан, но по разуму и по истинному священства достоинству". Рассудительные и кроткие несут миру свет, а не тьму, полагал он. Когда обновится состав священнослужителей, когда они станут грамотными, то "аще священный чин от таковых несклочимств исправится, то яко новый свет в России воссияет. И тако их надлежит изучити, чтобы во время исповедания детей своих духовных паче всего научали о благочестии и о благоверии, како в нем твердо стояли дабы блазни люторские и римлянские не склонялись и с раскольниками бы никакого разглагольства не знаячи, не разговаривали" [3, с. 63]. И. Посошков считал, что грамотное духовенство

больше будет заботиться о "благонравии" городских и сельских детей и осуждать праздную жизнь, бесцельное времяпрепровождение.

Особый след в истории русской просветительской мысли оставил Феофан Прокопович (1681 - 1736 гг.), видный церковный и общественный деятель, оратор, поэт, теоретик литературы, реформатор духовного и светского образования. В 1721 г. он издал "Духовный регламент", где изложил не только систему управления церковью во главе с Синодом, но и обосновал организацию духовных школ. "Всем архиереям предписывалось открывать при архиерейских домах школы, главным образом для детей священнослужителей (а также прочих сословий), с целью подготовки духовенства. Содержание этих школ и учащихся в них возложено было на архиерейские дома: "Подобает, чтобы ученики и кормлены и учены были тут не и на готовых книгах епископских". Архиерейские школы – это низшие учебные заведения, где обучают начаткам религии, чтению, письму и арифметике" [4, с. 54]. Новые духовные учреждения Ф. Прокопович представлял как общеобразовательные учебные заведения гуманитарного типа. В них изучались латинский язык, грамматика, история, география, арифметика, геометрия, логика, или диалектика, риторика, физика с метафизикой, "политика краткая Пуфендорфова", богословие. Содержание образования носило ярко выраженный светский элемент, т. к. шесть лет ученики занимались общеобразовательными предметами и лишь два последние года усиленно изучали богословие. Много внимания уделил Ф. Прокопович организации семинария, "какие вымышленно немало во иноземных странах". Для этого он предложил построить отдельный дом, наподобие монастыря, не в городе, в стороне от шума и веселья. В доме должны быть продовольствие и одежда не менее чем на пятьдесят – семьдесят человек. Детей следовало расселить к комнаты по восемь-девять человек в зависимости от трех возрастных групп: "большие", "средние", "малые". Каждый имел складную кровать, "чтобы в день логовища знать не было", шкаф для книг и одежды, стул. В каждой избе должен быть префект или надсмотрщик, "человек хотя неученый, обаче честного жития; только б не вельми свирепый и не мелянхолик, летами от 30 до 50 году". Его работа со-

стояла в том, чтобы соблюдался порядок, режим, не возникало ссор, сквернословия. Без разрешения префекта никто не имел права уходить из помещения. Ф. Прокопович предложил в каждом доме семинарии иметь трех ученых людей, из которых один будет ректором, а два других экзаменаторами. Они должны были следить за тем, кто как учится. Ленивых он требовал наказывать: "малых" розгами, а "средних" и "старших" – "словом угрозыительным". Если это не помогало, то следовало о таких учениках докладывать ректору.

Ф. Прокопович был сторонником жесткой регламентации учебного дня семинаристов. Он рекомендовал принимать детей на государственный и собственный счет в возрасте от десяти до пятнадцати лет и в течение первых трех лет обучения не разрешал отпускать никого из семинарии. После трех лет можно было два раза в год позволить выход в гости к родственникам в сопровождении инспектора или наблюдателя. "Таковое молодых человек житие кажется заключению пленническому подобное. Но кто обыкнет так жить, хотя чрез един год, тому весьма сладко будет".

В регламенте весь день семинаристов был четко определён, звон колокольчиков давал сигнал к началу или окончанию того или иного дела. Каждый день два часа отводилось на гулянье: после обеда и ужина, "тогда б невольню никому учиться и ниже книжки в руках иметь". Гулянье должно сопровождаться "играми честными и телодвижениями". Летом можно было дважды в месяц съездить на острова, а один раз в год - в Санкт-Петербург. Во время еды предлагалось читать детям военные и церковные истории "О мужах во учении просиявших, о церковных великих учителях, коим и о древних и нынешних философах, астрономах, риторах, историках и прочая. Ибо таковых повестей слышание и сладко есть, и к подражанию мудрых оных людей поощряет" [3, с. 53]. Воспитанию семинаристов должны были служить диспуты, лекции, комедии, риторские экзерциции, которые бы учили молодых людей смелости, умению убеждать.

Особый вклад в развитие школьного дела и русской педагогики внес Василий Никитич Татищев (1686 – 1750 гг.), просветитель, историк, государственный деятель. Свои педагогические воззрения

он изложил в "Разговоре о пользе наук и училищ" (1733), в "Записке об учащихся и расходах на просвещение в России", в "Духовной моему сыну" (1733), в "Учреждении, коим порядкам русских школ имати поступать" (1736). Исследователи отмечают двойственность его методологических позиций. С одной стороны, он, представитель просветительской философии, отстаивал сословность, рационализм, а с другой - сторонник религии и религиозного воспитания. "Просвещение, по его мнению, не только не подрывает религию, но, наоборот, укрепляет ее. В работах Татищева мы имеем первую попытку приспособить рационалистическую философию к самодержавному строю России и укреплению дворянского сословия" [4, с. 58].

Он полагал, что изменений в жизни страны можно достичь лишь с помощью усиления самодержавия и распространения просвещения. Наука ведет к самопознанию, к будущему и настоящему благополучию: "...Оные от недостатка разума всегда тем, что они есть и что имеют, недовольны, но всегда большего, чести, или увеселения, или богатства, желая, а довольно никогда получить могущие, непрестанно совестию мучаясь в беспокойстве пребывают; противно же тому разумный человек, не взирая на других об нем мнения, сам всем доволен и совестию спокоен, а когда оное приобрел, то ему ровно как бы он всей земли владетель был... Наука главная есть, чтоб человек мог себя познать" [5]. В.Н. Татищев доказывал полезность наук не только для воспитания, образования, но и для государственного управления. Он отстаивал мысль о том, что незнание и глупость любому обществу вред наносят. С помощью науки и искусства разумный человек приобретает не только хорошую память, твердые и обоснованные суждения, но и становится способным предотвратить зло, вредительство, смятение. В.Н. Татищев видел разницу между ученым и неученым человеком прежде всего в нравственности: "Разумный человек... все благорассудя, определяет, неправильным и впредь вредительным не прельщается, бесстрашных обстоятельств не боится и на отвращение страха мужественно поступая отрывает и побеждает, в радости и счастии не превозносится и оному не верит, а в несчастии не ослабевает, беды же и горе-

сти великодушием преодолевает и, своим довольствуясь, чужого не ищет; противно же тому неведение всяким неправильным советам и предлогом прельщаяся верит, но вскоре узнавает, что обман есть; он сущего страха не боится; а где несть страха трепещет, в печали и радости не умерен, в счастии и несчастьи непостоянен и во всем вместо пользы наносит себе вред, - и сия есть разница между ученым и неученым" [5]. В.Н. Татищев рассматривал значение науки с практических, утилитарных позиций, с точки зрения ее полезности и "непотребности". Изучить новое следует человеку для того, чтобы быть совершеннее. Наука должна для этого дать определенные знания. Поэтому В.Н. Татищев разделил науки на нужные, полезные, щегольские или увеселяющие, любопытные или тщетные, вредительные.

К нужным наукам он относил домоводство, чтобы "о имении и пище, одежде и жилище спокойном прилежать, оные добрыми и правильными способами приобретать, а приобретенное с добрым порядком употреблять и хранить, дабы в случае нечаянного недостатка нужды не терпеть..."; врачество или медицины, "дабы мы могли здравие, следовательно пребывание или жизнь продолжить, а по утрачении здравие возвратить"; нравоучение, поскольку "человек по естеству на зло склонен и чисто своими непристойными поступками и обидами других на отмщение себе возбуждает, следственно, сам себе беды и пакости наносит"; законоучение; владение оружием, чтобы "зане сей стан особливо для обороны отечества и отвращение общего вреда устроен"; логика и богословие.

Полезными науками В.Н. Татищев называл письмо и грамматику, т.к. "между всеми полезными науками письмо есть первое, через которое мы прошедшие знаем и в памяти храним, с далеко отстоящими так как присутственно говорим и еще иногда лучше, нежели языком, мнение наше изобразить можем"; красноречие или риторика, "которое в том состоит, чтоб по обстоятельству случая речь свою учредить"; "инородные" языки, "дабы мы других не токмо с нами подданством внутрь России, но и пограничных или имеющих с нами торги и войны народов разуметь и им наше мнение объявить могли..."; математику, (арифметику, геометрию, механику,

архитектуру, оптику, акустику, астрономию); историю, генеалогию, географию, ботанику, анатомию, физику (естествознание), химию.

Щегольскими он назвал такие науки, как: "... 1) стихотворство или поэзия, 2) музыка, русское скоморошество, 3) танцевание или плясание, 4) вольтежирование или на лошадь садиться, 5) знаменованье и живопись, которые по случаю могут быть полезны и нужны быть, яко танцевание не токмо плясанию, но более пристойности как стоять, идти, поклониться, поворотиться учить и наставляет; знаменованье же во всех ремеслах есть нужно".

Вредными науками В.Н. Татищев считал глупые волхования, ворожбы, колдовство: некромантия (вещание на трупах), аэромантия (воздуховещание), пиромантия (огневещание), а также заговоры, привороты, чернокнижество и т.п. Он считал их суевериями и предлагал "...за то, что оставя полезное, в беспутстве время тратят и других обманывают, телесное наказание понести должны".

Перечень рекомендуемых В.Н. Татищевым к изучению наук характеризует его как просветителя и как сторонника общеобразовательной и профессиональной подготовки молодого поколения. Однако для наиболее полного обучения он рекомендовал посылать детей за границу, т.к. "купечеству весьма нужно знать состояние торгова, а гражданам ремесл совершенные свойства и ухватки, а наипаче тех, которых наши от них научились или обучаться хотят, оным не меньше нужно чужие страны навещать".

В.Н. Татищев являлся одним из первых организаторов народной школы и профессионального обучения (А.А. Буров, Н.В. Нечаев и др.). Им была предложена система школьного образования, которой должна руководить коллегия. В начале XVIII века в России не было такого ведомства. Поэтому требование В.Н. Татищева об учреждении "центрального ведомства по заведованию училищами" как "главнейшего и нужнейшего" в государстве, являлось прогрессивным.

"По всем губерниям, провинциям и городам" следовало создать "нижние" начальные школы как основу образования. "В одной из записок, содержащих план народного образования, В.Н. Татищев намечал учредить во всех городах, "для начинания в научении", от

20 до 200 мужских и женских семинарий, рассчитанных на 12000 учащихся. Считается нужным обучение детей дворян проводить отдельно от детей других сословий, он в соответствии с этим рассматривал назначение начальной школы. Для дворян эта школа лишь первая ступень к последующему образованию. В "малом училище", устроенном в виде пансиона, на 50 человек, дети дворян обучаются читать и писать на родном языке, религии, немецкому и французскому языкам, арифметике, геометрии и началам истории и географии. На этой основе им строится система среднего и высшего дворянского образования: гимназии для "предуготовления к высшим наукам", академии или университеты, к которым относится и Корпус кадетов" [6, с. 53].

В организации обучения, которую предлагал В.Н. Татищев, ярко выделяется сословный принцип. Дети дворян должны быть отделены от детей простого народа.

Вместе с тем в "Кратких экономических до времени относящихся записках" он обосновал необходимость элементарного обучения крестьянских детей, в т.ч. и крепостных, "мужеского и женского" пола в возрасте от пяти до десяти лет чтению и письму, а от десяти до пятнадцати лет – ремеслам. По его мнению, этого требовали экономические и военные интересы государства. Чтобы крестьяне были заняты и в зимнее время, В.Н. Татищев предписывал обучать их "художествам": кузнецкому, колесному, бочарному, овчарному, горшечному, коновальному, портному, сапожному, шерсть бить, войлоки валять, "что крестьянину необходимо иметь надлежит".

Другой круг проблем, рассматриваемый в просветительной педагогике, касался вопросов воспитания, его организации и принципов, которые отражали новые педагогические веяния, отрицали старую педагогику "сокрушения ребер". В центр воспитания постепенно ставилась идея воспитания личности, которую позднее более полно разовьет М.В. Ломоносов. Произошли изменения в понимании самой сущности личности, ее ценностей. Это выразилось в расшатывании аскетического идеала, развивающейся приверженности людей к интересам земной жизни, в том, что клерикальные

воззрения потеряли право на исключительно одностороннее господство, происходила секуляризация сознания личности от церковного догмата. "Табель о рангах" закрепила за дворянством господствующее положение в государственных учреждениях, армии, флоте и вместе с тем содействовала тому, что понятие о достоинстве человека, до сих пор отождествлявшееся исключительно с его происхождением, родством и знатностью, начинает связываться также и с его личными качествами и общественной пользой, которую он приносит. Как ни ограничена была эта апелляция к человеку классовыми и политическими интересами, она опиралась на более широкий и свободный взгляд на личность, основанный на требовании соотношения между личным достоинством человека и положением, занимаемым в государстве и обществе. Такое понимание ценности человеческой личности с позиции "общего блага" противоречило религиозным представлениям [7, с. 132].

Новые тенденции в понимании просветителями личности нашли отражение в ориентации и решении этических проблем за пределами христианского учения о морали. Развиваются такие прогрессивные явления, как антидогматизм, рационализм, возвышение свободы человеческого разума, красоты его тела, чувств.

Исходя из принципа ценности человеческой личности, Ф. Прокопович, В.Н. Татищев призывали уважать в детях личность и давать им образование, сообразное их склонностям и возможностям.

Ф. Прокопович обосновал в "Духовном регламенте" значение учения для развития производительных сил страны: "Известно есть всему миру, каковая скудость и немощь была воинства российского, когда оное не имело правильного себе учения, и как несравненно умножилась сила его и надчаяние велика и страшна стала, когда... Петр Первый, обучил оное изрядными регулами. То же разуметь и о архитектуре, и о врачестве, и о политическом правительстве, и о всех прочих делах" [3, с. 46]. Отвергая бытующее в те времена мнение о вредности учения, он утверждал, что ересь рождается либо в необразованных людях, либо в малообученных. Общественная значимость образования, по мнению Ф. Прокоповича, зависит от его основательности.

Он разработал особые требования для достижения "учения доброго и основательного", поэтому в "Духовном регламенте" прежде всего обратился к идее подбора учителей для занятий с детьми. Ф. Прокопович считал, что ректор и префект должны каждую неделю посещать две школы и следить за работой учителей: "ходят ли всегда в школу учителя, и так ли учат, как подобает; ...А когда в школу приидут, учитель при них учить будет, а они слышати, хотя чрез полчаса. Також и вопросаи отведовать учеников, знают ли что уже должно бы им знать" ("Духовный регламент"). Если кто-то из учителей не выполняет академических уставов, пожеланий и наставлений ректора, то после проведения соответствующей проверки он может быть отставлен или наказан. В первый год обучения Ф. Прокопович считал необходимым привлекать лишь одного или двух учителей, которые бы могли учить грамматике, знали латинский или греческий языки.

Большое внимание он уделял отбору учеников. Так, предлагал проверять память, остроумие ребенка "и, если покажется весьма туп, не принимать в академию. Ибо лета потеряет, а ничего не научится. А обаче возымеет о себе мнение, что он мудрый, и от таковых несть горших бездельников". Ф. Прокопович считал, что академия должна гордиться не количеством обучающихся, а наличием "остроумных и добрых учащихся, с великою пользы надеждою и как бы оных додержати постоянных до конца".

Высоки были его требования к нравственности детей. Он полагал, что в течение года пребывания ученика в академии следует наблюдать за ним, воспитывать его. Однако "буде покажется детина непобедимой злобы, свирепый, до драки скорый, клеветник, непокорив и буде чрез годовое время ни увещании, ни жестокими наказаниями одолеть ему невозможно, хотя б и остроумен был, выслать из академии, чтоб бешеному меча не дать". Он был сторонником применения не только словесных методов воздействия на ребенка, но в исключительных случаях выступал за физические наказания.

Большую ценность представляют методические указания регламента. Ф. Прокопович рекомендовал в начале обучения знакомить детей с программой предмета, раскрывать его значение,

"чтоб ученики видели берег, к которому плывут, и лучшую бы охоту возымели, и познавали бы повседневную прибыль свою, також и недостатки". В качестве учебных пособий предписывалось использовать работы известных авторов. Например, Ф. Прокопович предлагал латинскую грамматику французских авторов, по которой умного ученика можно научить языку за один год, "когда у нас за пять и за шесть лет мало кто постигает, что можно знать потому, что студент, из философии или богословия изшедший, не может перевести и среднего стиля латинского". Интерес вызывает предложение Ф. Прокоповича о параллельном изучении ряда предметов: "Например, уча грамматики, может учитель с него учить купно и географию и историю, понеже по регулам грамматическим нужно есть делать экзерции, си есть обучатися в переводах с моего языка за язык тот, которого учуся, и вопреки, с языка того на мой язык. То можно велеть ученикам переводить по части географию, или историю одну внешнюю, либо церковную, или на перемену оба те учения" [3, с. 49]. Поэтому он предложил год изучения грамматики разделить на две части: полгода обучать грамматике с географией, используя для этого глобус, а вторую половину посвятить выполнению упражнений по краткой универсальной истории. При этом учение будет интересным, "когда невеселое языка учение толь веселым мира и мымошедших в мире дел познанием растворено им будет; и скоро от них грубость отпадет, и еще при береге почитай училищном немало драгах товаров обрящую" [3, с. 49].

Прогрессивность взглядов Ф. Прокоповича на вопросы воспитания, образования, их демократичность нашли отражение в его методических указаниях по изучению богословия. Он рекомендовал преподавать его "не по чужим сказкам, а по своему ведению учить, и иногда, избрав собственное время, показать в книгах и ученикам своим, чтоб и они известны сами были, а несумнились бы, правду ли говорит или лжет учитель их" [3, с. 49].

"Духовный регламент" Ф. Прокоповича отличался прогрессивностью, демократичностью положений. В нем отсутствовал строгий догматизм, поощрялись творчество, трудолюбие. Он понимал, что учение является очень сложным процессом, требующим боль-

шой самоотдачи, самоотверженности. Но Ф. Прокопович верил в то, что правильно организованное учение позволит воспитать людей, полезных обществу, готовых к государственной службе. Активный участник петровских преобразований был ярким носителем светского мировоззрения, соответствующего новому положению светской власти, ее главенствующему по отношению к церкви месту. Если Петр I положил конец политическим притязаниям церкви, то Ф. Прокопович основательно подорвал ее духовную диктатуру. Прагматический взгляд на историю, прогрессивный для того периода, сочетался с социологическим рационализмом и натуралистическим пониманием природы человека [8, с. 184]. Многие положения "Духовного регламента" были впоследствии конкретизированы и подробно разработаны М.В. Ломоносовым.

В отличие от Ф. Прокоповича, В.Н. Татищева для воспитательных взглядов И. Посошкова характерен был консерватизм. Так, в "Завещании отеческом", которое сравнивается исследователями с Домостроем, он дал нравственно-христианские наставления, детально описал семейную жизнь, отношение к службе. Воспитание, по его мнению, должно быть строго в религиозном духе: "Бога бойся, ни с кем не бранись, не дерись; бог с неба смотрит, и что ты ни сделаешь, видит; и языка своего не выставляй: бог за то тебя убьет". Е.Н. Медынский отмечал, что второй существенной чертой педагогических воззрений И. Посошкова является "крайняя суровость воспитания. Детей надо держать неоплошно и в великой грозе, чтобы они трепетали перед богом и боялись одного взгляда родителей. В подтверждение этого принципа Посошков приводит длинный ряд текстов из ветхого завета о сокрушении ребер детям" [4, с. 64].

Большое внимание И. Посошков уделил регламентации содержания образования. Он считал, что детей следует учить славянскому греческому, латинскому, польскому языкам, чтению, письму, грамматике, математике ("выкладке цифирной научив до деления"). Рекомендовал обучать детей различным мастерствам ("художествам"), рисованию и черчению: "А сего учения не моги отложить, еже бы тебе его не научить рисовать и в размере силу знать, чтобы он всякое дело прежде начинания делати, мог его нарисовати по раз-

меру. Чаще в размере будет силу знати, то ко всякому мастерству будет ему способно; и аще и командиром у какова дела будет, то он может всякое дело насквозь видети: ко всякому бо художеству рисовальное дело присутственно и дело потребно. К сему же понуждай его потребное и непотребное рисовати, чтоб он навикал тому рисованию досконале... дабы никогда празден не был и дней бы своих не терял даром" [3, с. 66]. Он советовал бережно относиться к книге, сравнивал ее с иконой, и считал, что для пользы учения из нее следует делать выписки, указывая при этом на их источник.

И. Посошков особо выделял воспитание в детях трудолюбия, скромности, честности. В "Завещании отеческом" он писал: "От излишнего изобилия и в блуд паче впадают, и блудницы их паче любят, нежели убогих. Богатей же паче и обижают убогих и маломощных... Богатство ибо, и кроме вышеупомянутых страстей, и прежде получения, пакости наводит на человека: ибо кои человецы желательного его ищут и хотят вскоре обогатиться, то впадают в великие напасти и погибают... И никогда празден, сыне мой, не сиди: либо какое художественное дело делай, либо книги читай... И аще цену, велику или малу, возьмеш, работай всею правдою, без лени и без лукавства: не дань к вечеру гони, но дело к концу приводи. И какую работу работать ни будеш, работай не так, каков обычай имут поденщики, но работай так, как ты можеш про себя работать" [2, с. 67 – 68].

И. Посошков выступил за крепкую отцовскую власть в семье и самое строгое обращение с детьми. Даже при поступлении ребенка в училище родитель должен был его постоянно опекать. В своих нравственных устоях И. Посошков полностью придерживается положений "Домостроя".

Иначе подошел к пониманию воспитательных проблем В.Н. Татищев. Большую роль в этом сыграла его идея выделения "возрастов жизни", и на данной психологической основе он анализировал возрастные особенности детей. В.Н. Татищев выделил младенчество от рождения до 12 лет; юношество – от 12 до 25 лет; мужество – от 25 до 50 лет; старость – от 50 лет и далее. В каждом возрастном периоде он видел определенные особенности. Так, в раннем детстве для ре-

бенка необходимо организовать питание, развивать органы чувств, тело. В этом возрасте у детей может проявляться непостоянство, любопытство, упрямство. В юношеском возрасте появляется острая память, свобода мысли, подражание взрослым. В этот период у детей ярко фиксируется противоречивость в поступках: они могут быть учтивы, но и презрительны, ласковы, но и невыдержанны, в дружбе ненадежны и т.д. В.Н. Татищев не был склонен прощать детские слабости, порицал неразумных детей за "непотребные дела". Он считал, что в юном возрасте проявляются как отрицательные, так и положительные качества. На последние следовало опираться педагогу и родителям. Отвергая принцип старой педагогики о непогрешимости родительского авторитета, В.Н. Татищев был сторонником разумных взаимоотношений старших и младших в семье, выступая за "возвышение" доброго примера в воспитании. Он был резок в оценке религии, ее роли в обществе и семье, однако рекомендовал сыну не критиковать церковные неурядки, избегать детального обсуждения вопросов веры. Для чтения сыну им было предложено шесть священных книг и "Юности честное зерцало". "Поборник просвещения внушает сыну изучать лютеранские, кальвинистские и католические сочинения. Старорусский человек боязливо чурался европейских учений. Человек нового времени советовал изучать их, чтобы познать духовную жизнь Западной Европы" [9, с. 109].

Заслугой В.Н. Татищева является разработка им некоторых дидактических проблем. Основав содержание образования, он попытался раскрыть ряд принципов, правил обучения. Их применение позволило бы учителю достичь положительных результатов. Так, одним из важных принципов он считал наглядность: "В учении младенцев должен учитель начинающим азбуку каждому сам начинать, и когда ему несколько раз буквы покажет, тогда посадить его подле такого, который уже основательно знает, и приказать, чтоб оной за ним надсматривал и как к показанию, так изречению букв поправлял...". В.Н. Татищев рекомендовал соблюдать доступность, посильность обучения, учитывая индивидуальные особенности детей: "Чтобы ученики охотнее и скорее обучались и меньше принуждения и надзирания требовали, давать им мерные уроки, и

как скоро который урок свой выучит, так скоро его с похвалою из школы выпустить, чрез что и ленивым подается лучшая охота" [3, с. 85].

Важным условием успешности учения он считал правильное, разумное применение поощрения и наказания. В.Н. Татищев указывал учителям поправлять ученика "без всякой злобы и свирепости, но ласкою и с любовию показуя себя как словами, так и поступками любительно и весело". В качестве поощрения он рекомендовал применять доброе слово, похвалу, ласку. Для наказаний можно было употребить "более стыдом, нежели скорбию, яко стоя у дверей, привязану к скамье, и на земле сидя кому учиться, или несколько часов излишнее пред другими в школе удержать. И если такие наказания жестокосердному недостаточны, тогда биением по рукам или легкою плетью по спине, токмо того весьма храниться, чтоб часто не бить, ибо тем более побои в уничтожение и ученики в бестрашие приводятся. В голову же и по щеке учеников отнюдь не бить" [3, с. 85]. В.Н. Татищев был сторонником разумного использования наказаний. Применение физических, насильственных его форм было исключительной мерой. Он рекомендовал наказывать учеников не только за "леность учения", за кражи, ложь, непокорность, но и за прогулы: "И ежели который ученик в урочное время не придет и прогуляет час или более, такого наказывать, кроме битья...; если же который прогуляет без надлежащей причины целый день, то оного наказывать на теле; а буде который более одного дня прогуляет, то у получающих жалованье вычесть втрое, почему на учебный день приходит, и сверх того, донести управителю, который помогающего родителя или содержателя равномерно накажет; а которые школьники не получают, то с тех родителей доправить против равных ему получающих учеников, и сии деньги, записывая особо, употреблять на школьный расход с определенными на оную, и для того о всех прогулах в месячных ведомостях учителем писать имянно" [3, с. 87 – 88].

В.Н. Татищев критиковал слабую подготовку учителей в плане методики преподавания. Традиционно сложилась такая система обучения: вначале наизусть учили азбуку, Часовник, Псалтырь,

Апостол, а потом овладевали грамотой. Однако ученики, вызубрив тексты книги, не понимали смысла слов, не могли научиться правильно писать. Поэтому он предложил внедрить другой порядок обучения. Как только ученик выучит азбуку, для овладения чтением выдать ему книгу Ф. Прокоповича "Первое учение отроком" и "Зерцало человеческого жития" Броса. При этом ребенок должен усвоить не только Закон божий, но и правила "честного жития", а учителю необходимо спрашивать не столько порядок выученных слов, сколько их смысл. После того, как ученик начнет читать, надо "немедленно начать ему и писать буквы по черной деревянной доске... мелом... Оные буквы писать крупно, чисто и хотя разными, но употребляемыми почерки. И для того письма уделять им после обеда час из вышеобъявленного времени" [3, с. 85]. Затем, по мнению В.Н. Татищева, следовало учить писать слоги, слова. Он выделил специальные правила правописания: не писать "странных букв", не путать буквы; начинать предложения с большой буквы, разделяя их точками, запятыми; строки и буквы должны быть прямыми, ровными, красивыми. После того, как ученик научится читать, писать, можно переходить к изучению математики. Для этого всех обучающихся надо разделить на группы, чтобы они по очереди ходили на час до обеда в арифметическую школу. При овладении "тройными правилами" ученикам следовало начинать обучение геометрии.

Большое внимание В.Н. Татищев уделил профессиональной подготовке детей в школах при уральских казенных заводах. Они должны были научиться узнавать руду по внешнему виду, судить о ее качестве; знать основы механики, архитектуры; постичь знаменование (черчение) и живопись. Для подготовки хороших ремесленников "нужны, яко: 5) каменья резать и грани, ибо, добывая руды, достают различные каменья, которые иногда многократно дороже стоят, нежели руды 1000 пуд, но за незнанием бросают; 6) токарное ремесло, как ремесло, как собственно каждому, так наипаче при заводах нужно и полезно; 7) столярное; 8) паяльное; механикам и другим многим мастерам нужны, и если бы кто сам работать не хотел, чрез оное удобнее о деле или сочинении рассказать и ремесленника научить может" [3, с. 87].

Для проведения систематических занятий В.Н. Татищев составил твердый распорядок как всего учебного года, разделив его на трети, так и режим школьного дня. Он предложил: "ученикам собираться в школы летом, апреля с 1-го, сентября по 1-му, поутру точно 6, после обеда 2, выходить до полудни 10, в вечеру 6 часов; зимою, т.е. октябре с 1-го, марта по 1-е число, приходить поутру 8, после обеда 12, выходить поутру 11, в вечеру 3; весною и в осень, т.е. в сентябре и марте, до обеда 4, после обеда 3 часа учиться. Но сие разумеется о младенцах не меньше семи лет, которые ж меньше семи лет, тем убавить как пред полуднем, так и по полудни получаса и более, смотря по состоянию каждого. Самые же малые, лет пяти и до шести, не имеют долее сидеть, как 2 часа подряд, дабы вдруг сиденьем не отяготить и науки им не омерзить, некогда ж и междоучением может учитель на полчаса младенцам допустить погулять..." [3, с. 84].

Одним из первых в истории русской педагогики он дал характеристику учителю, как человеку, "который детей читать и писать или иным каким наукам и познанию полезных правил и жизни человеческой обучает. И для того он, яко един отец им общий вместо многих родителей" [3, с. 84]. Среди требований к учителю на первое место он ставит нравственность педагога. По примеру Устава Луцкой школы В.Н. Татищев считает, что "младенцы образы жития старших над собою от видения приемлют и по тому прилежно следуют, того ради должен учитель быть благоразумен, кроток, трезв, не пианица, не зершик, не блудник, не крадив, не лжив. От всякого зла и неприличных, паче же младенцем соблазненных поступков отдален, чтоб свои добрым и честным житием был им образец, ибо в противном случае как пред божиим, так... судом ответствен за всякое преступление и соблазн должен" [3, с. 84]. Учитель, по мнению В.Н. Татищева, должен проявлять постоянную заботу о детях, быть им отцом и матерью, заниматься их воспитанием, приучать к чистоте, порядку, "дабы никто не умывшись и не чесавшись или с необрезанными ногтями в школу не явился". Ему следовало пресекать непристойные ученические игры, учить детей честности, уважению старших. Обращаться с учениками рекомендовалось ласко-

во, с любовью, а не с помощью страха и угроз. Запрещалось в училище сквернословие и брань.

Учителям следовало приходить в школу ежедневно раньше учеников и следить за порядком в помещении, "школа чтоб чиста, а зимою тепла, чада и смрада чтоб никакого не было, и ежели что не исправно, то исправить, книги учебные, которые в школах хранятся, по местам разложить и все к приходу их изготовить. Если же который учитель то презрит, то за едино промедление жалованья за неделю лишен будет" [3, с. 84].

В.Н. Татищев считал, что учитель должен быть не только образцом, примером для учеников, но и хорошо знающим свой предмет, понимающим детей. Он предложил "учителей из русских готовить", используя для этого Академическую гимназию.

Педагогические взгляды В.Н. Татищева имеют огромное значение для педагогики России прежде всего призывом к образованию, к воспитанию через учение: "Человек от начала жизни даже до престарения учиться нужду и пользу имеет...". Эта идея, как и многие другие прогрессивные предложения русских просветителей петровской и послепетровской эпохи, была подхвачена, переосмыслена М.В. Ломоносовым. Он явился достойным преемником передовых людей России, сочинения которых показывали, как откликнулась педагогическая мысль на требования времени о необходимости просвещать и воспитывать человека в новом духе. Идеи русских просветителей по своему теоретическому уровню и практическому воплощению отличались государственным подходом, масштабностью, реальностью замыслов. Используя опыт европейского и русского просвещения, они внесли значительный вклад в становление отечественной педагогики как науки, явились предшественниками М.В. Ломоносова.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Салтыков Ф. С. Пропозиции // Рукопись из собр. П.Н.Тихонова. - СПб., 1891.

2. Посошков И.Т. Книга о скудости, богатстве, сие есть изъяснение, от чего приключается скудость и от чего гобзовитое богатство умножается. - М., 1842.
3. Антология педагогической мысли России XVIII века / Вступ. ст., биогр. оч., сост. и прим. И.А. Соловков; Редкол.: Г.Н. Волков и др. - М.: Педагогика, 1985.
4. Медынский Е.Н. История русской педагогики: до Великой Окт. соц. рев. - 2-е изд., испр. и доп. - М.: Учпедгиз, 1938.
5. Татищев В.Н. Разговор о пользе наук и училищ // С предисл. и указ. Н. Попова. - ЧОНДР, 1887 - Кн. 1 - С. 1 - 171.
6. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. XVIII - перв. пол. XIX в. / Отв. ред. М.Ф. Шабаета. - М.: Педагогика, 1973.
7. Мазуркевич Т.Л. Из истории идеологической борьбы в России в конце XVII - первой четверти XVIII века: Дис. ... канд. филос. наук. - М., 1979.
8. Вейнберг А.П. Социологические воззрения Феофана Прокоповича (1681 - 1736): Дис. ... канд. филос. наук. - М., 1947.
9. Семенова Л.Н. Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII века / Ред. Н.А. Казакова. - Л: Наука, 1982.

V. Характеристика педагогической деятельности М. В. Ломоносова

Доидлся М.В. Ломоносов 4 (19) ноября 1711 года в деревне Мишанинской Куростровской волости Архангельской губернии. Отец Ломоносова – Василий Дорофеевич – являлся довольно зажиточным человеком. "У него была земля, которой он владел на правах собственности и, кроме того, промысел имел на море по Мурманскому берегу и в других поморских местах для ловли рыбы, трески, палтосины на своих судах, из коих в одно время имел не малой величины гуккор с корабельной оснасткою" (Б.Н. Меншуткин). Мать будущего ученого – Елена Ивановна – бы-

ла дочерью дьякона. К сожалению, она умерла очень рано (ок. 1720 г.), оставив единственного сына сиротой. Весь уклад жизни северной поморской стороны наложил отпечаток на впечатлительного М.В. Ломоносова. Он впитал в себя воспитательные традиции Поморья, усвоил суровый опыт воспитания в крестьянской и рыбацкой общине. Все это впоследствии сказалось на решении М.В. Ломоносовым педагогических проблем.

Во времена М.В. Ломоносова северный край был необычайно оживленным местом. "К Успенской ярмарке приходило к Архангельску до 100 кораблей голландских, английских, гамбургских, бременских с разными произведениями европейской промышленности: с сукнами, полотнами, шелковыми тканями, кружевами, золотыми и серебряными изделиями, винами, аптекарскими материалами, галантерейными вещами. Иностранцы купцы, жившие в Москве, Ярославле, Вологде и других городах, раннею весною съезжались в Архангельск и оставались в нем до зимнего пути. Торговые иностранцы со своими семействами занимали в Архангельске двадцать четыре дома" [1, с. 36]. Биографы М.В. Ломоносова (В.И. Ламанский, П.П. Пекарский) утверждали, что отрицание "владычества иностранцев", точно так же, "как и любовь к знанию, уважение к западной образованности", могло зародиться у будущего академика во время его жизни на Севере. "Вообще, в нем в высшей степени замечательно соединение страстной, восторженной любви к Петру Великому со страшной ненавистью к игу иностранцев. Это – опять черта чисто местная, архангельская, ибо, конечно, нет в России другой области, в которой оба эти чувства так крепко срослись вместе и так глубоко проникли в народ, как на родине Ломоносова" [1, с. 37].

Жизнь среди поморов, поморские плаванья с отцом, борьба с лишениями, суровыми природными условиями способствовали появлению в М.В. Ломоносове "необычайных физических и нравственных сил, закалили его характер, приготовили к борьбе" (В.И. Ламанский). В нем рано пробудился интерес к чтению, к познанию необычного, нового.

"Российской грамоте" М.В. Ломоносов обучался у соседа, крестьянина Шубного и местного дьячка Сабельникова. Он узнал, что

"для приобретения большого знания и учености требуется знать язык латинский", которому можно научиться только в Москве, Киеве, Петербурге. Часто бывал М.В. Ломоносов в доме Дудина, сына холмогорского священника, у которого имелось большое количество духовных и светских книг. В 1724 году после его смерти Михаил получил в собственность от семьи покойного "Арифметику" Леонтия Магницкого, "Грамматику" Мелентия Смотрицкого и "Псалтырь" Симеона Полоцкого. Обладавший удивительной памятью М.В. Ломоносов носил книги с собой и, постоянно читая, выучил текст наизусть. Впоследствии он называл их "вратами своей учености".

Неодолимое стремление к науке, жажда знаний способствовали формированию у 19-летнего юноши желания покинуть отчий дом. К этому времени обострилась и домашняя обстановка. Через много лет Ломоносов писал об этом: "...имеючи отца хотя по натуре доброго человека, однако в крайнем невежестве воспитанного, и злую и завистливую мачеху, которая всячески старалась произвести гнев в отце моем, представляя, что я всегда сижу по-пустому за книгами. Для того многократно я принужден был читать и учиться, чему возможно было, в уединенных и пустых местах и терпеть стужу и голод, пока я ушел в Спасские школы" [2, т. 10, с. 481 – 482]. Поэтому в волостной книге для записи поручителей в платеже податей лицами, отлучающихся из волости на время, появилась запись: "1730 года 7-го дня декабря отпущен Михайло Васильев сын Ломоносов к Москве и к морю до сентября месяца предбудущего 1731 года, а порукою по нем в платеже подушных денег Иван Банев росписался".

Заняв у соседа Фомы Шубного "китаечное полукафтанье", три рубля денег, взяв паспорт, две книги ("Арифметику" Магницкого и "Грамматику" Смотрицкого), М.В. Ломоносов с обозом мороженой рыбы ушел в Москву, где поступил в школу математических и навигацких наук. Однако оказалось, что преподаваемый там материал он уже знал, и, объявив себя дворянским сыном, пришел учиться в Славяно-греко-латинскую академию. Сам он сообщал об этом так: "В Московских Спасских школах записался 1731 года января 15 числа. Жалованья в шести нижних школах по 3 коп. в день. А в

седьмой – 4 коп. на день". В течение одного года М.В. Ломоносов прошел три класса (фара, инфима, грамматика).

Поразительные способности, трудолюбие, необыкновенная настойчивость позволили М.В. Ломоносову добиться больших успехов за короткий срок. Он основательно усвоил латинский, греческий языки, увлекался философией и естественными науками. В январе 1736 года М.В. Ломоносов в числе двенадцати лучших учеников Славяно-греко-латинской академии был зачислен студентом при Академии наук "на академический кошт". В сентябре 1736 года он направлен на учебу за границу, в Германию, где изучал физику, основания химии, физическую географию, горное дело, минералогию, механику, гидравлику, гидротехнику, плавильное искусство, маркшейдерское дело, рисование, иностранные языки.

Получив основательную подготовку, М.В. Ломоносов в 1741 году возвратился из Германии. Как сообщает Я.К. Грот в "Очерке академической деятельности Ломоносова", Шумахер назначил ему денежное пособие, отвел квартиру, дал задание заниматься переводами, но повышать его дальше по службе не торопился. В январе 1742 года М.В. Ломоносов подал в академическую канцелярию прошение, в котором напомнил о своих успехах в физике, химии и горнозаводстве и, "выставляя, что он может учить других этим наукам, а также писать относящиеся к ним сочинения "с новыми инвекциями", – жаловался, что просьбы его об определении остаются без исполнения. Это прошение было уважено, и уже через несколько дней М.В. Ломоносова назначили адъюнктом по физическому классу с жалованьем по 360 руб. в год" [3, с. 12 – 13]. Адъюнкт – младшая научная должность в Академии наук, помощник профессора. Специальным предметом М.В. Ломоносова была обозначена химия. Но поскольку в Академии действовала учебная часть, включающая гимназию и университет, то молодому ученому было поручено преподавать, кроме химии, физическую географию, минералогия, "стихотворство и штиль русского языка".

С этого момента М.В. Ломоносов начал заниматься активной педагогической деятельностью. Условно в ней можно выделить несколько периодов. Самый первый из них приблизительно следует

ограничить 1742 – 1745 гг. Он связан непосредственно с преподавательской работой М.В. Ломоносова. В отличие от других своих коллег он не только занимался многогранной научной деятельностью, но и стремился обучать молодых людей из "природных россиян". Однако этому постоянно препятствовали Шумахер и его сторонники. М.В. Ломоносов писал, что "Шумахеру было опасно происхождение в науках и произведение в профессора природного россиянина, от которых он уменьшения своей силы больше опасался. Того ради учение и содержание российских студентов было в таком небрежении, по которому ясно оказывалось, что не было у него намерения их допустить к совершенству учения" [2, т. 10, с. 46]. М.В. Ломоносов отстаивал мысль о том, что все члены Академии наук должны заниматься педагогической деятельностью, вносить посильный вклад в подготовку молодых национальных кадров. С целью популяризации научных знаний он разработал программу публичных лекций, их должны были начать читать с 1 сентября 1742 года. Сложность, с которой столкнулся М.В. Ломоносов в этот период, состояла в отсутствии учебников на русском языке. Поэтому он начал готовить к изданию учебные пособия по различным предметам. Так, в 1742 году М.В. Ломоносов разработал руководство "Первые основания горной науки, или Горная книжица"; в 1743 году он подготовил "Краткое руководство к риторике, на пользу любителей сладкоречия сочиненное". Обучая студентов А.П. Протасова и С.К. Котельникова по физике, М.В. Ломоносов в 1745 году перевел интересный учебник Тюммига, написанный на латинском языке. Тюммиг использовал трехтомное собрание работ Вольфа, "который многими изданными от себя философскими и математическими книгами в свете славен... Сия книжица почти только для того сочинена и ныне переведена на российский язык, чтобы по ней показывать и толковать физические опыты, и потому она на латинском языке весьма коротко и тесно писана, чтобы для удобнейшего употребления учащихся вместить в ней три книги немецких..." [2, т. 1, с. 425]. Объясняя свою кропотливую работу по созданию учебных пособий, М.В. Ломоносов отмечал, что он искренне стремится к распространению в государстве "высоких наук", "чтобы в сынах российских к оным охота и ревность рав-

номерно умножилась" [2, т. 1, с. 425]. Все учебные пособия М.В. Ломоносова широко использовались и в гимназиях, и в университетах. Получив 7 августа 1745 г. должность профессора, он продолжал активно заниматься педагогической деятельностью. Этот период связан с плодотворной методической работой ученого. Одновременно с подготовкой учебных пособий М.В. Ломоносов вел разработку лекций для чтения их на русском языке. По указу Сената от 17 октября 1745 года о печатании перевода "Экспериментальной физики" М.В. Ломоносову предписывалось прочесть цикл лекций по физике с использованием необходимых физических приборов. По отзывам современников, первая лекция ученого прошла 20 июня 1746 года в торжественной обстановке. На ней присутствовали "сверх многочисленного собрания воинских и гражданских разных чинов слушателей и сам господин президент Академии с некоторыми придворными кавалерами и другими знатными персонами" [4, с.42]. Лекции читались до 1 июля и прекратились в связи с отъездом Президента Академии наук из Петербурга. Тем не менее, значение этого факта для развития национальной науки велико, поскольку до М.В. Ломоносова все лекции читались на латинском языке, а главной задачей академической гимназии являлось научить гимназистов понимать латинскую речь.

Занятия с гимназистами и студентами убедили М.В. Ломоносова в необходимости преобразований в учебной части Академии наук. 28 апреля 1746 года он подготовил представление в академическое собрание "о привлечении семинаристов в университет и об увеличении числа учеников гимназии". В документе им предложено отобрать студентов из семинарий и обучать их академическим упражнениям. Этим, по его мнению, можно приобрести "для Академии наук звание подлинного Петербургского университета". Ломоносов считал также, что "следует заботиться о том, чтобы Гимназия обладала большим количеством учеников; оттуда некогда должны выйти свои, "доморощенные студенты" [2, т. 9, с.439]. Очень важным явилось предложение ученого обратиться в Сенат с просьбой "доверить Академическому собранию просмотр как переводных, так и написанных по-русски книг" для принятия решения о их

перепечатке. Инициатива М.В. Ломоносова об отборе способных учеников из монастырских школ, об увеличении числа гимназистов, о широком распространении научных знаний на русском языке не нашла должной поддержки у членов Академического собрания, хотя предложение М.В. Ломоносова было уже опробовано на практике. Так, в 1732 и 1735 годах ученики школ и семинарий отбирались для учебы в Академии. Из них вышли такие ученые, как С.П. Крашенинников, сам М.В. Ломоносов, академик-астроном Н.И. Попов, создатель русского фарфора Д.И. Виноградов, гравер А. Поляков, переводчики В.И. Лебедев, И.И. Голубцов, А.С. Барсов и др. "Что касается хлопот Ломоносова об увеличении числа учеников Академической гимназии, то они увенчались успехом только четырнадцать лет спустя, после передачи гимназии в единоличное ведение Ломоносова" [2, т. 9, с. 848].

Предложение М.В. Ломоносова об отборе способных молодых россиян для обучения в Академии получило реальное осуществление лишь в 1748 году, когда Синод разрешил выбрать для университета по десять человек из Московской славяно-греко-латинской академии, Новгородской и Александро-Невской семинарий, в Москве и Новгороде "академик В.К. Тредиаковский отобрал двадцать учеников, в том числе М. Софронова, впоследствии адъюнкта математики, Н.Н. Поповского и А.А. Барсова, будущих профессоров Московского университета. Отбор учеников из Александро-Невской семинарии, которая по числу учащихся уступала другим, встретил возражения со стороны петербургского архиепископа, вследствие чего Синод прислал в Академию новый указ от 26 марта 1748 г. с предписанием взять из столичной семинарии только пять воспитанников, а остальных добрать из Смоленской семинарии. 10 мая того же года из выбранных М.В. Ломоносовым и И.-А. Брауном пяти семинаристов выдержали испытание в Академии наук только трое: С.Я. Румовский, И. Лосовиков и Ф. Тамаринский, остальных отослали обратно в семинарию" [2, т. 9, с. 849].

М.В. Ломоносов уже в этот период стремился к тому, чтобы был составлен новый регламент Академического университета. По поручению Канцелярии от 13 июня 1748 г. его разработкой зани-

мался академик Г.-Ф. Миллер [СПбФ ИРИ РАН, ф. 3, он. 1, № 457, д. 116]. В этой связи М.В. Ломоносов писал: "В Университете неотменно должно быть трем факультетам: юридическому, медицинскому и философскому (богословский оставляю синодальным училищам), в которых бы производились в магистры, лиценциаты и доктора. А ректору при нем не быть особливому, но все то знать эфору или надзирателю, что в внесенном в Историческое собрание регламенте на ректора положено, ибо ректор в университете бывает главный командир, а здесь он только будет иметь одно имя. Не худо, чтобы Университет и Академия имели по примеру иностранных какие-нибудь вольности, а, особливо, чтобы они освобождены были от полицейских должностей" [2, т. 10, с. 460]. Спустя почти два месяца, 7 декабря 1748 года, М.В. Ломоносов сделал дополнение к своему мнению о проекте нового университетского регламента. Он предложил всех студентов разделить на три класса: "первого класса студенты ходят на все лекции, для того чтобы иметь понятие о всех науках и чтоб всяк мог видеть, к какой кто науке больше способен и охоту имеет; второго класса студенты должны ходить на лекции только того класса, в котором их наука; третьего класса студенты те, которые определены уже к одному профессору и упражняются одной науке. Сим последним должно, по моему мнению, определить ранг армейского прапорщика, а производить их в временные переводчики в поручический ранг, а из них в адъюнкты" [2, т. 9, с. 441]. Данные предложения М.В. Ломоносова свидетельствуют о его стремлении сделать университет подлинным учебным заведением, в котором бы преподавание велось на высоком научном уровне. Однако Регламент университета не был утвержден.

Но М.В. Ломоносов продолжает вести активную борьбу с теми, кто противился развитию просвещения, распространению грамотности в России, и работает над серией документов о высшем и среднем образовании. Впоследствии они были названы исследователями педагогического творчества ученого ломоносовской программой организации просвещения в России. Разработка этой программы приходится на 1750 - 1755 годы, когда М.В. Ломоносов находился в расцвете творческих сил, много времени отдавал непосред-

ственной подготовке молодых специалистов. В этот период он выступил с идеей открытия Московского университета. Он заботился о том, чтобы учебные заведения, в том числе и университет, были открыты для детей простого народа. В проект создания университета в Москве М.В. Ломоносов внес те демократические предложения, которые он отстаивал для академического университета. Поэтому Московский университет, созданный в 1755 году, воплотил идеи великого русского ученого о развитии русского образования.

Наиболее полно и плодотворно занимался М.В. Ломоносов педагогической деятельностью в 1758 – 1760 гг., когда он начал руководить академической гимназией и университетом. Хотя многое из предложенного им встречало противодействие, этот период жизни связан с детализацией программы развития среднего и высшего образования в России, что нашло отражение в таких документах, как "Проект Регламента Московских гимназий, 1755 г." и "Проект Регламента академической гимназии. 1758 г."

Программа была построена на основе демократизма, гуманизма и народности. Демократизм М.В. Ломоносова выразился прежде всего в стремлении распространить образование во всех слоях русского общества. Он отстаивал мысль о расширении сети школ, числа обучающихся детей в них. М.В. Ломоносов выступил за создание единой бессловной системы образования, доступной всем. Он предусмотрел привлечение к обучению детей из "простонародья", боролся за создание им материальных условий.

Идея народности ломоносовской программы заключалась в опоре на истинно русское в образовании. Так, он считал, что академическая гимназия не удовлетворяет потребности страны в грамотных людях: "В Гимназии каково расположение было, из того видно, что ни один школьник в студенты из ней не выпущен, кроме одного или двух, которые прежде в других школах доброе положили основание" [2, т. 9, с. 38-39]. Главной причиной такого положения М.В. Ломоносов считал "недоброхотство к учащимся россиянам в наставлении, в содержании и в произведении" [2, т. 10, с. 123]. Оно выражалось в засилии учителей-иностранцев, в отсутствии обучения на русском языке.

Заслугой М.В. Ломоносова явилось и то, что он первым представил гимназию как передовой тип средней общеобразовательной школы, обозначил ее структуру, предложив выделить особые подразделения – школы: российская, латинская, "первых оснований в науках", "знатнейших европейских языков". Для каждой из них устанавливались три класса: нижний, средний, верхний, закрепляя этим самым трехгодичный срок обучения. М.В. Ломоносов занимался анализом содержания образования, создал учебные планы гимназий. Ломоносовский учебный план давал возможность гимназистам получать широкие и глубокие знания, обеспечивая высокий уровень образования. М.В. Ломоносов разрабатывал учебные планы на основе таких педагогических условий, как обучение на родном языке, предметность, последовательность изучения наук, их постепенное усложнение, светскость образования, единство и преемственность учебных планов средней и высшей школы.

В ломоносовской программе предусматривалось расширение сети гимназий и школ в России. Так, известно представление И.И. Шувалова в Сенат от 7 декабря 1760 г., подлинным автором которого историки считают М.В. Ломоносова: "Надлежит необходимо в знатных городах учредить гимназии, в которых бы обучали нужные европейские языки и первые основания, и при оных гимназиях некоторое число положить учеников записных на содержании казенном, другие же могут быть вольные, а по маленьким городам учредить школы, в которых будут обучать русской грамматике, арифметике и прочим первым основаниям, а из оных школ станут выходить в гимназии, а из гимназий в Кадетский корпус, в Академию и в Университет, а из сих мест в действительную службу".

Ломоносовские документы по регламентации школьного и гимназического образования, организации работы гимназий при Академии наук, Московском университете, в Казани оказали положительное влияние на развитие народного просвещения XVIII – начала XIX вв.

"Одной из крупнейших педагогических заслуг М.В. Ломоносова следует признать то, что он популяризировал сочинения выдающегося славянского дидакта Я.А. Коменского. Книгу Коменско-

го "Видимый мир в картинках" он считал необходимым учебным пособием в гимназии. При содействии учеников и последователей М.В. Ломоносова профессоров Н.Н. Поповского и А.А. Барсова конференция Московского университета в 1756 г. постановила перевести и перепечатать эту замечательную работу. В 1768 г. книга вышла первым изданием, а в 1788 г. была издана уже вторично" [6, с. 129].

Некоторые итоги педагогической деятельности подвел сам М.В. Ломоносов в отчете "О завершенных и незавершенных научных и литературных работах": "В Гимназии хотя немало было гимназистов, однако в весьма бедном и бесполезном состоянии, затем что 1) жалованье им давалось в руки, которое брали к себе их родители или свойственники и держали больше на себя, нежели на школьников, так что в школы приходили в бедных рубищах, терпели наготу и стужу, и стыдно было показать их посторонним людям; притом же пища их была весьма бедная, и чуть иногда хлеб с водою; в таких обстоятельствах наука мало шла им в голову; 2) да и времени им к тому не было, затем что дома должны были служить отцу и матери для бедности, а, в Гимназию ходя по дальнему расстоянию, теряли лучшие часы и всегда случай имели резвиться и от школы отгуливать. Итак, не дивно, что чрез семь лет не было произведено из Гимназии в университетские студенты ни единого человека. Но после поручения оной Гимназии советнику Ломоносову в единственное смотрение все оныя неудобствия отвращены и пресечены, ибо гимназисты соединены, как и студенты, в общежитие, снабжены приличною одеждою и общим довольным столом по мере определенного им жалованья, не теряют времени ни ходьбою на дом, ни службою родителям, ни заочною резвостию, будучи у инспектора Гимназии и у нарочных надзирателей перед глазами в одном доме. От него же, советника Ломоносова, расположены порядочные в гимназии классы, и притом российского правописания, штиля и красноречия, чего с начала гимназии до него не бывало. И, наконец, сочинены для каждого класса особливые инструкции учителям, и обще для всей Гимназии – регламент с совета профессоров, которыми свидетельствован и апробован от его сиятельства г. пре-

зидента, и по нему учение в гимназии производится с несравненно лучшим успехом, ибо в три года произведено из Гимназии в университетские студенты семнадцать человек экзаменованных и удостоенных профессорами" [2, т. 10, с. 402-403]. М.В. Ломоносов имел все основания утверждать, что доверенные ему университет и гимназия, "не взирая на великие соперников противления и хулу, состоят в хорошем порядке".

Педагогическая деятельность первого русского академика осложнялась тяжелыми отношениями с противниками российского просвещения. Он стремился преодолеть сословность в образовании, засилие иностранцев, отстаивал демократизм школы. В этом ярко проявилась его знаменитая "благородная упряжка".

"Ценой больших усилий удалось Ломоносову заложить прочный фундамент для дальнейшего развития народного образования и те патриотические традиции, которые определили весь дальнейший прогресс науки в России. Идея непрерывности начального, среднего и высшего образования, выдвинутая Ломоносовым, способствовала тому, что в конце XVIII века высшее правительственное учреждение страны – Сенат – признал создание гимназии и начальных училищ "за весьма полезное обществу". Но только в начале XIX в. была осуществлена последовательная система образования – от начальной ступени до высшего учебного заведения в масштабах всей страны" [5, с. 149].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ламанский В.И. М.В. Ломоносов. Биограф. очерк. - СПб., 1864.
2. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений: В 11 т./Гл. ред. С. И. Вавилов. - М., Л.: АН СССР, 1950 - 1959, 1983.
3. Грот Я.К. Очерк академической деятельности Ломоносова. - СПб., 1865.
4. Меншуткин Б.Н. Михаил Васильевич Ломоносов. - СПб., 1911.
5. Павлова Г.Е., Федоров А.С. Михаил Васильевич Ломоносов. - М.: Наука, 1980.
6. Бобровникова В. К. Педагогические идеи и деятельность М.В.Ломоносова. - М.: АПН СССР, 1961 .

VI. Народная педагогика и М. В. Ломоносов

зучая педагогическое наследие М.В. Ломоносова, мы обратили внимание на связь его идей с русской народной педагогикой. Анализ историко-педагогической литературы показывает недостаточную исследованность этой проблемы, несмотря на наличие более 200 кандидатских диссертаций о воспитании детей на народных воспитательных традициях в различных регионах страны (Башкортостан, Якутия, Татария и др.). Наиболее основательным и крупным исследованием, посвященным проблемам этнопедагогики, является работа Г.Н. Волкова "Этнопедагогика" [1]. В ней автор подробно рассмотрел сущность этнопедагогики, дал ей методологическое обоснование, показал значение народного воспитания, раскрыл сферы его влияния, охарактеризовал эпос как сокровищницу народной педагогики. Г.Н. Волков стремился проанализировать накопленный воспитательный опыт не только чувашей, но и других народов России. Однако в литературе менее всего освещены вопросы, связанные с русской народной педагогикой.

В какой-то степени этот пробел восполняет "Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV – XVII вв." [2], где опубликованы тексты берестяных грамот, отрывки из летописей, государственных документов, народные пословицы, приметы и.д. Их анализ позволяет судить о богатстве и уникальности педагогического опыта русского народа. Изучение его необходимо и с точки зрения влияния всей русской культуры на культуру народов нашей многонациональной Родины.

Большое теоретическое значение имеет работа Е.Л. Христовой, посвященная историографическим и методологическим проблемам народной педагогики [3]. Ее цель состояла в раскрытии процесса развития историко-педагогических знаний о народной педагогике, в характеристике генезиса и развития понятий "народная педагогика", "этнопедагогика" и т.д.

К.Д. Ушинский, исследуя проблему народности в общественном воспитании, писал о том, что чувство народности очень сильно в каждом человеке, "что воспитание, созданное самим народом и основанное на народных началах, имеет ту воспитательную силу, которой нет в самых лучших системах, основанных на абстрактных идеях или заимствованных у другого народа. Но, кроме того, только народное воспитание является живым органом в историческом процессе народного развития... Народ без народности – тело без души, которому остается только подвергнуться закону разложения и уничтожиться в других телах, сохранивших свою самобытность" [6, т. 2, с. 161]. Он отстаивает мысль о том, что общей системы народного воспитания не существует ни в теории, ни на практике, что у каждого народа есть своя, особая национальная система воспитания. "Опыт других народов в деле воспитания есть драгоценное наследие для всех, но точно в том же смысле, в котором опыты всемирной истории принадлежат всем народам". [6, т. 2, с. 165].

На становление М.В. Ломоносова огромное влияние оказал поморский Север. Академик Д.С. Лихачев (4) отмечал уникальность современного русского Севера как памятника мировой и отечественной культуры, как сокровищницу крестьянских, мореходных, рыболовецких, ремесленных и культурных традиций. Север сохранил былины Киевского и Новгородского циклов, лирическую песню, свадебную поэзию, песенную культуру и замечательный язык. "Поистине уникальны историко-культурные богатства Русского Севера. Из этой сокровищницы, составляющей неотъемлемую часть мировой культуры, предстоит черпать духовные ценности многим поколениям" [5, с. 118]. В такой своеобразной воспитательной среде находился будущий ученый до девятнадцати лет. М.В. Ломоносов почти девять лет делил с отцом тяготы сложных морских переходов. Он знакомился с северным промыслом морского зверя: тюленя, нерпы, тювяка, моржа, морского зайца, интересовался китоловным промыслом; изучал соляное дело.

"Хотя в то время поморские суда уже имели компасы, а с помощью "угломерного прибора" поморы умели находить широту и высоту полюса, однако требовалась большая сноровка и огромный

опыт, чтобы справиться с морской стихией. Во время плаваний юноша учился познавать природу, различать направление ветра, определять приближение земли, предвидеть возникновение штормов и бурь, предсказывать погоду". М.В. Ломоносов изучил особенности пути от Холмогор до Мурманских берегов. В 1763 году в "Кратком описании разных путешествий по северным морям и показании возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию" Ломоносов указал, что проход судов в Северных морях зависит от течения моря, от направления ветра. "Сие приметил я и по всему берегу Нормандского моря, от Святого носу до Кильдина острова" [7, т. 6, с. 479].

Обладая пытливым умом, любознательностью, М.В. Ломоносов наблюдал морские приливы, отливы, северные сияния, сильные штормы, знакомился с богатством недр северного края. Как показывают его работы, написанные в период деятельности в Академии наук, он знал о сланцах, месторождениях карельской слюды, об янтарях у Чайской губы, о самородном серебре Медвежьего озера [7, т. 5, с. 351, 567 и др.].

М.В. Ломоносов гордился своим поморским происхождением. С большим уважением относился он к землякам, ценил их настойчивость, трудолюбие, упорство. "Искусный мореплаватель, – говорил он, – не токмо в страшное волнение и бурю, и во время кротчайших тишины бодрствует, укрепляет орудия, готовит парусы, наблюдает звезды, примечает перемены воздуха, смотрит на встающие тучи, исчисляет расстояние от берегов, мерит глубину моря и от потаенных водою камней блюдетсЯ" [7, т. 8, с. 247].

Археологические исследования (А.А. Куратов, О.В. Овсянников и др.) [8] доказывают довольно высокий уровень развития хозяйства, культуры, искусства на поморском Севере уже в эпоху неолита и раннего металла. В тот период совершенствовались способы лесной и морской охоты, приемы рыбной ловли, развивалась техника изготовления орудий труда, разнообразней становилась хозяйственная утварь, появлялись изделия из металла. Изменения в хозяйственной деятельности влияли на мировоззрение первобытных охотников и рыболовов.

В X – XIII веках в Беломорье проникают славяне. Среди причин этого продвижения этнографы отмечают стремление людей жить независимо в социальном и хозяйственном отношении. Природа и климат Поморья оказались вполне благоприятны для нормального физического существования и хозяйственной деятельности. Т.А. Бернштам подчеркивает, что приспособление пришедшего населения развивалось по нескольким направлениям: к иной природе, к животному и растительному миру, другому соотношению сезонов годового цикла. Это, в свою очередь, вызывало значительные изменения в выборе пищи, одежды, влияло на характер и состав болезней, повышало смертность, в первую очередь от несчастных случаев в море. В этих условиях складывались способы и средства коллективного выживания. Высокоразвитые у поморов чувство и традиции коллективизма явились результатом отбора свойств, необходимых для психологической адаптации к длительному, трудному проживанию [9, с. 224-225].

К XVII – XVIII векам поморский Север имел богатую и своеобразную культурную среду. Ее отличали природа и климат региона, тяжелые условия быта, труда, его специфика, широкое распространение народного фольклора, особенности исторического развития. Обстоятельства сложились так, что население края и после вхождения в состав Московского государства сумело сохранить свою самостоятельность. История оберегла Северный край от крепостного права. За малым исключением сюда не проникло служилое помещичье землевладение. Север остался классическим районом свободного черносошного крестьянства. Не зная цепей крепостной зависимости, татаро-монгольского ига, местное население выработало в себе дух предприимчивости, самостоятельности. Исследователи [10] отмечают, что именно на Севере встречались "всеуездные миры" - крупные общественные союзы, включавшие в себя посад с уездом. На них вершились мирские дела, избирались "всеуездные старосты". Непосредственное общение между посадским и волостным населением на основе широкого "всеуездного самоуправления" формировало независимость суждений, силу духа, патриотизм, благородную упрямку в людях.

Исследователи Поморского Севера едины в мнении: по географическому положению, по естественным богатствам этот край обладал особыми условиями для развития не только местного хозяйства, но и для упрочения всей страны. Значение Севера в экономической жизни Московского государства заключалось в том, что он в достаточной мере снабжал внутренние районы продуктами, среди которых важное место принадлежало рыбе (особенно семге), соли, салу, кожам морских зверей, мехам. В тот период здесь была сосредоточена почти вся внешняя торговля государства. Кроме того, Север служил главным соединительным звеном между европейской Россией, Сибирью, Западом в торговом отношении. В XVII веке в крае велась разработка месторождений полезных ископаемых (железной руды, меди, были промыслы слюды, соли, смолы).

Широкое развитие получили в Поморье народные ремесла: деревянное зодчество, резьба по кости, шитье золотом, жемчугом, чернение по серебру.

В конце XVII - начале XVIII века Поморье трижды (1693, 1694, 1702 гг.) посещал Петр I. Его поразили богатство и культура этого края. Убедившись, что поморы были искусными мореплавателями, Петр I комплектовал из них боевые экипажи Балтийского флота, направлял на кораблестроительные верфи Петербурга и других городов страны, а также использовал незаурядное мастерство поморов при возведении новой столицы. Позднее в поэме "Петр Великий" М.В. Ломоносов отметил большое влияние Севера на царя. Он считал, что именно здесь Петр I задумал создать отечественный флот.

Условия социально-экономического развития Поморья (занятия морским делом, плавания в другие страны, контакты с иностранцами) способствовали развитию грамотности среди значительной части мужского и даже женского населения. Одним из подтверждений распространения ранней грамотности у поморов, как указывает Т.А. Бернштам, являются надписи, оставленные на различных местах промысла. Они сделаны на русском, норвежском языках и относятся к XVII - XIX векам. В крестьянской среде на Севере находилось много рукописных книг как богослужебного, так и смешанного содержания. В них помещались отрывки из "Жития

святых", различные поучения, а также светские повести, практические советы. Кроме рукописных, на Север проникало большое количество печатных книг гражданского содержания, которые очень ценились. Они были так дороги, что их иногда переписывали целиком ввиду невозможности приобрести за деньги. Крестьяне покупали книги друг у друга, приобретали в староверских скитах, на базарах, привозили из столичных городов.

Архангельск, колыбель судостроения, раньше других испытывал потребность в грамотных людях. В 1711 году здесь открылись первые школы по обучению грамоте, до выхода указа Петра в 1714 году о цифирных школах [11, с. 23]. Попытка царя создать сеть государственных школ "для всякого чину, опричь однодворцев (крестьян) северным духовенством была встречена с недоброжелательством: например, в 1719 году понадобилось вторичное распоряжение Синода о предоставлении школьного помещения учителю Федору Литвинову, посланному из Москвы в Вологду. В Архангельске цифирную школу при монастыре предполагалось открыть в 1714 году, но она начала работу лишь в 1719 году при выезде из Москвы учителя Федора Брюзгина [12, с. 5].

В 1723 году при Холмогорском архиерейском доме была устроена "словесная школа", преследовавшая узко практические цели - подготовку низших церковнослужителей для сельских приходов. Школа содержалась на средства приморских монастырей, с которых собиралась "двадцатая доля". Съестные припасы на довольствие ученикам отпускались из архиерейского дома.

Первоначально в словесной школе преподавались только начальная грамота, церковно-славянская грамматика, церковный устав, чтение и пение. В 1723 - 1724 учебном году в ней обучалось 39 детей. Из них "твердили букварь" 11, грамматику учили 28 детей. Через три года, в 1726 году, в школе насчитывалось 46 учеников. Из них учили букварь 16, грамматику 7, псалтырь 14, часослов 9 человек. Только в 1730 году в школе было введено преподавание начальных основ латинского и греческого языков по примеру младших классов Московской славяно-греко-латинской академии. По некоторым сведениям, в Холмогорской словесной школе при

Варнаве (холмогорский епископ, получивший образование в Киево-могилянской академии) даже устраивались торжественные действия, мистерии и диспуты.

Этнографы Севера (К.П. Гемп, Т.А. Бернштам) пришли к выводу, что в результате влияния особенностей края на человека здесь сформировался своеобразный психический склад личности, неодинаково развитый на разных поморских берегах, трудно выразимый в точных научных терминах, но на который обращали внимание все люди, побывавшие на Севере и отличавшие поморов как от жителя средней полосы, так и от северного крестьянина-земледельца.

Одной из составных частей культурных ценностей поморского Севера, как исконно русского края, является поморская народная педагогика, включающая в себя воспитательный опыт народа.

У поморов к XVIII веку имелись устоявшиеся определенные представления на воспитание и обучение, их цели, задачи, пути и средства воздействия на детей. Совокупность и взаимозависимость данных компонентов составляют суть народной педагогики. Мы поддерживаем положение Г. Виноградова о том, что в основе ее находится народная философия, философский фольклор [13].

Народный воспитательный опыт сохранялся в устном народном творчестве, обычаях, обрядах, детских играх, игрушках и т.д.

Ядро народной педагогики составляли воспитательные традиции, которые выступали средством сохранения, воспроизводства, передачи и закрепления социального опыта, духовных ценностей. С их помощью от старших поколений к младшим передавались нормы поведения людей, требования к личности.

Характерными чертами традиций являются всеобщность, массовость, устойчивость, долговечность, эмоциональная привлекательность. Сущность их состоит в "сохранении неизменности унаследованных форм поведения, в бережном отношении к сложившемуся ранее укладу жизни как к культурному наследию прошлого, во внимании не только к содержанию поведения, но и к его внешним проявлениям, к стилю, в результате чего внешняя форма поведения становится особенно устойчивой. Таким образом, отражая

объективные условия жизни общества, традиции закрепляют более существенные ее элементы, способствуют их преемственности.

Традиции как унаследованная стереотипная форма социальной регуляции имеют особое значение в воспитании подрастающего поколения. Они никому не навязывают свои взгляды и способ поведения, а включают человека в практические действия, с которыми без внутреннего сопротивления воспринимаются представления и нормы поступков.

Воспитательная функция традиций состоит в стереотипных требованиях к личности и ее поведению в обществе, в увлекательной силе примера.

Народные воспитательные традиции Поморья складывались и сохранялись в семье, поддерживались коллективным общественным мнением, определялись особой ролью религии, церкви в регионе.

Суровый край формировал в людях не только физическую силу, выносливость, закалку, сноровку, отличное знание морского дела, но, прежде всего глубокое уважение друг к другу, особенно к старшим. Поэтому одной из важных народных воспитательных традиций была взаимная уважительность соседей, членов семьи. "Раньше Дашек да Палашек не встретишь здесь, малыши Дарьюшки да Полюшки, девушки Дашеньки да Пелагеюшки, а вышли замуж – уже и по батюшке величают. Отца величали батюшка, мать – мамушкой, а крестную – матушкой..." [15, с. 49].

Особенность народного поморского воспитания состояла в предъявлении высоких требований к нравственности человека. Региональные условия жизни способствовали тому, что в людях ценились такие качества, как патриотизм, честность, коллективизм, гуманное отношение к другим, смелость.

Ведущим условием воспитания нравственности являлась особая атмосфера семьи. Ее отличало то, что раздоры, конфликты в семьях чаще всего решались мирным путем. Семья считалась основой жизни, в ней усваивались все ее ценности. "Семьи были большие – пятибратчина, существовала одна пудовая квашня, 11 – 12 хлебов, житников пекли в день. Жили большими семьями, не де-

лясь. На ночь на чистой половине избы, против печного угла, рассыпали солому, покрывали домоткаными полотнищами и ложились в ряд... Морская промысловая деятельность влияла на физиологическую природу и отношение полов, на функции социальных институтов, в первую очередь семьи: позднее половое созревание – высокий средний возраст вступающих в брак, долговременные разлуки мужчин и женщин – развитие романтических (или трагических) чувств и индивидуализация личности, особенности промысловой специфики поморских берегов – узкий круг брачных связей, частая гибель мужчин от несчастных случаев – длительное сохранение большой семьи, благодаря которому она страховала себя от потери единственного кормильца или перераспределяла обязанности в случае заболевания" [9, с.99, 225].

Большая семья фактически была самостоятельным коллективом как производственным, так и воспитательным. "Соблюдалось половозрастное разделение труда, в котором особое внимание уделялось обучению подростков трудовым навыкам. Распределение работ в промысловой и хозяйственной домашней сфере в разные периоды года было неодинаковым" [9, с. 105].

Взаимная уважительность в семье способствовала сохранению хороших связей с близкими и дальними родственниками. Поощрялись добрые действия по отношению к ним, стремление прийти на помощь, умение забыть обиду.

Главой поморской семьи был отец – старшой. Он имел большую власть. При главе дома соблюдались особенные порядки и тишина. Последователь Ломоносова В.В. Крестинин писал: "Жестокое отеческое управление детьми внедряло в нежные их сердца глубокое почтение к родителям своим, но почтение сие было смешано со страхом рабского духа... За каждую новую одежду или обувь дети принуждены были благодарить родителей земными поклонами" [16, с. 32-33].

Молчаливое послушание и подчинение воле родителей было обязательным в поморской семье. Однако это не мешало развитию в детях удали, предприимчивости, настойчивости. Поморы любили состязаться в силе и ловкости. В.В. Крестинин отмечал, что попу-

лярными были кулачные бои, которые "перед нынешним временем за пятьдесят лет или ближе, в здешнем месте были еженедельною забавою народа в воскресные и праздничные дни, кроме зимнего времени". Даже девушки "между своими веселостями не стыдились употреблять наподобие кулачного боя игру, называемую "тяпанье" [16, с. 36]. Играющие одновременно должны были изо всей силы ударить друг друга по плечу. Выигрывал тот, кто выдерживал этот удар.

Поморское воспитание отличалось формированием особого отношения взрослых и детей к женщине. Она была не просто хранительницей быта, а воспринималась олицетворением всех нравственных достоинств, символом Родины. Женщины и девушки Поморья в решении хозяйственных и бытовых дел были самостоятельнее, чем в других районах дореволюционной России. Они помогали мужикам в их опасном труде на море, а в периоды длительных отлучек мужчин на промыслы – на Мурманскую страду, на Кедовский путь, в норвежские плавания – они оставались правительницами всего хозяйства и главой семьи. Поморки знали, что хозяин – добытчик на всю семью, сложен и опасен его труд, но в повседневных семейных делах он полагался на хозяйку: "хозяйкой дом держится". Девушки-невесты уже с малолетства усваивали – "без хозяйки дом сирота", а, подрастая, убеждались – "без семьи у мужика не жизнь, а одно баловство" (К.П. Гемп). К тому же неизбежный в условиях Поморья распорядок труда и быта, более суровый, чем у крестьян северных междуречий, приучал ее к самостоятельности, а многие виды работы, подчас наравне с мужчинами – к значительной независимости.

Основой нравственного воспитания детей в семье являлось формирование трудолюбия. У всех поморов был развит общий интерес к делу, которое их кормило. Отец и мать руководили трудом членов семьи равноправно. Подчинение им было бесспорным.

Суровую трудовую закалку получали поморские дети. Опыт старших поколений передавался младшим. Старшие ставили "на ноги" потомство заботливо, с суровой учебой и "выволочкой", по старинке, но не со зла. Тот, которого учили, это понимал. "Без спус-

ку отцы учили, но по делу... С малолетства приучены, шесть лет исполнилось - помогай отцу, он учил конопляное прядено текать, сеть вязать. Не шутя каждодневный урок отец дает, сполнил, там и на улку бежать забавляться можно. Сестер мать и бабка учили перво-наперво вязать, шерсть трепать на цапахах, заплатки разные класть, это одежду чинить. Девки с пяти лет маленьких нянчили, у всех поморов порядок такой. А не так - это у непутевого какого" [15, с. 49].

С детства мальчиков приучали к трудному морскому промыслу. С семи-восьми лет их брали в плавания. Они не получали доли в улове и только кормились возле "трапезы" большаков. По названию маленьких чаек, которые жили и питались около становищ, их прозвали зуйками. Они были заняты трудным и хлопотливым обслуживанием всего промыслового быта. На корабле зуйки выполняли всю работу, которая поручалась юнгам на парусниках. На берегу они чистили посуду, припасали дрова, носили воду, помогали приводить в порядок снасти, промывали бочонки, отбирали рыбу, были вечно на побегушках, им было ни до сна, ни до отдыха" [17].

С появлением на свет девочке дарилась маленькая прялка, потом побольше. В начале игра, а к десяти годам она уже получала задание: на веретене напряди, а потом и ткать половики научись. Мальчику вручали маленький топорик и какой-нибудь инструмент, чтобы мастерить учился. И не отдельным операциям, не скучному однообразию поделок, а Ремеслу. Поэтому поморские дети умели делать то, что могли взрослые. "Исследователи отмечали, что русские крестьянские дети только по дому были заняты в 85 видах работ. И это не считая общего труда в поле, в огороде.., в который дети втягивались с пяти-шести лет. Было подмечено также, что во многих делах взрослые не очень и нуждались в помощи детей, могли бы вовсе обойтись, то есть привлечение детей к труду осуществлялось сознательно" [18, с. 12].

Народные воспитательные традиции нашли свое воплощение в пословицах и поговорках. Г.Н. Волков отмечает, что пословицы отражают общественное мнение народа, которое применимо к нравственной оценке всех случаев жизни. В них получили отражение педагогические мысли, советы, касающиеся рождения детей, их

места в жизни народа, целей, средств и методов воспитания, поощрения и наказания, содержания обучения, трудового и нравственного воспитания, наследования детьми черт поведения родителей, влияния окружающей среды и общественного мнения на воспитание и т. д. Выражение в пословицах общественного мнения о воспитании для народной педагогики имеет принципиальное значение, так как там где его нет, там нет и общественного воспитания [1, с. 290].

Веками в поморской среде в совместной работе складывались определенные нравственные требования к человеку. Они нашли отражение в таких пословицах, как:

- все не по родству, а по делам, по труду;
- память о человеке по его труду;
- на чужое не зарься, свое потеряешь;
- честь не утеряешь, нигде не пропадешь;
- трудовой человек всему цену знает;
- труд да правда вместе живут;
- помор дом строит всей семьей да обществом;
- любая стройка без соседей не обходится.

Анализ изречений показывает, что через непосредственное включение детей в трудовую деятельность осуществлялось нравственное воздействие на личность.

Трудовой принцип проходил красной нитью через все воспитание: "Труд, по причине его исключительной тяжести, поставлен здесь на замечательно высокую ступень. Мы имели случай в этом убедиться... как заботливо обставлена целостность морской добычи. Достаточно поставить возле сложенных вещей колышек или письменную заметку, чтобы всякий понял, что они не брошены или обронены случайно, а оставлены нарочно для сохранения. Кому из проезжих придется взять по дороге из чужого сена охапку на корм лошади, тот всегда положит в зарод деньги по цене сена. Оставленная лодка, пойманная оторвавшаяся сеть тоже неприкосновенна, как и добыча" [17]. Это нашло отражение и в поговорках, и в пословицах, которые выполняли функцию ориентации детского и взрослого сознания на истинные ценности, функцию активного не-

приятия нравственных изъянов в человеке и неправильных отношений людей друг с другом. В них была обозначена мера ответственности каждого перед родственниками, всей семьей, деревней и, в конце концов, государством. "В этом была основа воспитания. Ведь тот, кто обманул сверстника в детской игре, легко может обмануть отца и мать, а обманувшему отца и мать после нескольких повторений ничего не стоит пренебречь мнением и всей деревни, и всех людей. Отсюда прямая дорога к эгоизму и отщепенству" [19, с. 115].

Таким образом, народная педагогика Беломорья оказала большое влияние на становление педагогических идей М.В. Ломоносова, на трактовку им вопросов воспитания, организаций просвещения в России. Он впитал в себя демократизм как отличительную черту народной педагогики (Г.Н. Волкова), ее практицизм, требования к нравственности человека. Как отметил Г.В. Плеханов, "архангельский мужик стал разумен и велик не только по своей и божьей воле. Ему чрезвычайно помогло то обстоятельство, что он был, именно, архангельским мужиком, мужиком-поморцем, не носившем крепостного ошейника... Крестьянство издавна жило не совсем так, как в других частях русского государства. Нельзя сказать, чтобы там совсем не было крупного землевладения: север имел немало монастырей, владеющих землею и располагавших рабочей силой подчиненных им крестьян. Но это было только полбеда. Другая, горшая половина отсутствовала: там не было помещного землевладения. Это не могло не оказать благотворного влияния на характер и привычки местного населения, которое, кроме того, еще от времен "господина Великого Новгорода" вело очень подвижный образ жизни и отличалось более независимым характером, чем жители коренных московских областей. Независимость характера сопровождалась более высокой культурой" [20, с. 140, 141]. Эти особенности воспитательной среды Поморья нашли отражение в М.В. Ломоносове - педагоге и гражданине, в его народном характере.

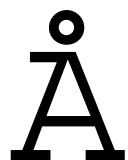
ПРИМЕЧАНИЯ

1. Волков Г.Н. Этнопедагогика / Под ред. И.Т. Огородникова. - Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1974.

2. Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV - XVII веков / Сост. С.Д. Бабишин, Б.Н. Митюров. - М.: Педагогика, 1985.
3. Христова Е.Л. Народная педагогика: историографическая и теоретико-методологическая проблема: Дис... канд. пед. наук. - М., 1987.
4. Будина О.Р., Шмелева М.Н. Город и народные традиции русских. - М.: Наука, 1989.
5. Лихачев Д.С., Янин В.Л. Русский Север как памятник отечественной и мировой культуры // Коммунист. -1986. - № 1. - С. 115 - 119.
6. Ушинский К.Д. Педагогические сочинения. - М.; Л.: АПН РСФСР, 1948.
7. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений: В 11 т. / Гл. ред. С.И. Вавилов. - М.; Л.: АН СССР, 1950 - 1959, 1983.
8. Куратов А.А. Археологические памятники Архангельской области. - Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1978.
9. Бернштам Т.А. Русская народная культура Поморья в XIX - нач. XX в. - Л: Наука, 1983.
10. Кизеветтер А.А. Русский Север. Роль Северного края Европейской России в истории русского государства; Истор. очерк. - Вологда: Вологод. центр. об-во сельск. хоз-ва, 1919.
11. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. XVIII - пер. пол. XIX в. / Отв. ред. М.Ф. Шабаева. - М.: Педагогика, 1973.
12. Шперк Ф.Ф. Краткий очерк народного образования в городе Архангельске. - Архангельск, 1905.
13. Виноградов Г.С. Народная педагогика. - Иркутск: Вост.-Сиб. отд. Русск. геогр. общ-ва, 1926.
14. Словарь по этике / Под ред. И.С. Кона. - М.: Политиздат, 1981.
15. Гемп К.П. Сказ о Беломорье. - Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1983.
16. Крестинин В.В. Об употреблении над детьми мужескаго пола власти родительския и власти учительския, по старинному вос-

- питанию Двинского народа // Новые ежемесячные сочинения. - Ч. VII. - 1790. - октябрь. - С. 27 - 44.
17. Максимов С.В. Год на Севере. - 2-е изд. СПб, 1864. - Т. 1; 1859. - Т. 2.
18. Васильцова З.П. Мудрые заповеди народной педагогики. - 2-е изд., доп. М.: Педагогика, 1988.
19. Белов В.И. Лад: Очерки о народной эстетике. - М.: Молодая гвардия, 1982.
20. Плеханов Г.В. История русской общественной мысли - М., 1918.

VII. Теория и практика воспитания в трудах М.В. Ломоносова

А стественно-научные исследования М.В. Ломоносова, идеи народной педагогики оказали влияние на понимание им сущности воспитания. Следуя традициям, руководствуясь принципом природосообразности, он обратился к решению проблемы факторов развития человека.

М.В. Ломоносов прежде всего указал на значение наследственности, природных способностей в развитии и формировании личности. В "Кратком руководстве к красноречию" он писал, что "чаще природное дарование без науки, нежели наука без природного дарования к похвале и добродетели способствовали" [1, т.7, с.288]. М.В. Ломоносов считал, что существуют "природные дарования душевные" (речь, мышление, память и др.) и "телесные" (физические способности). Он показал, что природные умственные задатки являются доброй землей "к посеянию чистого семени, ибо как семя на неплодной земли, так и учение в худой голове тщетно есть и бесполезно..." [1, т. 7, с.93].

М.В. Ломоносов был сторонником того, чтобы "неспособных" выявлять в начале учения. Принцип природосообразности характерен для всей педагогической деятельности великого ученого. Он был убежден в том, что надо внимательно относиться к каждому

ученику. Если был такой, который "по известным причинам, например, из-за длительной болезни или по недостатку способностей, долго пробыл в Гимназии и уже не так юн, однако же неизменно проявлял посильное прилежание и хорошо себя вел, то его следует отпустить с рекомендательным свидетельством, соответствующим его заслугам, в другое ведомство, или же, если есть вакансия, назначить учителем в низшие классы" [1, т.9, с.502-503]. Если были ученики, которые учились на свой счет и оказались способными, то "следует применить все надлежащие меры к тому, чтобы склонить и их и родителей к дальнейшему усовершенствованию их в науках".

Учет природных особенностей детей М.В. Ломоносов отмечал как необходимое условие воспитания: "Нравы человеческие коль различны и коль отменно людей состояние, того и сказать невозможно". Надо знать детский "возраст, ибо малые дети на приятные и нежные вещи обращаются и склоннее к радости, милосердию, боязни и к стыду, взрослые способнее приведены быть могут на радость и на гнев, старые перед прочими страстями склоннее к ненависти, к любочестию и к зависти, страсти в них возбудить и утолить труднее, нежели в молодых" [1, т.7, с.168]. Поэтому М.В. Ломоносов был сторонником осуществления индивидуального подхода к детям, рекомендовал педагогам строить воспитание с учетом их природных особенностей, склонностей.

Среда, по мнению М.В. Ломоносова, оказывает огромное влияние на становление человека. Он приводил в качестве примера воспитание в Спарте и Афинах: "... спартанского жителя в поте и в пыли воспитанного, трудно принудить, чтобы он сидел дома за книгами; напротив того афинеанина едва вызовешь ли от учения в поле..."

Естественно-научный подход к пониманию человеческой природы позволил ученому определить воспитание основным фактором развития: "... Молодых людей нежные нравы, во все стороны гибкие страсти и мягкие их и воску подобные мысли добрым воспитанием управляются" [1, т.7, с.121]. Целью воспитания он считал формирование человека-патриота, стержневыми качествами которого М.В. Ломоносов называл высокую нравственность, любовь к

науке, знаниям, трудолюбие, бескорыстное служение на благо Родине. М.В. Ломоносов предостерегал от ошибок в воспитании, так как они приводят "на неправый путь юношество, приступающее к наукам, в нежных умах вкореняют ложные понятия, которые после истребить трудно или и вовсе невозможно" [1, т.7, с.582].

Воспитание он понимал в широком смысле, включая в него и образование. Поэтому М.В. Ломоносов писал, что если "к изрядному и превосходному природному дарованию" молодого человека дать "наставление в науках, то происходит из того нечто преизящное и особенное" [1, т.7, с.288]. Он отмечал воспитывающий характер обучения, раскрывал тесную взаимосвязь образования и воспитания. Обучение и образование юношества воспринимались М.В. Ломоносовым как важный фактор развития и воспитания: "Толь великую приносит учение пользу, толь светлыми лучами просвещает человеческий разум, толь приятно есть красоты его наслаждение!" [1, т.2, с.351]. М.В. Ломоносов поставил проблему методов воспитания на научную основу, исходя из психологического понимания сущности человека. Для успешного воспитания молодежи он предложил использовать прежде всего поощрения и наказания: "Школьной награды для поощрения юношества можно считать достаточным: 1) похвальный отзыв; 2) более высокое по сравнению с другими место за столом; 3) другие в наказание должны ему кланяться; 4) гравюры и книги" [1, т.9, с.503-504]. Особо отличившихся награждали золотыми и серебряными медалями, книгами, математическими приборами "в присутствии всей Гимназии". В качестве наказания М.В. Ломоносов предлагал выговоры, угрозы; кланяться тем, кто хорошо ведет себя; стояние на коленях перед классом; сечение розгами. За "постыдные шалости" наказание осуществлялось перед всей гимназией: 1) их отлучают от общего стола прочих гимназистов, и сажают за другой стол на хлеб и воду; 2) их одевают в плохое рваное платье и выставляют напоказ при выходе всех гимназистов из Гимназии; 3) сажают на некоторое время в карцер, где им приходится сидеть и лежать на голом полу и получать только хлеб и воду; 4) их каждое утро секут розгами" [1, т.9, с.504-505]. Телесные наказания были распространены в школах, поэтому М.В. Ломоносов прибегал

к ним, как к традиционным методам воспитания. Однако он рекомендовал применять их как исключительную меру, в отдельных случаях, не причиняя этим вреда здоровью детей. При этом отмечалось, что особо следует наказывать за тяжелые преступления против религии, держать за это "взаперти в карцере", а после исключать из гимназии и отсылать в суд. "А кто из них провинился так, что действительно на теле наказан быть должен, тому учинить школьное наказание лозами через сторожа по инспекторскому и ректорскому рассмотрению. А самому учителю на теле наказывать умеренно, а особливо не бить по лицу и по голове и не драть за волосы и за уши. Сие все для того запрещается, что запальчивые учителя по горячности легко переходят границы и могут причинить вред здоровью юноши" [1, т.9, с.517]. В этом на М.В. Ломоносова оказала влияние педагогическая традиция XVIII века. Он не отрицал полностью принуждение в воспитании, советовал родителям отдавать детей "под неволю", в гимназию с ее режимом и дисциплиной. Этой "неволею" они "приобрывают свободу". Без принуждения молодые люди "свободою впадут в рабство", т.е. могут попасть под вредное влияние, подчиниться неразумным требованиям.

Обращает на себя внимание тот факт, что М.В. Ломоносов стремился создавать общественное мнение по поводу оценки поступков детей. Для этого он предлагал вводить "публичные" и "приватные" поощрения и наказания: "Приватно наказывается тот, кто в классе не выполнил того, что ему полагалось, или вел себя неподобающим образом в школе и дома; публично наказываются за постыдные шалости или проступки против религии" [1, т.9, с.503]. Все поощрения и наказания, "получаемые учащимися, должны были записываться инспектором в специальную книгу "с указанием, какова была награда, а также и те, кто был наказан, с указанием, каково было наказание". Вместе с тем публичное наказание, особенно исключение из гимназии и предание суду, не могло быть наложено без ведома президента или Канцелярии.

Предлагая поощрение и наказание в качестве ведущих методов воспитания, М.В. Ломоносов стремился создавать определен-

ный эмоциональный настрой молодых людей, стимулирующий к "добрым поступкам".

Не менее важным в воспитании М.В. Ломоносов считал методы убеждения и примера: "Учитель может наказывать словами и достаточно убедительно ставить на вид ученикам их ошибки и плохое поведение, но не должен пускать в ход постыдные или непристойные слова" [1, т.9, с.517], "Добрые" и "приличные" поступки взрослых (ректора, инспекторов, учителей) являются необходимыми в воспитании. М.В. Ломоносов отмечал, что состояние гимназистов во многом зависит от состояния при Гимназии надзирателей, а потому и ректор, и даже инспектор должны наблюдать за их поведением, не предаются ли они пьянству или другим порокам, и если такое за ними замечается, немедленно докладывать Канцелярии, которая их удалит, дабы они не соблазняли юношей" [1, т.9, с. 518-519].

Как метод и как условие воспитания М.В. Ломоносов расценивал порядок и дисциплину. Соблюдение гимназистами и студентами прочного распорядка дня, чистоты в учебных помещениях и общежитиях, правил поведения способствует воспитанию "нравов". Большое значение он придавал приучению молодых людей к чистоте "при столе, в содержании книг, постели и платья". Например, при посещении студенческого общежития 8 октября 1757 г. М.В. Ломоносов не обнаружил чистоты в помещениях, многие студенты были неопрятны. Возмущенный увиденным, он приказал Модераху, который жил в этом доме и должен был наблюдать за молодыми людьми, навести должный порядок в общежитии. М.В. Ломоносов предъявлял высокие требования к внешности человека, к соблюдению им элементарных гигиенических правил. В этом он видел основу дисциплины. М.В. Ломоносов рекомендовал не мешать другим "в учении криком, играньем, стуком, шумом или каким другим образом, чем рассуждение и память в беспорядок приведены быть могут" [1, т.9, с.507]. Для соблюдения порядка и дисциплины М.В. Ломоносов считал необходимым каждого молодого человека знакомить с правилами поведения: "Каждому гимназисту при поступлении в Гимназию должен быть вручен напечатан-

ный лист, где изложены гимназические узаконения; такой же лист должен иметься в каждом классе для общего сведения, а также должен быть вывешен на стене в каждой комнате гимназистов и в зале, чтобы они не могли отговариваться неведением" [1, т.9, с.505-506].

Большое внимание М.В. Ломоносов уделял нравственному воспитанию молодежи. На понимание его сущности оказали влияние идеи выдающихся мыслителей античности и эпохи Возрождения. Мысль о гармонии всех сторон личности человека волновала М.В. Ломоносова.

Самобытность его трактовки содержания нравственности выразилась в подходе к этой проблеме с позиций народности. Под нравственным идеалом он понимал патриота-гражданина, честного труженика, живущего для блага народа и Родины. Основой нравственности М.В. Ломоносов считал патриотизм, воспитание потребности жить "для пользы Отечества". В "Узаконениях для гимназистов" он писал о том, что молодым людям следует избегать различных ссор, драк, злобствования, издевательства над природными недостатками человека. Нельзя вносить смуту в отношения между товарищами. М.В. Ломоносов был сторонником воспитания таких нравственных качеств, как скромность, вежливость, учтивость, уважение к старшим, друг другу, честность, дружелюбие. Особое внимание он уделял формированию трудолюбия, прилежания, упорства, целенаправленности. М.В. Ломоносов призывал остерегаться хамства, "самохвальства", мстительности: "Когда кто другого изобидит и за то наказан будет, а после снова тому же сделает обиду, показав знак несправедного мстительства, тот двойному наказанию подвержен" [1, т.9, с.508]. Самыми плохими чертами он считал ложь, "которая часто служит к закрытию злых дел", и лень, которая "всего вреднее учащимся; того ради всячески должно преодолевать оную послушанием, воздержанием, бдением, терпением" [1, т.9, с.512].

Источниками нравственных знаний М.В. Ломоносов называл общение детей друг с другом, со взрослыми, "добрый пример" учителей. Вместе с тем он рекомендовал ограждать молодежь от людей с нравственными пороками, от которых "учтивым" поступкам нель-

зя научиться: "Весьма должно блюстись лакомства и гулянья и больше удаляться от неприличного и худого сообщества, которое подать скоро может повод к бездельному и праздному житию, прогуливать школы, не исправлять заданного уроку..." [1, т.9, с.512]. М.В. Ломоносов полагал, что знание моральных норм поведения еще не гарантирует высокую нравственность. Необходимым условием для этого он считал упражнения детей в выполнении правил, выработку положительных привычек. Нарушение моральных норм воспитателям следует предупреждать. Закреплению положительных нравственных действий способствует постоянный контроль со стороны взрослых и действенный анализ поступков учащихся. "Великий гуманист отмечал, что процесс нравственного воспитания должен протекать в атмосфере высокой требовательности к детям, но в то же время он выступал против подавления личности ребенка волей воспитателя и родителей, считал необходимым сочетать требовательность к детям со справедливым и чутким отношением к ним" [6].

Нравственное воспитание, по мнению ученого, наиболее полно возможно в условиях школы. Там молодые люди приучаются "к правильному образу мышления и добрым нравам". "Правила и примеры прилежания, постоянства и честности" также необходимы гимназии, как и "ежедневная пища".

По мнению М.В. Ломоносова, нравственное воспитание детей должно начинаться с самого малого возраста, поскольку в этот период они наиболее отзывчивы к воздействию взрослых и их развитие может эффективно управляться "добрым воспитанием".

Следует отметить своеобразный подход М.В. Ломоносова к рассмотрению вопросов нравственности. Стремление бороться за сохранение и размножение российского народа побудило его проследить генезис формирования национального характера русского народа. Отличие ломоносовского подхода к данной проблеме заключается в постановке им вопроса о воспитании как нации в целом, так и отдельного гражданина ради славы отечества. В этом ярко выражена социальная направленность педагогических новаций ученого.

В формировании нравственности М.В. Ломоносов большую роль отводил науке. Первой заповедью гимназистов он считал стремление "к наукам простирать крайнее прилежание и никакой другой склонности не внимать и не дать в уме так усилиться, чтобы рачение к учению урон или малое ослабление потерпело" [1, т.9, с.506]. Ученый обращался к молодежи с советом не терять "золотое молодых лет время без приобретения той пользы, которая зрелым и престарелым летам большую приятность и веселие принести может чрез науки, нежели в юношестве игры и праздность" [1, т.9, с.512]. М.В. Ломоносов развивал мысль о воспитательной силе и пользе учения, "толь светлыми лучами" просвещающего человеческого разум, дающего наслаждение. Он призывал молодежь с помощью науки и учения познавать окружающий мир, добиваться установления межнаучных связей, отходить от бесплодных умозаключений. Занятия наукой, по его мнению, способствуют очищению личности от нравственных изъянов, делают ее благороднее, способствуют формированию патриотических чувств.

17 октября 1745 г. указом Сената, одновременно с разрешением печатать перевод "Волфианской экспериментальной физики", было предложено "профессору Ломоносову на русском диалекте читать лекции" (П.С. Билярский). Этому событию ученый придавал большое значение. Чтение курса он решил связать не только с обучением, но и воспитанием национальных кадров. Под этим углом зрения М.В. Ломоносов подготовил "Программу", в которой показал великую роль науки и значение человеческого познания в развитии общества. Занятия наукой, по его мнению, "приятны, вожделенны, полезны и святы".

Во многих одах М.В. Ломоносов пишет о пользе науки, ее просветительских задачах:

"Механика	-	Наполни воды кораблями, Моря соедини реками И рвами блата осуши...
-----------	---	--

Химия	-	В земное недро ты, Химия, Проникни взоры остротой И, что содержит в нем Россия, Драги сокровища открой, Отечеству умножить славу И вящще укрепить державу Спеши за хитрым естеством, Подобным облекаясь цветом; И что прекрасно токмо летом, Ты сделай вечно мастерством.
Астрономия	-	В небесны, Урания, круги Возвыси посреде лучей...
Картография	-	Российского пространства света Собрав на малы чертежи,
и география	-	И грады, оною спасенны, И села, ею же блаженны, География, покажи.
Метеорология	-	Наука легких метеоров, Премены неба предвещай
и синоптика	-	И бурный шум воздушных споров Чрез верны знаки предъявляй, Чтоб земледелец выбрал время, Когда земле поверить семя И дать когда покой браздам...."
[1, т. 8, с. 400 - 402]		

Занятия наукой не являются легкими. Широко известна "Ода на день восшествия на Всероссийский престол Ея величества Государыни императрицы Елисаветы Петровны 1747 г.", в которой он говорил о необходимости изучения различных наук, о любви к тяжелому научному поиску, о воспитании собственных российских ученых со всемирно известными именами. Эти слова великого академика стали заветом молодежи:

*"О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих
Каких зовет от стран чужих,
О ваши дни благословенны!
Дерзайте ныне ободренны.
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля раждать"*

[1, т. 8, с. 206].

Просвещение и наука способствуют патриотическому воспитанию молодых людей. Так, "Древняя Российская история" самого М.В. Ломоносова есть пример беззаветного служения Родине. Он провел колоссальную подготовительную двухлетнюю работу по сбору исторического материала, проанализировал греко-римские, славянские, византийские источники, документы по истории готов, вендов, аланов. М.В. Ломоносов призывал молодежь изучать прошлое Родины ради будущего, беречь исторические знания, объективно оценивать их. Назначение этой работы он видел в воспитании национальной гордости русских на примере отечественной истории, в обращении просвещенного юношества к опыту прошлых поколений.

Среди наук, которые активно воздействуют на формирование нравственности и патриотизма, М.В. Ломоносов особо выделял "словесные" дисциплины: грамматику, риторику, поэтику. По его мнению, "хотя природное знание языка много может, однако грамматика показывает путь доброй натуре" [1, т.7, с. 436], т.е. воспитывает молодого человека. М.В. Ломоносов стремился мобилизовать живые национальные силы русского литературного языка на сопротивление чужеродным влияниям, сделать научную и литературную речь общепонятной, обеспечить внедрение науки и литературы в национальный быт. Он осуждал тех, кто искажал русский язык, был небрежен в обращении с ним, этим самым, "подав худые примеры своих незрелых сочинений, приводят на неправый путь юношество, приступающее к наукам, в нежных умах вкореняют

ложные понятия, которые после истребить трудно или и вовсе невозможно" [1, т.7, с.582]. М.В. Ломоносов, воспевая русский язык, показал его межнациональное значение, величие, раскрыл роль в духовном становлении личности.

В целом он считал, что ученый человек может достичь уважения и материального благополучия только своим трудолюбием, постоянным научным поиском, самоотверженной работой ради благополучия Родины. В единственном из сохранившихся писем М.В. Ломоносова [1, т.10, с.598-599] к родственникам написано, что молодой человек "через учение счастлив будет", через приобщение к наукам.

В тесной связи с нравственностью М.В. Ломоносов рассматривал вопрос о трудовом воспитании молодежи: "Рассуждая о благополучии жития человеческого, слушатели, не нахожу того совершеннее, как ежели кто приятными и беспорочными трудами пользу приносит" [1, т.2, с.349]. Он считал безделье и праздность самыми страшными изъятиями: "Роскошь и праздность, как два сосца всех пороков, вливают под видом сладости бедственную язву в душу и тело, наносят несносные оскорбления, бедность и смертоносные болезни" [1, т.7, с.121].

М.В. Ломоносов мерой труда и отношением к нему человека определял его значение и ценность. Труд должен быть направлен на пользу общества. По его мнению, он способствует формированию таких нравственных качеств, как честь и уважение: "Или трудом бессмертную славу приобретать, либо, препровождая жизнь свою в роскоши и нерадении, бесславного конца ожидать должно. Но приобретать должно трудом бессмертную славу. Следовательно, не должно, препровождая жизнь свою в роскоши и нерадении, ожидать бесславного конца" [1, т.7, с.156-157].

Идеи М.В. Ломоносова об общественной направленности труда имеют большое педагогическое значение. Он призывал творчески относиться к труду.

Главным видом труда молодых людей М.В. Ломоносов считал учение, постижение наук. Поэтому он и советовал "не терять золотое молодых лет время", а тратить его на воспитание прилежания,

трудолюбия, поскольку "... ленивый человек в бесчестном покое сходит с неподвижною болотною водой, которая, кроме смраду и презренных гадин, ничего не производит". Привычка трудиться должна формироваться с самых ранних лет жизни ребенка, тогда ему "легки и сносны труды бывают" [1, т.7, с.326].

Бесценны мысли М.В. Ломоносова о педагогических условиях организации трудовой деятельности, которые способствуют достижению высоких результатов. К ним он относил предварительную подготовку к выполнению того или иного дела, обоснование цели работы, планирование ее хода, подбор необходимых инструментов, анализ результатов. М.В. Ломоносов призывал работать с желанием, прилежанием, искусно, "со всяким рачением и верностию исправлять подлежащую... должность". Трудовые операции должны быть продуманы и расположены в определенной последовательности. При этом он рекомендовал опираться на имеющийся опыт и научные достижения. Важным в педагогическом отношении явилось требование М.В. Ломоносова все изготовленные вещи хранить "в обособливом покое, каждая обособливо под нумерами", а за труд "выдавать заслуженное... жалованье все сполна".

Данные педагогические условия организации трудовой дисциплины применимы к любому виду труда как умственному, так и физическому.

Большое внимание М.В. Ломоносов уделил вопросам эстетического воспитания молодежи. Будучи поэтом, художником, он видел прекрасное во всем, что его окружало. Глубока была связь ученого с общерусской культурой. Он понимал, что источником общности всех видов русского народного творчества является единство их материальной основы, органическая связь с бытом и трудом. М.В. Ломоносов считал, что основной путь формирования культуры народа таков: человек – природа – духовная культура. Поэтому в эстетическом воспитании молодежи особая роль принадлежит природе. "Величие и красота ее, многообразие ритмов и форм, богатство цветовых отношений находят свое отражение в росписях и вышивке, характере народного костюма и в резьбе по дереву. Ломоносов учит потомков видеть неброскую красоту родной северной

природы, делать ее предметом искусства. С точки зрения М.В. Ломоносова, "еще любезней красота, когда в ней светит простота" [3, с.48].

Первым из русских просветителей он объявил критерием эстетического творчества "народную пользу", а для этого рекомендовал изучать русские летописи, фольклор, народное творчество. М.В. Ломоносов пропагандировал преемственность культуры, связь с культурными традициями Древней Руси. Поэтому в эстетическом воспитании он ратовал за сохранение национального характера, национальных традиций. В этом отношении, по мнению М.В. Ломоносова, необходимо широко использовать для воспитания гармонии души русский язык и памятники устного народного творчества. Они отражают национальное самосознание народа, его национальную психологию и характер: "Я не могу довольно о том нарадоваться, что российский наш язык, не токмо бодростию и героическим звоном греческому, латинскому и немецкому не уступает, но и подобную оным, а себе купно природную и свойственную версификацию иметь может". Красота слова, изящество изложения, по мнению ученого, способствуют развитию эстетических чувств. Это влияет на "человеческое сердце".

Эстетическое воспитание должно быть направлено на человека, который, по мнению М.В. Ломоносова, является высшей ценностью. Эта установка проявилась в художественных работах самого ученого, в которых он создал яркие образы людей большого общественного звучания. "Картины на темы из русской истории приобретают в это время большую популярность, однако у художников 60-х годов XVIII века поначалу не было источника, откуда они могли бы черпать сюжеты для них. Поэтому когда в 1763 г. Екатерина II решила украсить несколько залов в Зимнем дворце картинами на сюжеты русской истории, то подобрать их было поручено Ломоносову... Всего учёным было предложено 25 тем, отражающих события русской истории допетровского времени... Темы эти связаны, с одной стороны, с героизмом отдельной личности, а с другой - выражают идею служения Отечеству. Созданные Ломоносовым темы в течение десятилетий пользовались в Академии художеств большой

популярностью и явились источником патриотического воспитания студентов" [3, с.49-50].

М.В. Ломоносов с естественно-научных позиций подошел к вопросу соотношения природы и общества, что определило сущность его эстетических взглядов: их общественную направленность, нравственную и патриотическую содержательность, народную основу. Утверждая высокое назначение эстетического воспитания, "М.В. Ломоносов считал, что содержание его должно отражать самое значительное в окружающем мире, то, что направлено на общественную пользу и характеризует дух эпохи. При этом он предъявлял высокие требования к создателям художественных ценностей, считая, что взгляды поэта должны быть смыслообразующей основой его жизни. Они влияют на содержание творчества, формируя его направленность и идейное значение" [3, с. 46].

С педагогических позиций М.В. Ломоносов раскрыл значение физического воспитания в формировании личности, основой которого является физическое здоровье ребёнка. Поэтому он уделил большое внимание разъяснению значения здоровья детей для их будущей жизни: "Проходя болезненный путь в прискорбный и суетный свет, коль часто нежный человек претерпевает великие повреждения, а особливо в голове, тем, что в само свое рождение лишается едва начаться жизни и впервые почерпнутый дух в последнее испускает, либо несколько часов или дней только лишь с настоящею смертию борется. Сие первое страдание, которым нередко из рожденных живых на весь век здравие повреждается" [1, т.6, с.46]. Большой вред здоровью наносят "повреждения, от суеверия и грубого упрямства происходящие", особенно купание младенцев в ледяной воде во время их крещения. М.В. Ломоносов был сторонником разумного подхода к закаливанию детей.

Физическое воспитание, по мнению М.В. Ломоносова, следует начинать с младенчества. Этому должны были способствовать прежде всего народные игры. Для них характерны простота, общедоступность, самобытное национальное начало ("лапта", "салки", "жмурки", "бабки" и др.). По свидетельству археолога Б.А. Колчина, на территории Древнего Новгорода (X – XIII вв.) было обнаружено

большое количество разных по размеру и форме мячей, лук, стрел, кукол, вертушек.

Народные игры, развивая волю, физические данные ребенка, влияли на его умственные характеристики, развивали духовную сферу. Богат набор игр, связанных с образами и повадками птиц, животных ("Волки и овцы", "Гуси-лебеди", "Лиса и куры" и др.) Многие из них отражали семейно-бытовые, социальные отношения ("Невеста", "Война", "Казачи-разбойники" и др.). Некоторые в условной игровой форме раскрывали трудовую деятельность взрослых ("Уж мы просо сеяли...", "Лен", "Мак", "Капуста" и др.) На физическую закалку, силу, на подготовку будущих воинов были направлены такие игры, как "Палочные бои", "Стенка на стенку", "Бабки", "Городки", "Горелки" [7]. Особое внимание уделялось развитию борьбы. Сам М.В. Ломоносов в детстве часто занимался ею и, судя по его воспоминаниям, выходил в этих схватках победителем.

Часть игр была связана с языческими календарными и семейно-бытовыми обрядами и праздниками, например, "Кулачные бои", "Взятие снежного городка" и др.

М.В. Ломоносов ценил игру за то, что она вырабатывала нравственные черты личности, чувство "локтя", товарищества, взаимопомощи. Игры способствовали появлению в детях решительности, инициативы. М.В. Ломоносов не признавал пустых и вредных "забав" детей, считая, что они отрицательно влияют на формирование их личности.

В своих сочинениях он отмечал значение организации и проведения "Олимпийских игр". В них М.В. Ломоносов видел важную форму пропаганды физического воспитания.

Основы воспитания, по мнению М.В. Ломоносова, закладываются в семье. Он был озабочен состоянием семьи в русском обществе. В работе "О сохранении и размножении российского народа" ученый выражал категорическое несогласие по поводу формирования семьи: "В обычай вошло во многих российских пределах, а особливо по деревням, что малых ребят, к супружеской должности неспособных, женят на девках взрослых, и часто жена могла бы быть по летам матерью своего мужа. Сему, с натурою спорному по-

ведению следуют худые обстоятельства: слезные приключения и рода человеческого приращению вредные душегубства. Первые после женитьбы лета проходят бесплодны, следовательно, такое супружество – не супружество и сверх того вредно размножению народа..." [1, т.6, с.384]. Довольно много и таких примеров, пишет М.В. Ломоносов, когда, "гнушаясь малым и глупым мужичком, спознавается жена с другим и, чтоб за него выйти, мужа своего отравливает или инако убивает". Он осуждал и такие браки, когда старый мужчина женится на очень молодой девушке, поскольку позднее это "недружелюбия, подозрения, беспокойства и тяжёб в наследстве и больших злоключений причиною бывает" [1, т.6, с.385]. М.В. Ломоносов считал, что невеста не должна быть старше жениха более, чем на два года, а жених может быть старше ее самое большее на 15 лет: "Сие для того, что женщины скорее старятся, нежели мужчины, а особливо от частой беременности. Женщины родят едва более 45 лет, а мужчины часто и до 60 лет к плодородию способны" [1, т.6, с.385].

Такое супружество, во многом насильственное, неравное, без любви, было очень ненадежным. Поэтому в семьях возникали несогласия, споры, драки, которые вредили прежде всего детям: "Следуют сему младенческие болезни, изнуряющие и в смертные челюсти подвергающие начинающуюся жизнь человеческую, из которых первое и всех лютейшее мучение есть самое рождение" [1, т.6, с.388].

Особенно ярко М.В. Ломоносов описал церковные праздники, во время которых обнажались пороки жизни семьи: "... Житейскими желаниями и самые малейшие скважины все наполнены. Как с привязу спущенные собаки, как накопленная вода с отворенной плотины, как из облака прорывающиеся вихри, рвут, ломают, валят, опровергают, терзают. Там разбросаны разных мяс раздробленные части, разбитая посуда, текут пролитые напитки, там лежат без памяти отягченные объедением и пьянством, там валяются обнаженные и блудом утомленные недавние строгие постники" [1, т.6, с.392].

Его беспокоили отношения между родителями и детьми. Он был сторонником уважения старших. М.В. Ломоносов считал, что многие семейные проблемы происходят из-за невежества людей, от-

сутствия у них определенных знаний. Например, заботясь о здоровье малолетних детей, он писал о том, что взрослым следует знать детские болезни, способы их лечения: "Потом следует болезнь при выходе зубов, младенцам часто смертоносная, когда особливо падающую болезнь с собою приносит. Также грыжи, оспа, сухотка, черви в животе и другие смерти детской причины, все требуют знания, как лечить нежных тел болезни" [1, т.6, с.389]. Для избежания подобных ситуаций М.В. Ломоносов предложил выбрать самую хорошую книжку о повивальном искусстве и перевести ее на русский, либо "сочинить наставление на русском языке", используя для этого "добрые приемы российских повивальных искусных бабок". За основу книги он советовал взять работу врача Гофмана "О излечении младенческих болезней", по которым сам два раза свою дочь от смерти "избавил". Рекомендованные к использованию те или иные лекарства должны быть в достаточном объеме везде, чтобы их можно было найти в России, "затем что у нас аптеками так скудно, что не только в каждом городе, но и в знатных великих городах поныне не устроены, о чем давно бы должно было иметь попечение..." [1, т.6, с.389]. Книгу о здоровье детей М.В. Ломоносов предложил напечатать в большом количестве, "распродать во все государство по всем церквам, чтобы священники и грамотные люди читая могли сами знать и других наставлением пользоваться".

М.В. Ломоносова беспокоила судьба детей, которые появлялись вне брака. Очень часто, отмечал он, "непозволенным сластолюбием или и насильством обремененная женщина, не хотя быть обесславлена, не искала бы способов утаить своего беззакония и несчастья отчего иногда в отчаянии матери детей своих убивают" [1, т.6, с.388]. Для избежания этого и для сохранения жизни младенцам М.В. Ломоносов предложил одним из первых в России открывать воспитательные дома, или, как он их называл, "нарочные богаделенные дома для невозбранного зазорных детей приему". В них "богаделенные старушки" могли бы ухаживать и воспитывать детей, вместо матерей и бабушек. Он предполагал написать об этом более подробно в письме о исправлении и размножении ремесленных дел и художеств. Содержание же детей в воспитательном доме является,

по мнению Ломоносова, залогом того, что они превратятся для общества в "сокровище бесценно". Этим Ломоносов подчеркивал значение воспитания детей за счет общества... Воспитание должно выработать у них хорошую нравственность и вместе "с нравами похвальны ремесла", т. е. знание различных ремесел, что позволит детям в будущем принести пользу своему отечеству. Система воспитания и обучения в воспитательных домах, как говорил Ломоносов, выводит детей обездоленных "из тяжкого для Общества числа" на путь полезного труда и обеспеченной жизни" [4, с.53].

В одном из стихотворений М.В. Ломоносов писал:

*"Похвально дело есть убогих призирать,
Сугуба похвала для пользы воспитать"*

[1; т.8, с.784]

Этим он хотел обратить внимание российских аристократов на необходимость оказания помощи сиротам. Некоторым представлялось, что ученый всего лишь развивал идеи петровского законодательства. В действительности его предложения отличались от указов Петра I. Во-первых, ученый не предусматривал использование богаделен общего типа, где, кроме детей, могли находиться и взрослые, требующие призрения, а ставил вопрос о создании специальных ("нарочных") детских учреждений. Во-вторых, воспитательные дома должны были служить для безотказного ("невозбранного") приема младенцев, следовательно, планировалось небывало широкое казенное строительство этих заведений, с одной стороны, и устранялись возможные сословные и иные ограничения при наборе питомцев, с другой стороны. В-третьих, при решении вопроса о будущей специальной и профессиональной принадлежности воспитанников Ломоносов принимал во внимание не потребности феодальных вотчин в крепостных, дворцового хозяйства – в рабочей силе, государственного аппарата – в кадрах служилых людей, а интересы развития промышленности, техники и искусства" [5, с.218 – 219]. В определенной мере его идеи воплотились в работе И.И. Бецкого по созданию Московского воспитательного дома.

В целом М.В. Ломоносов выдвинул своеобразную для своего времени систему воспитания, исходя из идеи гармонии человека. Он

обосновал цель воспитания, раскрыл нравственный идеал. М.В. Ломоносов считал, что молодое поколение необходимо воспитывать на прогрессивных традициях. По его мнению, для формирования "чувства памяти" следует отбирать в культуре прошлого самое ценное, что накоплено народным опытом, народной мудростью.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений: В 11 т. / Гл. ред. С.И. Вавилов. - М.; Л.: АН СССР, 1950 - 1959, 1983.
2. Дикарева А. В. Развитие прогрессивных идей нравственного воспитания в русской педагогике второй половины XVIII века: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. - Минск, 1983.
3. М. В. Ломоносов и значение его деятельности для развития просвещения // Тезисы докладов Всес. научно-практ. конф./ Буторина Т.С., Бострем Г.Г. и др. - Архангельск, 1986.
4. Перевалова Л. А. Педагогические взгляды М.В. Ломоносова / Под ред. и с предисл. М.Ф. Шабаевой. - М.: Просвещение, 1964.
5. Лысцов В.П. М.В. Ломоносов о социально-экономическом развитии России. - Воронеж: ВГУ, 1969.
6. Егоров С. Ф. Основные принципы дидактики в России конца XIX-нач. XX в. - Автореф. дис. ... д-ра пед. н. - М., 1982.
7. Игры и занятия в комнате. - М., 1909. - Кн. 1-2. Игры народов СССР / Сост. Л.В. Былеева, В.М. Григорьева. - М.: Физ-ра и спорт, 1985.

VIII. Дидактические идеи в педагогической теории М.В. Ломоносова

Дазработку дидактических вопросов М.В. Ломоносов осуществлял на основе идеи познаваемости объективного мира. Основой познания М.В. Ломоносов называл чувственное восприятие, результаты которого проверяются опытным путем. Необходимыми его ступенями являются теоретические обобщения и

проверка полученных данных на практике. "Мысленные рассуждения произведены бывают из надежных и много раз проверенных опытов" [1, т. 1, с. 424]. Он обратил внимание на то, что с помощью чувственного восприятия отражаются в сознании только внешние стороны предметов и явлений. Поэтому для познания объекта недостаточно просто его созерцания. Необходимыми являются абстрагирование и обобщение, которые приводят к формированию понятий: "Идеями называются представления вещей или действий в уме нашем..." [1, т. 7, с. 100]. Он был противником абстрактных знаний, считал, что только опытной проверкой достигается "опровержение мечтательным догадкам, происходящим по большей части от пустых забабон и предубеждений" [1, т. 5, с. 531]. Он всей своей научной и педагогической деятельностью утверждал, что практика является основой познания. Весь процесс человеческого познания определяется потребностями практической деятельности.

Эти идеи М.В. Ломоносова нашли отражение в решении им кардинальных дидактических вопросов о методах, принципах обучения, об организации классно-урочной системы, разработке методики преподавания. Это было сделано впервые в истории русской педагогики.

Когда М.В. Ломоносов был назначен руководителем учебной части Академии и познакомился с состоянием дел в гимназии, то пришел к такому выводу: "Не меньшего сожаления было достойно бедное состояние Гимназии. Учителя русские только были латинского языка в нижних классах, да и те недостаточны. Французского языка и немецкого учителя по большей части ленивы и недостаточны и часто переменялись по приватным причинам. Школьников хотя число и нарочито было, однако пользы от них как прежде не было, ибо, как показано, 1) учителей надлежащих не имелось; 2) ученики все жили по своим домам и не имели доброго смотрения и, будучи заочно, извиняли свою лень и гулянье то отдалением дому, то болезнию притворно и другими случаями; 3) не бывали строгие экзамены настоящим образом и в установленное время; 4) словом, никакого о Гимназии распорядку не было" [1, т. 10, с. 41 – 42]. М.В. Ломоносов считал, что "гимназия является первой основой

всех свободных искусств и наук... Молодые люди должны приучаться там к правильному образу мышления и добрым нравам" [1, т. 9, с. 477]. В ней он видел "основание и начало к происхождению ученых россиян", так как рассматривал гимназию самостоятельным средним учебным заведением и фундаментом университетского образования.

Наиболее полно дидактические идеи М.В. Ломоносова отражены в "Проекте регламента Московских гимназий" и в "Проекте регламента Академической гимназии", которые имеют много общего между собой.

Эти документы раскрывают творческий подход М.В. Ломоносова к разработке проблем организации дела в стране. Используя опыт московских гимназий, он подготовил основательный проект деятельности академической гимназии. В нем М.В. Ломоносов регламентировал не только учебный процесс, но и всю воспитательную работу этого заведения. Проект отличался наличием в нем специальных глав об обязанностях учителей, инспекторов, ректора, в которых речь шла и о требованиях к ним.

О большом внимании к организации и содержанию обучения свидетельствует сопоставление структуры "Проектов":

"Проект регламента академической гимназии. 1755 г."	"Проект регламента академической гимназии. 1758 г"
"Глава первая. О приеме школьников в гимназию" (7 параграфов).	Вводный текст о задачах обучения и воспитания в гимназии.
"Глава вторая. О содержании жалованных школьников" (9 параграфов)	Глава I. О приеме гимназистов в гимназию (9 параграфов).
"Глава третья. О наставлении школьников" (8 параграфов)	Глава II. О содержании гимназистов (11 параграфов).
"Глава четвертая. О экзерцициях гимназических" (11 параграфов)	Глава III. Обучение гимназистов (23 параграфа).
	Глава IV. Об упражнениях в гимназиях (11 параграфов).

"Глава пятая. О экзаменах, переводах и выпусках школьников" (12 параграфов)	Глава V. О экзаменах, переводах и выпуске гимназистов (12 параграфов).
"Глава шестая. О книгах, по которым обучать в школе" (9 параграфов)	Глава VI. О награждениях и наказаниях (8 параграфов).
"Глава седьмая. О награждениях и наказаниях" (7 параграфов)	Глава VII. Об узаконениях для гимназистов (16 параграфов).
	Глава VIII. Об обязанностях учителей (10 параграфов)
	Глава IX. О должности инспекторской и ректорской (12 параграфов).
	Глава X. О педагогии при Гимназии (8 параграфов).

Сравнительный анализ проектов показывает стремление М.В. Ломоносова всесторонне рассмотреть деятельность учеников, учителей гимназий, разработать построение всего учебно-воспитательного процесса в ней. За три года, что разделяют эти два документа, ученый переосмыслил положительные и отрицательные моменты в работе московских гимназий и пришел к мысли четко регламентировать не только воспитание учеников, но и их обучение. Важными добавлениями являются "узаконения для гимназистов", характеристика обязанностей учителей, инспекторов, ректора. Однако отсутствует специальная глава об учебных книгах. Анализ "Проекта регламента Академической гимназии" показывает, что этот вопрос М.В. Ломоносов рассмотрел в главе III "Обучение гимназистов" (§§ 34 - 42). Он прекрасно знал учебную литературу по различным специальностям и давал конкретные рекомендации по ее использованию.

Процесс обучения М.В. Ломоносов рекомендовал строить на основе определенных принципов. В решении этого вопроса он использовал опыт братских школ Украины и Белоруссии, теоретические посылки Яна Амоса Коменского. Однако ученый пошел даль-

ше и рассмотрел главные принципы обучения, основываясь на теории познания и учета психологии детей.

Одним из первых принципов, которому он рекомендовал следовать учителям, был принцип доступности. В "Проекте регламента московских гимназий" указывалось: "Во-первых, при обучении школьников паче всего наблюдать должно, чтобы разного рода понятиями не отягощать и не приводить их в замешательство" [1, т. 9, с. 450]. Примерно такими же словами он описывал этот принцип и в "Проекте регламента академической гимназии". М.В. Ломоносов понимал под ним соблюдение дозировки материала, степень его сложности. Он считал, что нельзя переходить к обучению других предметов, пока гимназист не научится в совершенстве читать и писать по-русски. "При этом нужно следить и за тем, чтобы они учились писать буквы красиво...". Для овладения письмом должны быть преподаны наставления относительно чистого и красивого почерка. Учителям рекомендовалось перед началом каждого полугодия "рассчитать время так, чтобы и не переобременять учащихся выше меры и не создавать им слишком легких условий" [1, т. 9, с. 513].

Отстаивая принцип доступности, логичности обучения, М.В. Ломоносов был сторонником высокой степени научности преподавания, об этом свидетельствуют рекомендации "Проекта регламента" и московских, и академической гимназий по выбору предметов обучения, книг, необходимых для овладения научными знаниями. Так, в документах постоянно указывалось на необходимость использования "лучших" работ и произведений, которые бы отражали накопленную человечеством культуру и научные достижения. Научные знания, сообщаемые ученикам, должны быть глубокими, но краткими, "чтобы не отягощать памяти многим изусту учением", и "порядочны", то есть четко и выразительно изложены.

М.В. Ломоносов был сторонником внедрения принципа основательности знаний. То, что положено изучить в "разных школах" и классах, должно быть хорошо усвоено: "Не переводить из одного класса в другой, ежели кто не выучил всего того твердо, что в оном классе, в котором учился, положено для изучения. Не разделять учения одного школьника по разным классам. Так, кто нижний

класс русской и латинской школы знает твердо, а не выучил как надлежит в нижнем классе арифметики, того не производить в средний класс ни русской, ни латинской, пока арифметику довольно знать будет. Таким образом, ежели кто арифметику выучил, однако нетверд в первых основаниях латинского языка, того не переводить во второй класс латинской школы. Сие наблюдать и в прочих классах, дабы один с другим не мешались" [1, т. 9, с. 456]. Борясь за прочность усвоения знаний, М.В. Ломоносов категорически отвергал зубрежку, требовал понимания и осознанного восприятия учебного материала. Это было совершенно новым подходом к организации обучения школьников, М.В. Ломоносов считал, что основательному, прочному освоению знаний способствует применение наглядности, конкретного фактического материала. Он понимал наглядность как ученый-естествоиспытатель, полагая, что при изучении предметов теоретические знания легче усваиваются, если объяснение подкреплять показом опытов. По мере возможности в качестве наглядности М.В. Ломоносов рекомендовал использовать окружающий мир, явления природы. Поэтому принцип наглядности трактовался ученым в тесной зависимости с принципом связи теории и практики. Созданием новых условий и ситуаций в обучении он добивался формирования исследовательских качеств у гимназистов. Такое понимание принципа наглядности было передовым для своего времени, своеобразным, научно обоснованным. В этом он пошел дальше Яна Амоса Коменского.

Педагогически целесообразным М.В. Ломоносов считал принцип активности и самостоятельности учащихся в обучении. Для этого советовал давать домой такие задания, как переводы с русского на латинский, с латинского на русский, делать "переложения с прозы на стихи". "Оные задавать трожды в неделю на ночь, а в обеднее время для краткости времени того не делать. Позволить школьникам упражнения по своей охоте для показания каждому своего особенного ранения и понятия. Сии могут быть подобны вышеописанным задачам, или кто хочет, имеет выучить сверх уроку несколько стихов или краткую речь в прозе из классических авторов. Сие все будет служить не токмо к скорому обучению, но и к об-

стоятельному познанию остроты и прилежания каждого школьника..." (1, т. 9, с. 453). Этим самым он обратил серьезное внимание на развитие творческого мышления у детей, на выработку интереса и потребности к знаниям, что было передовым для того времени.

Своеобразно подошел М.В. Ломоносов к разработке принципа учета индивидуальных и возрастных особенностей учащихся. В гимназию он рекомендовал принимать только здоровых детей: "Не должны быть принимаемы слабые здоровьем, особенно же имеющие поврежденное зрение, страдающие падучей или другими продолжительными болезнями, а равно взрослые, которые еще никогда не ходили в школу" [1, т. 9, с. 483]. В отличие от других педагогов М.В. Ломоносов под индивидуальными особенностями понимал уровень развития способностей: "... учитель должен присматриваться к способностям учеников и знать их успехи, чтобы понимать, чего он может ожидать и требовать от каждого" [1, т. 9, с. 514]. В связи с этим М.В. Ломоносов предлагал в "низших классах" больше обращать внимания на практику и "не перегружать слабых умов трудными правилами; в средних нужно объяснять более легкие правила, в высших – более трудные". Способность к учению должна быть выявлена при поступлении ребенка в гимназию: "Не умеющие ни читать, ни писать по-русски, не должны быть принимаемы, чтобы не переполнять Гимназию; однако тех, кого можно скоро усовершенствовать в чтении и письме, следует принимать" [1, т. 9, с. 483]. М.В. Ломоносов рекомендовал выполнение особых заданий-упражнений, которые могут способствовать не только "более быстрым успехам в науках, но и точному выяснению способностей и прилежания каждого гимназиста". Этому помогала система контроля за работой молодых людей в гимназии. "Соответственно способностям, гимназисты должны переводиться из низших классов в высшие, или из высшего класса производятся в студенты для слушания лекций у профессоров".

Особое внимание в "Проекте регламента академической гимназии" обращалось на выявление самых способных, талантливых учеников. Из их числа педагог может выбрать "себе в помощь аудиторов, которые спрашивают у других заданные уроки и... отмечают

это в месячных табелях еще до прихода учителя". Если в классе есть гимназист, "в особенности такой, который подает надежды, пропустит что-либо по болезни, то должен учитель повторить толкование тех лекций, которых он не слушал, что и прочим учащимся не вредно. Сие чинить еще паче должен ради двух или многих, однако такой репетиции не делать, ежели пропустил кто больше двух недель, и в таком случае должен гимназист просить учителя, чтоб он для него потрудился приватно" [1, т. 9, с. 515].

Поэтому инспекторам вменялось в обязанности, приходя в школу, "прилежных учеников похвалять и ободрять, ленивых и неисправных журить и грозить наказаниями".

На понимание М.В. Ломоносовым принципа учета индивидуальных особенностей детей повлияло его естественно-научное мировоззрение. Он считал ребенка частью природы и общества и представлял развивающимся существом, постоянно изменяющимся в зависимости от возраста. "При выпуске гимназистов из Гимназии и при производстве их в студенты, следует обращать внимание на возраст". Если до 15 лет ученик прошел все русские и латинские классы, то он "непременно" должен изучать немецкий и французский языки и посещать лекции профессоров. "Если же, наоборот, кто в возрасте примерно 20 лет пройдет упомянутые три класса, но обладает лишь посредственными способностями к нынешним европейским языкам, то его не следует, вопреки его требованию, задерживать для их изучения, чтобы мог он заниматься такой наукой, при посредстве которой мог бы принести пользу отечеству и без знания языков" [1, т. 9, с. 502]. Вместе с тем, учитывая свой собственный опыт, М.В. Ломоносов в § 65 предложил обучать отдельных гимназистов независимо от их возраста: "Если гимназист по известным причинам, например, из-за длительной болезни или по недостатку способностей проявлял посильное прилежание и хорошо себя вел, то его следует отпустить с рекомендательным свидетельством, соответствующим его заслугам, в другое ведомство, или же, если есть вакансия, назначить учителем в низшие классы" [1, т. 9, с. 502 – 503].

Таким образом, М.В. Ломоносов выдвинул новое для своего времени понимание данного принципа, обогатив его педагогическую сущность. Он подразумевал под ним учет как физиологических, возрастных особенностей, так и психологических закономерностей развития личности.

С передовых позиций М.В. Ломоносов рассматривал и проблему методов обучения. Наиболее распространенными в те времена были методы зубрёжки, бессмысленного заучивания материала. М.В. Ломоносов четко разделил методы на три основные группы: словесные, практические и методы самостоятельной работы. К словесным он относил устное изложение учителя в виде рассказа, лекции: "Спросив уроки, они должны сразу же отчетливо объяснить дневное задание, следя за тем, чтобы ученики точно его записали". Ученики должны были осмыслить новый материал, осознать его. Поэтому М.В. Ломоносов предлагал не просто использовать рассказ, лекцию, объяснение, а "толковать" изучаемое: "Французский язык следует учить по "Грамматике" Пеплие, по прозе нужно читать и толковать "Телемака", в стихах – Мольера, Расина и Вольтера". Ученый не отрицал значения заучивания материала. Он считал, что это требуется для развития памяти, воли и прилежания детей. Кроме того, он допускал, что часть необходимого учебного материала должна быть основательно выучена. Например, М.В. Ломоносов отстаивал такую мысль, что "чистоте русского языка" можно научиться по правилам, которые заучены наизусть. Вместе с тем он рекомендовал к заучиванию подходить творчески: сначала требовалось основательное прочтение и осмысливание отрывков, а затем уже его запоминание.

Словесные методы обучения предлагалось использовать с учетом возраста детей: "В нижних классах принятых учеников не с начала лекциям обучать особливо" [1; т. 9, с. 515]. При словесном обучении М.В. Ломоносов советовал давать знания в системе, ясно, четко, опираясь на возрастные особенности учеников. В ходе изложения материала учитель может подкреплять теорию конкретными "примерами, которые бы показывали самую оных силу для яснейшего их понятия".

Одними из основных методов обучения М.В. Ломоносов считал практические. В этом сказывалась его натура естествоиспытателя. Назначение практических методов обучения он понимал в обращении гимназистов к сути предметов, в стимулировании их познания, в формировании познавательной активности. Ведущими из них М.В. Ломоносов называл упражнения. Этому посвящена IV глава "Проектов регламентов" обеих гимназий. Он разработал подробные рекомендации по их использованию, подразделив на две группы: школьные и домашние: "Школьные упражнения выполняются в Гимназии приватно, в присутствии одного учителя или при других классах, а иногда и публично в ректорском классе. Другие же упражнения задаются учителем на дом" [1, т. 9, с. 495 – 496]. М.В. Ломоносов подразделил школьные упражнения на "первое" и "второе". "Первое" состояло в устном ответе заданного урока в первый час по приходу учителя в класс, а "второе" заключалось "в переводе коротких заданий и в переложении фраз стихами и прозой", но не в письменном виде. Учитель при подборе материалов для таких упражнений должен был учитывать общий уровень развития класса, или, как говорит М.В. Ломоносов, его "способности". Предлагались специальные домашние упражнения для закрепления материала. В конце каждого месяца в присутствии других классов "в один день, до и после обеда, причем преподаватели дают всем сразу небольшой материал для перевода или заставляют перелагать фразы прозой и стихами с тем, чтобы гимназисты выполняли это, не заглядывая в книгу и ничего не записывая" [1, т. 9, с. 496 – 497]. По существу такие упражнения можно назвать контрольными, поскольку их выполнение было направлено не только на усвоение, но, скорее всего, на проверку знаний. В старших классах гимназии раз в полгода должны были проходить публичные упражнения, где в присутствии всех некоторые гимназисты произносили речи, "составленные ими самими под наблюдением ректора на русском и на латинском языках, в стихах и в прозе". Эти упражнения следует назвать не только публичными, но и творческими. С помощью их развивали индивидуальные умственные способности, творческое мышление.

Помимо упражнений М.В. Ломоносов рекомендовал использовать для объяснения материала различные опыты, непосредственный практический опыт гимназистов. Прежде всего, применение таких методов оправдано в младших классах, где дети мыслят конкретно, у них не развита способность к абстрагированию и обобщению.

В особую группу методов обучения М.В. Ломоносов относил самостоятельную работу. Он был сторонником специального подбора самостоятельных заданий с учетом возможностей детей. Все работы должны носить творческий характер. Например, учащиеся могли делать либо краткий перевод с русского на латинский язык и наоборот, либо на определенную тему писать стихи. Такие задания следовало задавать два раза в неделю. М.В. Ломоносов ставил вопрос о широком использовании методов самостоятельной работы, поскольку видел в них источник развития активности детей, критического осмысления действительности. Для этого он предлагал внедрять индивидуальные творческие задания гимназистов, воспитывать потребность в научных знаниях. М.В. Ломоносов был сторонником организации под контролем учителя самостоятельного чтения литературы учениками. В "Проекте регламента московских гимназий" и в "Проекте регламента академической гимназии" он рекомендовал для чтения и изучения лучшие произведения мировой культуры: "Гимназисты по очереди должны читать – при соблюдении другими полной тишины – полезные исторические и нравственные книги, русские или славянские, что весьма способствуют распространению добродетели и упражнению в чтении" [1, т. 9, с. 486].

К определению значения самостоятельной работы в обучении гимназистов М.В. Ломоносов пришел через ознакомление с постановкой преподавания как в русских, так и в зарубежных школах, университетах. В первой половине XVIII века в них господствовал догматизм, а самостоятельность обучающихся практически отсутствовала. Поэтому ломоносовский подход к решению этого вопроса был своеобразным.

Прогрессивной в дидактических идеях М.В. Ломоносова явились постановка и организация классно-урочной системы. Решение им данной проблемы было новым для русской педагогики XVIII века. В.К. Бобровникова [2] отмечала, что М.В. Ломоносов выступал за четкую организацию учебных занятий, обеспечивающую определенный порядок и систему. Отсутствие режима может нанести большой вред детям: "Свобода в молодости, порабощение в старости; кто в молодых летах делал, что хотел, на старость принужден будет делать, чего не хочет" [1, т. 8, с. 682].

Заслугой М.В. Ломоносова является то, что классно-урочная система впервые введена не только в Академической гимназии, но также и в Московском университете (университетской гимназии), и кадетском корпусе [2]. Это было осуществлено за тридцать лет до реформы школы 1786 года. Однако до сих пор считается, что классно-урочная система в России была введена Ф. Янковичем.

М.В. Ломоносов для более правильного внедрения этой системы предложил установить расписание уроков: утром с семи до девяти часов шли занятия во всех латинских классах, с девяти до одиннадцати - в русских, а с двух до четырех часов - в классах первых оснований наук. В высших латинских классах гимназисты с десяти часов три раза в неделю должны были знакомиться с началами греческого языка с тем, чтобы при переводе в "низший студенческий класс быстрее преуспевать у профессоров". Для гимназистов "без жалованья", которые изучали европейские языки, каждые полгода составлялось особое расписание.

М.В. Ломоносов предложил планировать уроки на каждые полгода, чтобы "доводить свои лекции до конца", "не прекращая этого раньше срока". Новаторство ученого выразилось и в разработке им определенного плана-схемы урока. Практически он обосновал его этапы. В начале каждого урока педагогу предлагалось провести опрос, проверку домашнего задания, "принесли ли с собой приготовленные уроки и наказывать приватно тех, кто не выполнил положенного ему. Если в классе так много гимназистов, что спрашивать уроки у всех отняло бы слишком много времени, то учитель может вызвать кого-нибудь одного по своему выбору, причем каж-

дый должен быть готов к тому, что его неожиданно спросят и ему нужно будет отвечать" [1, т. 9, с. 513].

Следующим этапом урока было "отчетливое" объяснение нового материала. Во время его ученики должны все точно записывать. Если после объяснения "дневного задания" на уроке оставалось время, то можно было давать дополнительные задания, "чтобы они выполняли таковые в их присутствии, не спрашивая друг друга и не заглядывая в книгу". Практиковались домашние творческие задания.

Для осуществления постоянного контроля, оказания помощи в учебе учитель обращался к аудиторам, "которые спрашивают у других заданные уроки". Педагог в начале урока должен сразу же посмотреть их записи, "а нерадивых спросить и наказать".

Для контроля за учебной работой гимназистов предлагалось вести месячные таблицы, в которых следовало отмечать поведение каждого в классах утром и вечером, а также выполнение домашних заданий. Форма журнала была установлена М.В. Ломоносовым:

Име- на	В.И	Н.У.	З.У.Н.Т	Н.З.	Х.З.	Б.Б.	Х.	В.И.С.	На- ка- зан	Па- ки
№№										
№№										

Разъясняя схему, М.В. Ломоносов писал: "Все, что кем-либо сделано или упущено, должно быть обозначено в определенных клетках против каждого дня и каждого имени начальными буквами:

В. И. – все исполнял.

Н. У. – не знал уроков.

Н. Ч. У. – не знал части урока.

З. У. Н. Т. – знал урок не твердо.

Н. З. – не подал задачи.

Х. З. – худа задача.

Б. Б. – болен.

Х. – не был в классе.

В. И. С. – все исполнил с избытком.

Ш. – шабаш" [1, т. 9, с. 498].

Ректор должен был вести общий табель, "отмечая в ней прилежание и способности каждого и разделяя на лучших, средних и худших". Кроме того, фамилии участвующих в публичных упражнениях следовало заносить в особый список, где инспектор и ректор писали свои суждения о способностях каждого. Фактически М.В. Ломоносов ввел текущий и итоговый учет знаний.

Каждый год должны были проходить переводы гимназистов из низших классов в высшие, а из высших – в студенческий класс. Первый перевод осуществлялся в начале нового года, а второй – в начале июля. Переводу предшествовал строгий экзамен (первый за восемь дней до Рождества, второй – в начале июня, до каникул, которые были в июле). Перед экзаменом для каждого класса составлялась общая табель за все полугодие, которая позволяла экзаменаторам судить о способностях, прилежании и поведении отдельных учеников. Экзамен принимали в низших и средних классах в присутствии ректора и инспектора, учителей. Высшие классы "экзаменуются в присутствии одного из членов Канцелярии, специально для этого назначенных профессоров Университета, а также инспектора и ректора Гимназии". Гимназисты отвечали устно на вопросы по программе обучения, делали переводы или писали сочинение. Это зависело от особенностей класса и учеников. "О том, кто как выдерживал испытание, записывается в особую экзаменаторскую табель". По результатам месячных и экзаменаторских ведомостей принималось решение о переводе гимназистов из класса в класс.

Таким образом, М.В. Ломоносов разработал систему контроля за знаниями и прилежанием учеников, которая оказалась довольно универсальной и объективной. Об этом свидетельствует ее жизнеспособность и в наши дни.

М.В. Ломоносов высоко оценил классно-урочную систему. Она давала, по его мнению, такие преимущества, как систематичность в преподавании, в получении знания, преемственность, достижение прочности в знаниях, создание товарищеских отношений между гимназистами, развитие активности и инициативы детей. Кроме того, такая система регламентировала учебный процесс, одновременно предполагая внесение творческих элементов в работу

учителя. Предложения М.В. Ломоносова об организации уроков являлись своеобразным минимумом, который был необходим для наведения порядка в гимназии, достижения четкости в обучении детей, для овладения основами научных знаний.

Занимаясь разработкой "Проектов регламентов", М.В. Ломоносов понимал важность методики преподавания предметов. Он рекомендовал тщательно отбирать материал для урока, опираться на научные достижения. Ценность идей ученого состояла в том, что он раскрыл педагогические условия изложения учебного материала: "... должно опасаться: 1) чтобы не примешать мелких и слову непристойных обстоятельств; 2) чтобы не отступить от слова к другой посторонней материи; 3) чтобы речи не были безмерно закручены, и идеи бы, вместе быть должны, не были одна от другой далече разметаны; 4) чтобы много разных вещей не стеснить в кучу и тем бы не отяготить понятие слушателей; 5) чтобы не представить, что слушателям невероятно, смешно и подлю показаться могло; 6) чтобы истолкование не весьма просто и низко было и несвязными речями и весьма много раз повторенными теми же словами не скучно казалось" [1, т. 7, с. 67].

Им разработаны рекомендации по изучению русского языка. Он считал, что в российской школе в первом классе надо "обучать российской грамоте обыкновенным старинным порядком, то есть азбуку, часослов и псалтырь, потом заповеди просто. Толкование оных слушать могут по воскресным дням в синодальных школах" [1, т. 9, с. 457]. Каждого ученика следовало научить "великорусскому почерку", орфографии, грамматике и обращать его не только к церковным изданиям, но и гражданским. В более поздние сроки обучения школьники учились переводить с русского языка на латинский, изучать "учение о красоте русского языка в стихотворной и нестихотворной речи..."

М.В. Ломоносов заботился о том, чтобы научить молодое поколение чистоте русского языка. Для познания тонкостей языка он предлагал переводить письма Цицерона, лучшие главы из "Корнелия Непота, Юстина, Курция и Сенеки". Гимназистам необходимо знать указания по особенностям русского стихосложения. В третьем

классе "должны даваться наставления относительно произнесения речей и писания русских писем". Примечательным является то, что М.В. Ломоносов требовал от учителей регулярной проверки выполненных учениками работ и четкого указания, "против какого правила допущена ошибка".

Поскольку в гимназиях большое количество времени отводилось на изучение языков, то М.В. Ломоносов дал подробные методические указания по этому вопросу. Он полагал, что в низших классах должны постигать "основные начала немецкого и французского языка, а именно склонения, спряжения, главнейшие правила синтаксиса, вокабулы и разговоры" [1, т.9, с. 491].

Во втором классе предлагалось делать переводы, изучать стиль языка. При преподавании немецкого языка следовало пользоваться "Грамматикой" Готшельда, а французский язык рекомендовалось изучать по "Грамматике" Пеплие. Учащиеся должны были читать в подлиннике Мосгейма, Каницу, Гинтера, Мольера, Расина, Вольтера. "Упомянутые здесь авторы могут быть заменены другими. С надлежащего разрешения можно подбирать себе и иных, но такую замену следует производить не часто и по зрелом размышлении" [1, т.9, с. 495].

М.В. Ломоносов тщательно отбирал литературу для изучения и в гимназиях, и в университетах. Мы обратились к анализу его рекомендаций относительно немецкого поэта Гинтера, которого ученый глубоко почитал. Изучение немецкой литературы по данному вопросу показало, что этот поэт являлся одним из самых значительных лириков раннего Просвещения, хотя и прожил всего 28 лет. Полагаем, что три основных момента привлекли М.В. Ломоносова в творчестве Гинтера: его лирика была направлена на пробуждение гражданского самосознания; стихи поэта выражали различные эмоциональные состояния человека, наряду с едкой сатирой они передавали самые тонкие, нежные настроения; в его Творчестве ярко прослеживались антирелигиозные устремления, характерные для эпохи Просвещения, он протестовал против бога, отметал все, что связано с поповством. Это отразилось в нацеленности М.В. Ломоно-

сова на воспитательную ценность учебных книг, рекомендуемых юношеству.

Очень подробно описывает М.В. Ломоносов методику преподавания латинского языка, который в те времена являлся международным научным языком. В низшем латинском классе следовало пользоваться "Латинской грамматикой" и "Латинскими разговорами" на русском языке. С разрешения инспектора и ректора можно было использовать некоторые диалоги из Эразма, "в особенности те, содержание которых включает разнородный материал". Сущность обучения состояла в том, что диалоги разбирались грамматически и излагались по-русски. "Латинские вокабулы должны изучаться двояким способом, во-первых, по алфавиту первообразных слов. Таких вокабуляриев в печатном виде должно быть в Гимназии большое количество" [1, т. 9, с. 494]. Во втором латинском классе в центре внимания была грамматика и "все труднейшие правила синтаксиса". Ученики занимались толкованием избранных писем Цицерона, Корнелия Непота, Светония и Курция, учили наизусть пословицы Эразма. Интересным было предложение М. В. Ломоносова переводить на латинский язык "новые русские сочинения", т. е. он не ограничивал преподавание знакомством с древними авторами, а рекомендовал изучать современных писателей. Он шел по линии усложнения изучаемого материала. Так, в высшем латинском классе "при обучении просодии следует толковать и читать Virgilia или Горация, в прозе Флора, некоторые книги и произведения Ливия, а также избранные произведения Тацита и Цицерона" [1, т.9, с. 494].

М.В. Ломоносов выступал против той методики преподавания иностранных языков, которую применяли домашние учителя. Они отдавали предпочтение "одной практике". М.В. Ломоносов был сторонником разумного сочетания теоретической и практической подготовки по языку. Рекомендовалось начинать с познания грамматики, а для закрепления знаний применять устную речь, переводы и сочинения на языке.

Не менее интересные идеи были высказаны М.В. Ломоносовым о методике преподавания естественных наук. В работе "Введение в истинную физическую химию" он писал о новой науке – фи-

зической химии, которая была признана лишь через 150 лет. В этом труде ученый выделил главу о приемах и методах преподавания данной науки. Главное внимание он уделял обучению практическим навыкам, умениям владеть физическими и химическими приборами.

Непременным условием преподавания географии Ломоносов считал объяснение по карте. Фактический материал предмета излагался в "Курасовой географии" – учебнике немецкого педагога Гильмара Кураса, а также в книге на немецком языке "Краткая политическая география для пояснения малого, изданного на русском языке атласа, составлено при имп. Академии наук" (1745) [3].

Анализ идей М.В. Ломоносова о методике преподавания предметов свидетельствует о том, что он стоял у ее истоков.

Таким образом, на формирование дидактических идей М.В. Ломоносова оказало влияние знакомство ученого с опытом обучения в русских и зарубежных школах, собственная педагогическая деятельность. Теоретические посылки он проверял сам как педагог-практик. Для него существенное значение имели работы Яна Амоса Коменского, с которыми М.В. Ломоносов был знаком. Развитие и обогащение дидактических идей чешского педагога осуществлено М.В. Ломоносовым на основе учета национальных особенностей России. Кроме того, в его дидактике находим обращение к опыту реальных школ Германии. Великому русскому академику принадлежит приоритет в решении многих дидактических проблем, которые позднее получили развитие в русской педагогике.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений: В 11 т. / Гл. ред. С. И. Вавилов. - М.; Л: АН СССР, 1950 - 1959, 1983.
2. Бобровникова В.К. Педагогические идеи и деятельность М.В. Ломоносова. - М.: АПН СССР, 1961.
3. Перевалова Л.А. Педагогические взгляды М.В. Ломоносова / Под ред. и с предисл. проф. М. Ф. Шабаевой. - М.: Просвещение, 1964.

IX. Становление педагогики высшей школы в России и М.В. Ломоносов

Е

зучение данного вопроса следует осуществлять на основе анализа сочинений ученого и документов по организации высшего образования, которые он разработал. М.В. Ломоносов изложил свои идеи в таких материалах, как "Всенижайшее мнение о исправлении Санктпетербургской Академии наук. 1755 г.", "Записка о необходимости преобразования Академии наук 1758 – 1759", "План регламента, проект штата, перечень привилегий и программа инаугурации академического университета. 1759", "Проект привилегий Академии наук 1764", "Предложение об устройстве и уставе Петербургской Академии наук 1764" и др.

В них он сравнивал развитие образования в странах Западной Европы и в России в XVIII веке и отмечал отставание русской высшей школы. Созданная в 1725 г. Академия наук по замыслу Петра I должна была заниматься не только научной, но и учебной работой. Для этого необходимо было использовать имевшиеся при ней гимназию и университет. Академики обязывались читать в них публичные лекции, вести с молодыми людьми учебные занятия. Предполагалось, что каждый ученый напишет на латинском языке своеобразное руководство для студентов по определенной науке. Для более успешной подготовки русских специалистов Петр I считал необходимым привлечь к работе в Академии таких людей, "которые из славянского народа, дабы могли удобнее русских учить" [1, т. 1, с. 25]. П.П. Пекарский отмечал, что это повеление императора пытались выполнить. Русскому дипломату в Вене г. Ланчинскому было предложено отобрать "двенадцать студентов, способных, хорошего поведения и знающих по славянски и по чешски". На это послание был получен ответ, в котором дипломат сообщал, что "в Венском университете не процветают математические науки и только по части гуманиора и медицины можно найти людей, в каких нуждается Академия. Впрочем, по словам Ланчинского, славянский язык

весьма мало в употреблении у студентов, так как им пренебрегают даже те, которые происходят из славян".

К моменту прихода М.В. Ломоносова в Академию университет, подобно академической гимназии, влачил жалкое существование. С горечью констатировал М.В. Ломоносов, что до сих пор "университетский регламент не сочинен, хотя много трудов профессорских и времени положено".

Анализируя положение дел в Академическом университете и стремясь обеспечить страну молодыми русскими учеными, М.В. Ломоносов пришел к идее создания университета в Москве.

Для основания университета в Москве были особые условия, отсутствовавшие в Петербурге [2]. Выступавшая в истории нашей страны инициатором объединения народа в единое государство, организатором его борьбы за освобождение от иноземного ига, Москва в середине XVIII века стала крупнейшим русским городом, расположенным в наиболее населенной и культурной части страны. Древняя столица сохранила свое значение центра всей России. Москву отличало наличие фабрик и кустарных мастерских. Крупнейшим предприятием считался Московский суконный двор, на котором работали сотни рабочих. Москва была большим торговым центром страны, связанным с отдельными частями России многочисленными речными и сухопутными дорогами.

Важной особенностью культурной жизни Москвы являлось наличие в ней некоторых учебных заведений, двери которых были открыты для простых людей. Так, "Спасские школы" пополнялись разночинцами и долгое время служили главным источником, поставщиком школьников и студентов для академического университета в Петербурге.

Как бывший воспитанник Славяно-греко-латинской академии, М.В. Ломоносов был хорошо осведомлен об условиях создания в Москве первого русского университета. Это отразилось в "доношении" об основании университета в Москве, которое было внесено в Сенат, несомненно, на основании данных, полученных от М.В. Ломоносова (М.Т. Белявский). В "доношении" указывались следующие преимущества Москвы для устройства в ней университета:

1) великое число в Москве живущих дворян и разночинцев, 2) положение столицы в середине Русского государства, 3) дешевые средства к содержанию, 4) обилие родства и знакомства у студентов и учеников, 5) великое число домашних учителей, содержимых помещиками в Москве". Учреждение университета рассматривалось в "доношении" как одна из необходимых мер для подготовки образованных людей не только из среды дворянства, но и разночинцев. Разработке ломоносовской программы высшей ступени обучения способствовал личный опыт ученого по руководству академическим университетом и гимназией.

Для этой программы были характерны организационная четкость, научный характер содержания образования, поощрение самостоятельных занятий, высокие требования к профессорско-преподавательскому составу, борьба за улучшение материально-бытовых условий преподавателей и студентов. М.В. Ломоносов раскрыл не только основные требования к высшему образованию, но и одновременно с этим изложил основы педагогики высшей школы.

Характерной чертой ломоносовской программы развития университетов было то, что она основывалась на идее демократизации высшего образования. Это прежде всего проявилось в решении вопроса отбора студентов. В работе "Всенижайшее мнение о исправлении Санктпетербургской Академии наук" (1755) М.В. Ломоносов показал, что "произведению и размножению ученых людей в России" мешает запрещение учиться "на казенный счет" посадским и крестьянским детям, "будто бы сорок алтын толь великая и казне тяжелая была сумма, которой жаль потерять на приобретение ученого природного россиянина, и лучше выписывать! Довольно бы и того выключения, чтобы не принимать детей холопских". "Приращение наук", по его мнению, тормозится малым количеством школьников и студентов, М.В. Ломоносов правильно считал, что в гимназии должно обучаться в несколько раз больше человек, чем в университете. "Не всякий школьник произотти может в студенты, как не всякий студент – в профессеры". В других государствах, отмечал М.В. Ломоносов, в университетах насчиты-

ваются тысячи студентов. В русском университете "почти никого не бывает", т.к. отсутствуют его статус, программа, четкое организационное построение, привилегии. Его возмущало такое положение, при котором в России не могли учиться многие одаренные люди из низких сословий, "положенные в подушный оклад". М.В. Ломоносов отмечал, что "другие европейские государства наполнены людьми учеными всякого звания, однако ни единому человеку не запрещено в университетах учиться, кто бы он ни был, и в университете там студент тем почетнее, кто больше научился, а чей он сын в том нет нужды".

М.В. Ломоносов был сторонником внедрения в университетское образование идей народности и бессословности. Народность выражалась в том, что преподавание в университете велось преимущественно на русском языке, появилась значительная группа русских профессоров, боровшихся за развитие науки, национальное просвещение и демократическую педагогику. Так, Московский университет не был привилегированным учебным заведением. Весь первый состав студентов состоял из разночинцев [3, с. 138].

Демократизм и народность М.В. Ломоносова проявились и в решении им такого вопроса, как выпуск "комментариев" Академии и печатания всех диссертаций в русском переводе [4, т.10, с.239]. До представления М.В. Ломоносовым в Канцелярию специального документа от 3 февраля 1761 года все научные статьи и их "сокращения" публиковались на латинском языке. Этим ограничивался доступ к науке людей, стремящихся к образованию. По мнению М.В. Ломоносова, краткие изложения научных трудов должен составлять сам автор. Важным условием действенности выпусков ученый считал регулярность и быстроту появления. Такое оперативное издание позволит студентам быстрее знакомиться с трудами профессоров, и "общество российское не останется без пользы".

До М.В. Ломоносова студентов обучали на немецком и латинском языках. "Ломоносов, Крашенинников и другие передовые русские ученые прекрасно понимали, что без перехода на русский язык нечего и думать о сколько-нибудь широком распространении образования, о его доступности и демократизации. Поэтому вопре-

ки упорному сопротивлению русских и иностранных реакционеров Ломоносов добился того, чтобы в Московском университете лекции читались русскими профессорами только на русском языке" [5, с.111].

Демократизация высшего образования предполагала, по мнению М.В. Ломоносова, изменения в управлении университетом: "Бразды университетского правления должны быть вручены ректору, который избирается ежегодно из числа профессоров и которого за его особые труды следует почтить более значительным повышением жалованья против обычного" [4, т.10, с.123]. Университет должен быть автономен, освобожден от полицейского постоя, сборов, иметь свой суд.

Ведущим принципом ломоносовской программы был принцип научности в высшем образовании. Перед университетами М.В. Ломоносов ставил в качестве главной задачи развитие науки (особенно в области философии, истории, русской грамматики, права, медицины) и популяризацию научных знаний через печать, лекции, диспуты, работу библиотек и т. д. [3, с.139].

По мнению М.В. Ломоносова, университеты должны быть ведущими в стране научно-учебными центрами, которые бы оказывали решающее влияние на развитие науки и распространение просвещения в России. Поэтому при разработке плана создания Московского университета он определил не только его структуру, перечень факультетов, но и количество профессоров, состав дисциплин, которые следовало изучать: "Профессоров в полном университете меньше двенадцати быть не может в трех факультетах. В Юридическом три:

1. Профессор всей юриспруденции вообще, который учить должен натуральные и народные права, также и узаконения Римской древней и новой империи.

2. Профессор юриспруденции российской, который, кроме вышеописанных, должен знать и преподавать внутренние и государственные права.

3. Профессор политики, который должен показывать взаимные поведения, союзы и поступки государств и государей между

собою, как были в прошедшие веки и как состоят в нынешнее время" [4, т. 10, с. 513].

М.В. Ломоносов раскрыл такой важный вопрос, как содержание образования в высшей школе. На медицинском факультете М.В. Ломоносов считал необходимым иметь три доктора и профессора (химии, натуральной истории, анатомии), на философском шесть (философии, физики, ораторики, поэзии, истории, древностей и критики).

М.В. Ломоносов по-новому предложил осуществлять юридическое образование, ввел преподавание русского права. На медицинском факультете внедрил изучение химии, естественной "натуральной" истории. Базой для других факультетов являлся философский, где предлагалось изучать философию, физику, красноречие, поэзию" историю, классические языки и литературу. Лишь окончив его, можно было переходить на другие факультеты.

В 1759 г. в "Плане регламента, проекте штата" академического университета М.В. Ломоносов предложил открыть одиннадцать кафедр вместо пяти по штату 1747 г. Для Московского университета в 1754г. он планировал двенадцать кафедр. Основным отличием плана 1759г. было разделение университета на три факультета и студентов на три класса (курса). Своеобразной была программа обучения, которую разработал ученый. Он включил для изучения русское право, химию, ботанику, анатомию и восточные языки. Они не были предусмотрены регламентом 1747 г. В отличие от программы Московского университета в данном проекте (1759 г.) М.В. Ломоносов перераспределил отдельные дисциплины по кафедрам, включил ботанику, добавил математику, восточные языки.

В 1764г. М.В. Ломоносов публикует "Предположения об устройстве и уставе Петербургской академии". В § 8 данного документа он углубил собственное понимание вопросов содержания высшего образования: "Для сохранения людского здоровья и для попечения о нем нужно основать факультет медицинский. Для увеличения общественного благосостояния и для создания разных жизненных благ необходимо устроить факультет философский. На Юридическом факультете должны быть лекции: 1) исторические, для озна-

комления с правом народов, что в других местах напрасно относят к ведению факультета философского; 2) по практической философии; 3) по политике; 4) по публичному и частному праву; 5) русское право. На Медицинском факультете должны читаться: 1) анатомия с физиологиею; 2) химия; 3) ботаника; 4) практическая медицина. На Философском факультете следует обучать слушателей: 1) обоим красноречиям; 2) должен быть прочитан курс всеобщей философии; 3) также математики; 4) должна быть изложена экспериментальная и догматическая физика; 5) механика; 6) астрономия" [4, т.10, с. 123].

Таким образом, М.В. Ломоносов обосновал содержание высшего образования. В этом вопросе он пошел дальше западноевропейских университетов, раскрыв прогрессивность проводимых им преобразований: "Так во всех университетах деление на факультеты бывает сообразовано с государственными учреждениями, то и здесь, отказавшись от богословского круга наук в пользу Святейшего Синода, каковые науки преподаются только в подведомственных ему школах..." [4, т. 10, с. 123].

В "Плане регламента, проекте штата" академического университета от июля 1759 г. М.В. Ломоносов еще раз вернулся к вопросу о светскости образования: "Духовенству к учениям, правду физическую для пользы и просвещения показующим, не привязываться, а особливо не ругать наук в проповедях" [4, т. 9, с. 539].

Основанием для функционирования факультета ("главным основанием"), по мнению М.В. Ломоносова, должна являться общественная потребность в кадрах. При установлении числа университетских кафедр следовало исходить не из количества имеющихся в данное время кандидатов, пригодных для замещения профессорских вакансий, а из потребностей страны. Это необходимо для того, чтобы "план университета служил во все будущие годы". Выдвигая его, М.В. Ломоносов использовал опыт организации европейских университетов, личный опыт обучения во Фрейберге и Марбурге.

Опираясь на практику гимназического образования, М.В. Ломоносов стремился не только решить проблемы содержания образования в университете, его структуры, но и предложить чет-

кую организацию учебного процесса (составление расписания, чередование предметов и т. д.).

Качество обучения зависит от преподавателя, его подготовки. Поэтому М.В. Ломоносов был сторонником того, чтобы отбирать для преподавания в университете ученых, способных "не только сообщить учащимся известное, но исследовать и открывать то, что еще неизвестно". По мнению М.В. Ломоносова, важна расстановка научных кадров для избежания перевеса или отставания в какой-либо области.

"Ради поощрения в ученых ревности к занятиям, следует выбирать и утверждать университетских профессоров из числа академиков с тем, чтобы они поучали студенческую молодежь..." [4, т.10, с.123]. М.В. Ломоносов первым предложил принципиально новый подход к комплектованию научно-педагогических кадров высшей школы, который основан на принципе выборности. Это давало возможность отбирать для работы в университете действительно достойных людей. Кроме того, именно М.В. Ломоносов впервые высказал идею о соединении преподавательской и научной деятельности. Ему удалось претворить ее в жизнь. В этом состоит огромная заслуга М.В. Ломоносова как ученого, педагога, организатора образования.

В "Записке о необходимости преобразования Академии наук" (1758 – 1759 гг.) М.В. Ломоносов проанализировал требования к личности ученого и преподавателя высшей школы.

М.В. Ломоносов был сторонником увеличения числа преподавателей русского происхождения. При этом "природные россияне" должны иметь солидную научную подготовку. Кроме того, подлинным педагогом может быть лишь гражданин-патриот, преданный науке, просвещению. М.В. Ломоносов указывал, что для исправления дел в Академии и университете нельзя допускать властвования над наукой малоученым людям, "чужестранным", в которых "некоторое к ученым россиянам недоброжелательство примечено". Он ратовал за содружество ученых как в научной, так и преподавательской деятельности. "Вольность и союз наук необходимо требуют взаимного сообщения и беззавистного позволения в

том, что кто знает упражняться. Слеп физик без математики, сухо-рук без химии".

Раскрытию психолого-педагогического механизма методики чтения лекций посвящена работа М.В. Ломоносова о возбуждении, утолении и изображении страстей в "Кратком руководстве к красноречию" [4, т.7, с.89-378]. Он разработал педагогические, психологические и методические приемы воздействия на слушателей для достижения положительных результатов в обучении. М.В. Ломоносов одним из первых показал колоссальные возможности лекции как метода преподавания в высшей школе. Он указывал, что все это возможно достичь лишь "искусному ритору". По существу, М.В. Ломоносов обозначил проблему педагогического мастерства преподавателя вуза.

Важным разделом ломоносовской программы следует назвать ее положения о методической оснащенности преподавания. М.В. Ломоносов подготовил ряд работ, которые служили для нескольких поколений студентов основными учебными пособиями по физике, химии, риторике, красноречию, истории и другим дисциплинам. При их написании он руководствовался такими дидактическими принципами, как научность, доступность, последовательность. М.В. Ломоносов считал опыт основным источником знаний. Поэтому он придавал особое значение практическим и лабораторным методам обучения. Не умаляя роли словесных методов, М.В. Ломоносов выделял поисково-исследовательские методы обучения. Он предлагал студентам проводить собственные исследования, учиться выдвигать гипотезу, делать теоретические обобщения. Заботясь о расширении научного и практического кругозора молодых людей, М.В. Ломоносов, например, ввел новый способ изучения химии, соединив теоретические лекции с практическими занятиями и проведением экспериментальных исследований. В работе "Введение в истинную физическую химию" он описывал методику организации таких занятий, указав последовательность действий обучающихся: "1) определять удельный вес химических тел; 2) исследовать взаимное сцепление частей: а) путем излома, б) путем сдавливания, в) путем стачивания на камне, г) для жидкостей – путем счета капель; 3)

описывать фигуры кристаллизующихся тел; 4) обрабатывать тела длительным нагреванием при помощи Папиновой машины; 5) всюду наблюдать градусы теплоты; 6) изучать тела, особенно металлы, продолжительным растиранием. Одним словом, я предлагаю сделать попытку исследовать все, что может быть изучено, взвешено и определено математической практикой" [4, т.2, с.573-577]. Заботясь о расширении научного и практического кругозора молодых людей, М.В. Ломоносов знакомил их с научными основами производства. Фактически первым в истории русской педагогики он внедрил элементы политехнического образования в практику обучения. Так, в "Ордере Я.-Ф. Шмидту о практических занятиях по геодезии с геодезистами и студентами географического департамента" от 5 июня 1762 г. [4, т.9, с.255-256] М.В. Ломоносов рекомендовал ввести три практических занятия по предмету в неделю, используя для этого разные точки города. Этим формировались практические умения и навыки у студентов, творчество, исследовательские качества.

В учебной работе университета применялись разнообразные методы преподавания. Большинство профессоров стремились дать своим слушателям прочные, основательные знания. Главной формой обучения считались лекции. "Профессорские лекции делились на публичные и приватные. Каждый профессор обязан был ежедневно (кроме воскресения и субботы) не менее двух часов читать публичные лекции для всех слушателей. На эти лекции стекалось большое количество слушателей (среди которых было немало женщин). Профессора читали лекции по учебникам, утвержденным университетской конференцией. Приватные курсы читались для желающих" [3, с.144-145]. Кроме лекций, преподаватели применяли практические занятия: переводы, сочинения, занятия в анатомическом театре, выполнение практического задания непосредственно на местности и т. д.

Среди методов обучения студентов особое место занимали диспуты. Они проходили в последнюю субботу месяца. В конце каждого полугодия перед наступлением вакаций диспуты проводились публично, в присутствии любителей наук. "Диспуты оказы-

вали положительное влияние на развитие студентов. Они воспитывали активность, волевые качества, развивали память" [3, с.144].

Широкая организация диспутов на разные научные темы, чтение профессорами публичных лекций отражали общественный характер деятельности университета.

Программа М.В. Ломоносова предусматривала и работу по нравственному воспитанию молодых людей. Главным успехом в воспитании он считал "крайнее прилежание" к наукам. Занятые учебой, студенты не должны следовать никаким устремлениям, "чтобы рачение к учению урон или малое ослабление потерпело". М.В. Ломоносов советовал им беречь "золотое младых лет время" и упорно заниматься наукой. Он рекомендовал формировать в студентах прежде всего патриотизм, потребность жить "для пользы Отечества".

М.В. Ломоносов был сторонником воспитания таких качеств, как скромность, вежливость, уважение к старшим, друг к другу, честность, дружелюбие. Он выделял особо трудолюбие, прилежание, упорство, целенаправленность. Источником нравственных знаний Ломоносов считал общение студентов друг с другом, с преподавателями, ограждение молодежи от людей с нравственными изъянами, от которых "учтивым поступкам научиться нельзя".

Особое внимание уделялось осуществлению индивидуального подхода к студентам, способным молодым людям. Так, в "Рапорте в Канцелярию АН об успехах студентов, занимавшихся под руководством Ломоносова поэзией и химией" от 5 февраля 1753 года [4, т.9, с.442-443], он писал, что особые успехи в поэзии обнаружил Николай Поповский. Он сочинял стихи по заданным Ломоносовым темам, овладевал искусством перевода. В связи с успехами в учении он рекомендовал отделить Поповского "от общежития и от других студентов" квартирой, чином, жалованьем. В августе 1753 г. под влиянием М.В. Ломоносова И.И. Шувалов вмешался в определение судьбы Н. Поповского. Он был назначен конректором Академической гимназии, т.е. помощником ректора и руководителем "верхнего латинского класса" [СПбФ ИРИ РАН, ф.3, оп.1, № 464, л.501]. В 1755

году Н. Поповский переводится на службу в Московский университет и становится его профессором.

При осуществлении индивидуального подхода к студентам М.В. Ломоносов советовал чаще всего использовать методы поощрения. Так, например, он хлопотал о прибавке жалованья И. Лепехину [СПбФ ИРИ РАН, ф.3, оп.1, №152, лл.69, 71], который впоследствии стал известным ученым-путешественником, академиком Петербургской АН.

Сохранилась выписка из журнала Канцелярии АН "о награждении некоторых студентов шпагами" [СПбФ ИРИ РАН, ф. 3, оп. 1, № 527, л. 194]. В 1750 г. президент Академии К.Г. Разумовский на публичной ассамблее наградил шпагами двенадцать студентов "за прилежное обучение и за добрые поступки" [СПбФ ИРИ РАН, ф. 3, оп. 1, № 145, л. 106], что стало традицией, и студенты очень дорожили этим. Ее поддержал и М.В. Ломоносов.

Он стремился использовать и такую форму поощрения, как продолжение учебы некоторыми студентами за границей. 2 июня 1764 года М.В. Ломоносов написал представление в Канцелярию АН по данному вопросу. Он отметил, что за последние четыре года в студенты произведено двадцать человек. Семь из них показали особые успехи, поэтому М.В. Ломоносов рекомендовал послать их за границу для продолжения образования. В этих целях он предложил на каждого студента выделять годовое жалованье в триста рублей, а при переездах увеличивать его до четырехсот. М.В. Ломоносов доказывал необходимость обучения за границей "природных россиян" и определил количество их: не менее десяти человек за пять лет. Такая мера позволяла подготовить способных русских ученых и отказаться от приглашения иностранных специалистов.

При разработке программы высшего образования М.В. Ломоносов особо выделил вопрос о создании хорошей материальной базы для преподавания. По его настоянию, например, в Московском университете работали: библиотека, физический кабинет, химическая лаборатория, минералогический кабинет и др. В них имелись хорошие условия для проведения научных исследований, практи-

ческих работ профессоров и студентов. За создание подобных условий М.В. Ломоносов боролся и в академическом университете.

Большое значение в народном просвещении имело открытие при университете типографии. Это позволило Московскому университету с 1755 года развернуть огромную работу по изданию учебной, научной, философской, общественно-политической и художественной литературы и начать с этого же года издание второй газеты в России – "Московские ведомости" [5, с. 112]. В типографии были изданы произведения Шекспира, Мольера, Гольдони, Сервантеса, Яна Амоса Коменского, Руссо, Вольтера, Дидро, Шиллера и др. Систематически и быстро издавались речи и "слова" профессоров, которые произносились на торжественных собраниях в честь официальных дат. Передовые ученые сумели превратить их в трибуну для пропаганды научных идей.

Особой проблемой в те годы было снабжение студентов учебниками. 18 мая 1761 года Ломоносов подготовил определение в Канцелярию АН о новом порядке снабжения студентов и гимназистов учебниками [4, т.9, с.579-580]. По предложению С.К. Котельникова разрешалось выдавать и даже выписывать из-за границы учебники без обращения с этим вопросом в Канцелярию. Начиная с мая 1761 года, выдача книг со склада стала производиться в упрощенном порядке.

Для студентов точно так же, как и для гимназистов, было подготовлено общежитие, организовано питание и снабжение одеждой. М.В. Ломоносов регулярно ездил в общежитие и наблюдал за жизнью, порядком, отношением к учению молодых людей.

Важным условием развития науки и высшего образования М.В. Ломоносов считал четкую организацию всего дела. Он предложил нескольким ученым подготовить "Регламент Академии наук". Этот документ, по его мнению, должны были разрабатывать люди, основательно научно подготовленные через обучение как в России, так и в других государствах, быть "природными россиянами" или отданными "в российское подданство вечно", не быть участниками "нынешнего испорченного академического состояния", не иметь родственников в академической службе. В "Регламенте"

М.В. Ломоносов представлял Академию, университет и гимназию как единое целое. Он был сторонником преемственности и содержательного единства среднего и высшего образования и боролся за создание системы подготовки научных кадров российского происхождения, которая бы отвечала социально-экономическим потребностям страны.

Как организатор высшего образования, М.В. Ломоносов отстаивал идею обязательности инаугурации университета. Это западноевропейская традиция, без которой учебное заведение не могло признаваться университетом, а присужденные им ученые степени обесценивались. Он стремился придать университету международный вес, равноправность с зарубежными учреждениями. М.В. Ломоносов добивался, чтобы выпускники отечественного университета имели высокий статус среди иностранных ученых. По его мнению, инаугурация должна "воодушевить университет на успех", привлечь способную молодежь к учению.

В ломоносовской программе высшего образования большой интерес представляет перечень университетских привилегий. Он считал, что университет должен иметь право присуждать ученые степени ("градусы"), а университетские должности следует приравнять к чинам, установленным "Табелью о рангах", избавить Академию и университет от вмешательства полиции. Заботясь о хорошем материальном положении академиков, ратовал за создание благоприятных условий для проведения научной деятельности. М.В. Ломоносов предложил узаконить по принципу других стран каникулы с сохранением преподавателям жалованья. Он высказал мысль о пожаловании Академии "особой мызы" с землями и угодьями, где бы академики могли проводить летний отдых, вести физические наблюдения, устраивать опыты. Он предлагал улучшить материальные условия жизни семей ученых, вдов и их детей, заботился о сохранении здоровья всех членов Академии. При этом М.В. Ломоносов подчеркивал, что все эти "свободы и преимущества" направлены на пользу и расцвет русской науки.

Как основоположник системы высшего образования в России, М.В. Ломоносов внес неоценимый вклад в ее теоретическую и

практическую разработку. Ему принадлежит приоритет в рассмотрении вопросов педагогики высшей школы. М.В. Ломоносов сам являлся образцом преподавателя, был великолепным лектором, владеющим различными методами обучения и воспитания. В этом состоит его непреходящее значение как педагога.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Пекарский П.П. История Академии наук в Петербурге. - СПб., 1870, 1873.
2. История АН СССР (1724 - 1803) /Гл. ред. К.В. Островитянов. - М.; Л: АН СССР, 1958.
3. Бобровникова В. К. Педагогические идеи и деятельность М. В. Ломоносова. - М.: АПН СССР, 1961.
4. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений: В 11 т. / Гл. ред. С.И. Вавилов. - М.; Л: АН СССР, 1950 - 1959, 1983.
5. Белявский М.Т. М.В. Ломоносов и основание Московского университета. - М.: МГУ, 1955.

Х. М.В. Ломоносов о педагогической этике

Дазрабатывая вопросы образования и воспитания гимназистов, студентов, М.В. Ломоносов пришел к выводу о том, что успех деятельности учебного заведения во многом определяется учителями и преподавателями. Исходя из этого, он сформулировал определенные требования к личности и работе педагогов. Как гражданин и патриот, он настаивал, чтобы учителя были из "природных россиян". Они должны иметь солидную научную подготовку, обладать педагогическим мастерством, отличаться ответственностью, добросовестностью, любовью к детям. В "Проекте регламента академической гимназии" в § 99 М.В. Ломоносов писал о нравственных характеристиках личности педагога. Он считал, что учителям нельзя быть с учениками гордыми, т.к. это "производит к ним ненависть". Необходимо соблюдать "умеренность" в отношениях: "Учитель должен не токмо словами учение, но и поступками до-

брый пример показывать учащимся. Что здесь вообще предписано учителям, то надлежит наблюдать и самому ректору, поелику он есть учитель" [I, т.9, с.515-516]. Поскольку педагог воспитывает прежде всего "добрым примером", то он должен быть нравственно чистым. М.В. Ломоносов осуждал чрезмерную горячность, вспыльчивость, грубость учителей: "Учитель может наказывать словами и достаточно убедительно ставить на вид ученикам их ошибки и плохое поведение, но не должен пускать в ход постыдные или непристойные слова" [1, т.9, с.517].

Особое значение М.В. Ломоносов придавал общению педагогов с воспитанниками. Он указывал на необходимость как непосредственного, так и опосредованного общения с молодыми людьми, считая это одним из условий успешной совместной деятельности. Полагая, что общение влияет на нравственное становление личности, он заботился об окружении молодежи положительными людьми. Видя неблагополучность в семьях, М.В. Ломоносов рекомендовал ученикам и студентам жить в общежитии. Ломоносовские регламенты показывают, как он пытался изменить характер общения между воспитателями и воспитанниками, стремился сосредоточить внимание на формировании общей культуры.

М.В. Ломоносов считал, что прежде чем требовать дисциплину и порядок от учащихся, педагог сам должен быть организован. По его мнению, учителям следует приходить на занятия "вовремя и в начале каждого урока спрашивать гимназистов, знают ли они заданное, принесли ли с собой заданные уроки и наказывать privately тех, кто не выполнил положенного ему. Если в классе так много гимназистов, что спрашивать уроки у всех отняло бы слишком много времени, то учитель может вызвать кого-нибудь одного по своему выбору, причем каждый должен быть готов к тому, что его неожиданно спросят и ему нужно будет отвечать" [1, т.9, с.513].

Инспектор и ректор обязаны были следить за соблюдением учителем своих обязанностей: "...наблюдать за тем, чтобы учителя являлись в точности к назначенному времени и во время уходили, для чего в Гимназии должны звонить; первый раз в 7 часов, второй раз в четверть 8-го, 3-й раз в 11 часов, в знак того, что классы расхо-

дятся. Ректор должен отмечать тех, кто приходит после второго звонка, о чем ему обязан докладывать сторож. Если ректор заметит, что с каким-нибудь учителем это случается часто, он должен приватно поставить это ему на вид; а если тот не исправится, доложить Канцелярии, которая накажет его за это вычетом из жалованья" [1, т.9, с.518]. Это объяснялось тем, что были случаи срыва занятий из-за недобросовестного отношения учителей к своим обязанностям. Так, 6 марта 1757 года в "Определении Канцелярии АН о наблюдении за своевременным уходом и приходом учителей гимназии" предлагалось "приходы и выходы учителей в положенные дни и часы записывать". Инспектор Модерах сообщал, что среди учителей есть такие, которые "часто в классы приходят либо весьма поздно, либо совсем от оных отгуливают", раньше заканчивают уроки. Это "чести Академии крайне предосудительно, ибо родители горькие о том приносят жалобы, когда дети многократно, а особливо весной и осенью, бродя по колено в грязи, насилию до Гимназии дотаскиваются, а за небытием учителей принуждены возвращаться домой не учившись" [ЛОААН, ф.3, оп.1, № 220, лл. 141 – 142]. В связи с этим вводилась фиксация прихода и ухода педагогов, им предлагалось приходить на полчаса раньше в класс, чтобы ученики не ждали их: "...3) доколе учителя все не придут в классы, переходить неделю из одного класса в другой и смотреть, чтоб собравшиеся к учению ученики содержали себя благочинно и каждый делал то, чему учился...; 4) которые учителя живут за рекой, тем объявить, чтоб они во время опасного перехода при вскрытии реки и когда лед становится переходили на Васильевский остров, ибо сие от них в отговорку принято не будет, когда за таким их отлучением классы праздны остаются..." [1, т.9, с.464]. Вместе с тем М.В. Ломоносов оберегал авторитет хорошего учителя, не рекомендовал ректору, инспектору унижать его достоинство. Он считал, что нельзя делать выговоры педагогам, "а в особенности бранить их в присутствии учеников, чтобы последние не теряли должного к ним уважения. Поэтому, если они заметят у учителя какие-либо недостатки, они должны потребовать от него объяснения у себя дома приватно, а если не последует улучшения, доложить об этом Канцелярии" [1, т. 9, с.518].

М.В. Ломоносов рекомендовал отбирать в учителя способных, трудолюбивых, прилежных людей. Он отстаивал идею о том, что педагог должен изучать детей, в обучении опираться на индивидуальные и возрастные особенности гимназистов: "При этом учителя должны присматриваться к способностям учеников и знать их успехи, чтобы понимать, чего он может ожидать и требовать от каждого" [1, т.9, с.514]. Если гимназист, особенно способный, "пропустит чего-либо по болезни, то должен учитель повторить толкование тех лекций, которых он не слушал, что и прочим учащимся не вредно. Сие чинить он еще паче должен ради двух или многих, однако такой репетиции не делать, ежели пропустил кто больше двух недель, и в таком случае должен гимназист просить учителя, чтоб он для него потрудился приватно" [1, т.9, с.515],

М.В. Ломоносов предъявлял высокие требования к результатам труда учителей. В ломоносовский период в России работали учителями как иностранцы, так и русские люди. Среди иностранцев выделялись добросовестные специалисты и те, которые пренебрегали своими обязанностями. Так, об английских учителях, работавших в Навигацкой школе, говорили следующее: "Когда временем и загуляются или, по своему обыкновению, почасту и долго проспят". Они не были заинтересованы в том, чтобы русские ученики успешно усваивали науку. "Остропонятные" дети "с излишней" любознательностью довольно часто преследовались ими. Сложность учения состояла и в том, что ученики плохо понимали педагогов-иностранцев, которые с большим трудом говорили по-русски. Многие из этих учителей занимались домашним учением. Иностранцев нанимали в основном менее богатые люди, так как дети из знатных семей имели возможность обучаться за границей. В глуши помещики довольствовались минимумом требований, не обращая внимания ни на уровень знаний иностранцев, ни на их нравственность. От учителя требовали умения сочинять стихи для домашнего обихода, вести приходные и расходные книги, причесывать и убирать волосы и т. п. По свидетельству дела Месальера, секретаря французского посольства в России при Императрице Елизавете, "во многих знатных домах у нас находились тогда между

французскими учителями и учительницами лица, бежавшие от преследований парижской полиции, дезертиры и безнравственные женщины" [2, с.119]. Разумеется, что не все иностранные педагоги были таковыми. Однако, по свидетельству современников, они встречались.

Среди домашних учителей было довольно много русских людей. Они обучали славяно-русской и гражданской грамоте, цифири, т.е. первым основаниям арифметики. Учителями чаще всего являлись отставные унтер-офицеры, канцеляристы, причетники приходских церквей, а у раскольников – старики и старухи. Д.И. Фонвизин ярко изобразил домашних учителей в лице Цыфиркина и Кутейкина с их "дидактическими приёмами" и взглядом на воспитание. Н.И. Новиков в "Письме о домашних учителях" писал, что он "имел несчастье находить в домашних учителях по большей части ту погрешность, что они прогуливают определенное для ученья время, когда только захотят. Хотя я плачу им по часам, и деньги за прогуливаемые часы остаются у меня в кармане, однако для меня и для детей моих мало от того пользы. Лучше бы отдавал я нищим определенные на ученье их деньги, нежели удерживал оные, таким образом, если б можно было отвратить сей вред" [3, с. 209].

В документах РГАДА мы нашли дела, касающиеся организации жизни, оплаты труда домашних учителей [РГАДА, ф.17, е.х.56, л.1-3]. Нередки были обращения иностранцев в соответствующие органы с жалобами на своих хозяев за невыполнение договорных обязательств.

Отрицательная сторона деятельности домашних учителей, и прежде всего иностранных, не могла оставаться незамеченной. М.В. Ломоносов добился аттестации таких педагогов и владельцев частных школ. Об этом говорилось в указе Сената от 5 мая 1757 г. "О предварительном испытании в науках иностранцев, желающих определяться в частные дома для обучения детей, и о взыскании штрафа с тех, которые примут к себе в дом и станут держать учителя, не имеющего должного аттестата" [ПСЗ, т.13, с.765]. По нему все иностранцы, занимающиеся в России учением и воспитанием юношества, обязаны были явиться на испытания в Петербурге в Акаде-

мию, а в Москве – в университет. Без аттестатов, удостоверяющих действительность их знаний, никто из них не имел права заниматься учением в частных домах или содержать частные пансионы. Лица, пригласившие к себе учителей без соответствующего документа, должны платить штраф в размере 100 рублей, а самих учителей следовало высылать за границу. М.В. Ломоносов, борясь за такой указ, рекомендовал более глубоко и основательно проверять знания претендентов на должность домашнего учителя, поскольку многие из иностранцев ничего, кроме своего природного языка, не знали. Установленный контроль за работой приезжих педагогов был необходим, основан на общественных интересах и сыграл свою положительную роль. Данный указ явился первым постановлением, имевшим целью прекратить доступ к домашнему учению невежественным учителям из числа иностранцев.

Расширение числа гимназистов потребовало увеличения численности учителей. Поскольку их было недостаточно, то М.В. Ломоносов предложил привлечь к преподаванию лучших студентов. Ректор мог для этих целей "потребовать из Университета способного студента; в случае нужды даже гимназист старшего класса может давать уроки в младших и средних классах, если ректор сочтет это полезным. При этом, однако, нужно следить за тем, чтобы никому не преграждалась дорога" [1, т.9, с.519]. В результате Семен Веденский вел средний "российский класс", т.е. уроки по русской грамматике; Иван Прыткой – нижний "российский класс", т.е. обучал чтению и письму; Игнатий Терентьев занимался с гимназистами арифметикой.

Усилиями М.В. Ломоносова удалось изменить состав преподавателей в гимназии, привлечь к работе в основном русских учителей. При нем к преподавательской деятельности были допущены Г.В. Козицкий, И. Терентьев, Я. Кожин, Н. Герасимов, С.И. Веденский, М.В. Студинский, М. Софронов, Б.А. Волков, И. Прыткой, И.Ф. Шишкарев. Следует отметить, что основной контингент молодых учителей формировался из людей, которые позднее составили разночинную интеллигенцию [4].

Большое внимание М.В. Ломоносов уделил такой проблеме, как установление рабочих, деловых отношений между преподавателями, учеными. Он предложил "отсечь и отбросить прочь все, что препятствует пользе и успехам наук". Этому должны способствовать научные дискуссии, выработка единых требований к студентам. М.В. Ломоносов был сторонником равноправных отношений с обучающимися.

В целом идеи М.В. Ломоносова об учителях, преподавателях высшей школы имеют ярко выраженную гуманистическую направленность.

Он поставил проблему педагогического мастерства, дал подробную характеристику "искусному ритору" (лектору).

М.В. Ломоносов считал, что для плодотворного взаимодействия со слушателями ритору необходимо знать самого себя (эмоциональное состояние, свое отношение к тому, что говоришь); знать "нравы человеческие, должно самим искусством чрез рачительное наблюдение философское остроумие высмотрить", видеть состояние слушателей и понимать, "от каких представлений и идей каждая страсть возбуждается"; нужна сила красноречия, "самое к возбуждению служащее действие".

Возникновение интереса к изучаемому предмету в большой степени зависит от личности лектора. По мнению М.В. Ломоносова, это должен быть "добросердечный и совестный человек, а не легкомысленный ласкатель и лукавец; 2) ежели его народ любит за его заслуги; 3) ежели он сам ту же страсть имеет, которую в слушателях возбудить хочет, а не притворно их страстными учинить намерен, ибо он тогда не токмо словом, но и видом и движением действовать будет; 4) ежели он знатен породой или чином; 5) с важностью знатного чина и породы купно немало помогает старость, которой честь и повелительство некоторым образом дает сама натура" [1, т.7, с.167 – 168]. То есть лектор должен обладать положительными нравственными качествами личности, иметь собственное убеждение, отношение к тому, что говорит, надлежащий опыт. Необходимы также артистические данные, владение словом, мимикой. М.В. Ломоносов отмечал значение умения лектора владеть своим голосом, интона-

цией, быть остроумным. Он советовал ритору (лектору) знать психологические особенности аудитории: возрастные особенности слушателей; их пол, "ибо мужеский пол к страстям удобнее склоняется и скорее оные оставляет, но женский пол, хотя на оные еще и скоряе побуждается, однако весьма долго в них остается и с трудом оставляет" [1, т.7, с.167 – 168]; характер полученного воспитания, "ибо кто к чему привык, от того отворотить трудно"; образование людей в аудитории, "ибо у людей, обученных в политике и многим знанием и искусством важных, надлежит возбуждать страсти с умеренною живностию и с благочинною бодростию, предложениями важного учения исполненными; напротив того, у простаков и у грубых людей должно употреблять всю силу стремительных и огорчительных страстей, для того, что нежные и плачевные столько у них действительны, сколько лютна у медведей". М.В. Ломоносов предлагал лектору обращать внимание на тип личности человека-слушателя. Он выделил эмоциональный тип, тип практика и тип мыслителя. "Надлежит высматривать склонность слушателей, чувствами ли они больше увеселяются или разумом; последних хотя и мало бывает, однако для них должно вмещать при возбуждении радости важные и ученые предложения. В рассуждении последних надобно смотреть, чем они больше увеселяются, и по тому представлять им радость о данной материи".

М.В. Ломоносов рекомендовал лектору быть гибким в ситуации, правильно воспринимать "время, место и обстоятельства, в которых ему приходится выступать". Он сравнивал ритора с бойцом на поле боя: "Итак, разумный ритор при возбуждении страстей должен поступать, как искусный боец: уметь в то место, где не прикрыто, кому что больше нужно, пристойно и полезно".

Главной задачей лектора, по его мнению, является формирование у слушателей зрительных образов: "Больше всех служат к движению и возбуждению страстей живо представленные описания, которые очень в чувства ударяют, а особливо как бы действительно в зрении изображаются... Искусный ритор при возбуждении и утолении страстей должен стараться, как бы подобные случаи так живо слушателям в слове изобразить, чтобы они предполагаемое

дело как перед глазами ясно видели" [1, т.7, с.169 – 170]. Решение этой задачи до сих пор остается актуальнейшим.

Для практики риторика важным являются указания М.В. Ломоносова о снятии отрицательных эмоций, например печали. Он предлагал внушать слушателям: 1) "что им за потеряние одного добра другое возвратится, равное или еще большее, 2) что от лишения одного будет им честь или вечная слава, 3) что они имеют в той печали себе товарищей, 4) что жизнь человеческая таким переменам подвержена и что большие, знатнейшие и сильнейшие то же часто претерпевают, 5) что в печали великодушие весьма похвально, 6) что печалью и сокрушением потерянного добра возвратить невозможно, 7) особливо должно ободрять надеждою..." [1, т.7, с.175]. В этих положениях мы встречаем элементы современной аутогенной тренировки.

Опытный лектор, как считает М.В. Ломоносов, должен возбуждать любовь к себе, другим людям и к тому предмету, о котором ведет речь. Он дал определение любви в широком смысле слова, довольно глубокое и своеобразное: "Любовь есть склонность духа к другому кому, чтобы из его благополучия иметь услаждение. Сия страсть по справедливости называться может мать других страстей, ибо часто для любви веселимся, плачем, уповаем, боимся, негодуем, жалеем, стыдимся, раскаиваемся и прочая.

Любовь сильна, как молния, но без грома проникает, и самые сильные ее удары приятны. Когда ритор сию страсть в слушателях возбудит, то уже он в прочем над ними торжествовать может" [1, т.7, с.176]. В педагогическом отношении важен нравственный аспект данного чувства, на который обращает внимание М.В. Ломоносов.

Для возбуждения любви М.В. Ломоносов предлагал внушить человеку, что он добр, честен, высоконравствен, что ритор ему "подобен", склонен любить те же вещи, что и слушатель. Надо убедить каждого конкретного человека в аудитории, "что он приятен в общительстве и ведет себя честно, 9) что их за очи хвалит, 10) что никого не осуждает и не переговаривает, 11) что никогда не злобствует и обид, себе учиненных, не помнит, 12) что гневным уступает, 13) что удивляется знатным их делам, 14) что, в одном с ними деле

упражняясь, им же подражает, не для того чтобы их превзойти, но только чтобы им последовать, 15) что открывает им свои тайны и поступает нескрывтно, 16) что в дружбе поступает верно, в очи и за очи, в счастье и несчастье, 17) что их почитает..."

Положительной стороной деятельности М.В. Ломоносова является его ориентация на природного российского учителя, подготовка которого должна отвечать общественным потребностям. Благодаря М.В. Ломоносову в русскую педагогику были введены четкие требования к личности педагогов, результатам их деятельности, заложены основы педагогической этики.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений: В 11 т. / Гл. ред. С. И. Вавилов. - М., Л: АН СССР, 1950 - 1959, 1983.
2. По вопросу о домашнем учении // ЖМНП. - 1867. № 1. - С. 117 - 159.
3. Новиков Н. И. Избранные педагогические сочинения / Сост. Н.А. Трушин; Под ред. М.Ф. Шабаевой. - М.: Учпедгиз, 1959.
4. Штрэнге М.М. Демократическая интеллигенция России в XVIII веке. - М.: Наука, 1965.

XI. Развитие М.В. Ломоносовым русской педагогической терминологии

Еюбая отрасль науки имеет определенную терминологию, отражающую систему и специфику научного знания. Педагогическая терминология представляет собой "совокупность терминов, закрепляющих важнейшие понятия педагогической науки. Термины (с лат. предел, граница) – это точно ограниченные в научном и практическом смысле обозначения педагогических понятий" [1, с.5].

Исследование педагогической терминологии, ее состояния в Ломоносовский период в историко-педагогической литературе не проводилось. Лишь в работе Б.Б. Комаровского дан анализ языка педагогической науки и терминологического творчества со времен Киевской Руси до современности. Автор раскрыл условия развития педагогической терминологии в XVIII веке, показал некоторые группы понятий, употребляемых в литературе того времени. Однако в книге не нашло отражения педагогическое творчество М.В. Ломоносова.

При изучении данной проблемы нами использовались толковые словари XI – XVII и XVIII веков, работы В.В. Виноградова, А.Н. Кожина, Ю.С. Сорокина и др. В словарях собрано приблизительно по 60 тыс. слов, наиболее употребляемых в русском языке исследуемого периода. Они характеризуют социально-экономические отношения, быт, сельское хозяйство, состояние культуры. Особый интерес у нас вызвали педагогические термины. Из всех изданных тринадцати выпусков "Словаря русского языка XI – XVII вв." и трех выпусков "Словаря русского языка XVIII в." нами подготовлен каталог из 2966 слов, включающих понятия и определения, связанные с проблемами воспитания, обучения, формирования различных качеств человека:

Признаки аналитических групп каталога	Объем каталога	Качества воспитуемого	
		поло- жит.	отрицат.
Черты, качества, свойства воспитуемого	1585	506	1079
Черты, качества учителя, наставника	147		
Методы, способы, приемы педагогики	484		
Категории, понятия нау- ки, культуры, языка	354		
Прочее	396		
Общий словарный запас каталога	2966		

Данные каталога использовались нами не только для сравнения, но и для установления связи научной терминологии с литературным и народным языком.

Для выявления педагогических терминов, употребляемых различными деятелями XVIII века, в том числе и М.В. Ломоносовым, мы провели контент-анализ текстов их работ. Это дало возможность не только получить сравнительный материал по данной проблеме, но и увидеть состояние, развитие педагогической терминологии в середине XVIII века, выявить факторы, повлиявшие на ее формирование. К ним относим социально-экономические преобразования Петра I, развитие культуры, усиление западноевропейского влияния в просвещении и науке, государственный интерес к образованию общества, складывание системы народного образования, расширение переводческой деятельности. Особенность русской педагогической терминологии состоит в ее народных истоках, в опоре на народную педагогику.

Академик В.В. Виноградов отмечал, что уже в начале XVIII века широкое распространение получили латинский и немецкий языки. Латинский язык был языком мировой науки и сыграл огромную роль в выработке отвлеченной научно-политической, гражданской, философской терминологии. "Новый быт, расширяющееся техническое образование, смена идеологических вех – все это требовало новых форм выражения. Новые интеллектуальные запросы общества удовлетворялись с помощью перевода на русский язык понятий, выработанных западноевропейскими языками, или с помощью словарных заимствований" (В.В. Виноградов). Процесс европеизации коснулся не только публицистической, общественно-бытовой лексики, но и научной. При этом происходило не просто заимствование понятий, а приспособление их, переосмысление, иногда смешение. "Стилевые потоки в языке русской письменности были упорядочены М.В. Ломоносовым в его учении о трех стилях единого литературного языка; вследствие этого была заложена основа литературного нормированного словоупотребления в рамках триединой системы речевых средств национального языка, открыт путь в определенные жанры письменности широкому потоку оби-

ходно-разговорной речи, устранены устаревшие слова и грамматические формы, генетически связанные с языком церковно-книжной письменности" (А.Н. Кожин). Таким образом, на формирование педагогической терминологии в XVIII веке оказали влияние наличие и сочетание русского литературного языка, русского народного (разговорного), церковнославянского и заимствованных иностранных терминов.

Анализ текстов по выявлению педагогической терминологии позволил нам выделить следующие ее виды: общенаучные педагогические понятия, дидактические категории, воспитательные термины, школоведческую номенклатуру (Б.Б. Комаровский), а также психологические понятия. Педагогическая терминология включает в себя также названия оборудования, применяемого в учебном процессе, определение типов различных учебных заведений.

К общенаучным педагогическим терминам относятся прежде всего такие фундаментальные понятия педагогической науки, как воспитание, обучение, учение, преподавание, образование, педагогика. В первой половине XVIII века, как мы обнаружили, довольно стремительно пополнялась терминология, связанная с обучением и воспитанием. В "Юности честное зерцало" употреблялось понятие "научение", которое заменяло термин "воспитание". Однако мыслящие педагоги понимали, что научение свойственно и животным. Домашний учитель Г. Винский в книге "Мое время" писал: "О отцы, матери и все вы, от коих зависят дети! Войдите в подробнейшие разыскания разности между воспитанием и научением; пекитесь ваших чад прежде воспитывать, потом научать". Уже в первой четверти XVIII века Ф. Прокопович, Ф. Салтыков, а затем и М.В. Ломоносов пользовались категорией "воспитание". При этом первый русский академик употреблял также термины "воспитатель", "воспитывающиеся", "воспитать в младенчестве", "воспитание доброе". Широко понимая термин "воспитание", включая в него и образование молодежи, М.В. Ломоносов считал необходимым осуществлять сознательный подход педагога к ребенку в ходе воспитания, добиваться гибкости воздействия на ребенка, высказывался за "управление нравами". Он не просто употреблял данный термин, а дал ему на-

учное толкование. В отличие от своих предшественников М.В. Ломоносов пользовался им широко, хотя изредка применял слово "научение", подразумевая под ним не воспитание, а обучение. Так, в "Определении Канцелярии АН о приеме в гимназию сыновей Г.-В. Рихмана" от 31 октября 1761 г. он просил определить двух малолетних детей покойного профессора Вильгельма и Фридриха в академическую гимназию "для научения языкам и наукам на казенном содержании" [2, т.9, с.588], при этом более часто использовался термин "обучение", "учение". Если у Ф. Прокоповича говорится не только об учении, а и о наставлении, изучении наук, чтобы сформировать "просвещенного человека", то И. Посошков увеличил число подобных понятий и употреблял не просто термин "учение", а разделял его на "книжное и грамматическое". Кроме того, у него мы встретили и такие слова, как учение, научение, обучатися, навыкай. Вместо "преподавания" он использовал термин "научиши". В.Н. Татищев также довольно часто пользовался словами обучение, обучать, учение, учиться, наученье. Однако не обнаружили у него употребление понятий "воспитание" и "преподавание", в то время как в трудах М.В. Ломоносова широко применялись такие термины, как обучение, учение (истинное), учить, учёный россиянин, преподавать, преподаватели, просвещение. Ценным является то, что и В.Н. Татищев, и М.В. Ломоносов различали понятия "обучение" и "учение". Если первое они связывали больше с деятельностью учителя, то второе, – с добросовестным отношением детей к познанию предметов. И в том, и в другом случае успешность обучения они видели в образе учения (приемах и методах). В.Н. Татищев писал, что есть "учение доброе и основательное", а есть и "неразумное". Основу учения он видел в "основательности" знаний. Ни один из педагогов петровской и послепетровской эпохи не употреблял термин "содержание образования", хотя каждый из них занимался решением данной проблемы.

В педагогическом смысле понятие "образование" первым стал употреблять Н.И. Новиков, но в ломоносовский период чаще использовали в качестве его синонима "просвещение" (просвещенный ум, человек, юноша).

Довольно часто применялось слово "науки". Как В.Н. Татищев, так и М.В. Ломоносов ратовали за "произвождение, размножение, совершение (исследование) наук", поиск новых отраслей научного знания.

В педагогических произведениях ломоносовского периода отсутствует термин "педагогика", хотя он употреблялся в западноевропейской литературе, прежде всего Я.А. Коменским и немецкими учеными. Лишь в "Проекте регламента академической гимназии" (1758 г.) М.В. Ломоносов предлагал учредить при гимназии по образцу некоторых государств педагогию для знатных дворян [2, т.9, с.521], под которой он понимал пансион. Вероятно, на него оказывало влияние действовавшее в Германии подобное учреждение Франка [3].

Хотя М.В. Ломоносов не употребил в своих сочинениях термин "педагогика", однако у него есть выражение "педагогические расходы", под которыми он имел в виду деятельность учителей по обучению детей. Ученый не пользовался и таким словом, как "педагог", заменяя его воспитателем, учителем, преподавателем, ритором, лектором, профессором. В толковых "Словарях русского языка" [4] находим наиболее употребляемые термины, которыми обозначались педагоги в конце XVII – нач. XVIII в.: дидаскал (учитель, наставник), дидаскальство (наставничество, учительство), кормительство (управление, руководство, наставление), лжеучитель (лживый, мнимый учитель), любословец (тот, кто любит науки, ученый), магистр (учитель, наставник), мастер (учитель), наставник (учитель, руководитель), научитель (тот, кто научает, прививает навык к чему-либо), начальник (наставник, учитель), обучатель (учитель, наставник), оратор. Термин "педагог" в них не зафиксирован. Вероятно, в этом не было необходимости, поскольку набор слов в русском языке для обозначения учителя был достаточно широк.

Среди дидактических терминов выделяется группа понятий, которыми обозначались названия учебных предметов. Уже в указах Петра I были выделены гуманитарные и естественные науки. Первые включали в себя родной язык, грамматику, риторику, иностранные языки (французский, немецкий, латинский), историю

(деяния, летописи, генеалогия, хронологию), логику, метафизику, законоучение. Естествознание было представлено арифметикой, геометрией, географией, астрономией, анатомией, ботаникой, физикой (теоретической и экспериментальной), химией. В военных заведениях вводилось изучение артиллерии, фортификации, навигации и т. д. Следуя принципу светскости образования, Петр I предложил обучать молодых людей акциям (театральным представлениям), живописи (рисованию), оратории (музыке), плясанию (танцам). Во всех учебных заведениях преподавались катехизис, священное писание, теология. "Для упрощения терминологии некоторые авторы пытались создавать русские термины путем калькирования иностранных, например: геометрия – землемерие, география – землеописание, оптика – видение, акустика – слушание, анатомия – расчленение. Однако они не прижились, и в русском языке закрепились международные термины" [1, с. 71].

Особое место в дидактических терминах занимает обозначение различных методов и приемов. Если у Ф. Прокоповича выделяются экзерциции, экзамены, то у М.В. Ломоносова обнаружили следующие термины: вопрос (ученику), вызов (для ответа), объяснение, выдержать испытание, выучить, вытвердить, изустъ твердить, диспут, домашние и школьные упражнения (экзерциции), дневное задание, задача, лекции, лабораторное задание, наставление школьников (в обучении), награждение (лучших), наказание (ленивых), опыты, переводы (текстов), проверка знаний, приводить примеры, толковать понятия, рассуждать, сочинение, слушание наук, указания (к изучению), учительский спрос, чтение лекций, экзамены, эксперимент, практика. Помимо перечисленного М.В. Ломоносов использовал беседы, аргументацию научных положений, дискуссии, рассуждения. Он первым в истории русской педагогики систематизировал методы и приемы обучения.

Кроме того, среди дидактических терминов, употребляемых ученым, имеются слова, относящиеся к характеристике классно-урочной системы. Он ввел в обращение понятия класс, урок, классные табели, каждый год (имея в виду учебный), полугодие (учебное), перевод из класса в класс, распорядок преподавания, расписа-

ние занятий, учебные программы, табель, вакации, аттестат, аудитор. М.В. Ломоносов разработал основы классно-урочной системы как организационной формы обучения. Для обозначения обучающихся он пользовался терминами – молодые люди, студенты, ученики (средний, худший, лучший), юноши, школьники, гимназисты, дети, подростки.

Воспитательные термины отражали цели и идеалы воспитания. Если в "Духовном регламенте" Ф. Прокоповича порицались трусость, грубые обычаи, драчливость, тупость ума, а у В.Н. Татищева – буйство, бранливость, безделье, глупость, гордость, жестокость, злость, леность, невежество, хвастовство, то у М.В. Ломоносова набор различных качеств личности представляет собой следующее:

Отрицательные качества	Положительные качества
беспорядочность	благочестие
боязнь	благородство
бешенство	благодаяния
безумие	воспитанность
жестокосердность	воздержанность
зависть	великодушие
злоба	вежливость
лютость	внимательность
лукавство	добродетельность
лицемерие	добросердечность
леность	душевные дарования
легкомысленность	дружелюбие
мщение	искусность
малодушие	кротость
молчаливость	красота (внутренняя)
нерадивость	любление к наукам
неспособность	милосердие
ненависть	мудрость
нечестие	милостивость
нечистота	охотливость к учению
нетерпеливость	опрятность
непостоянство	остроумие
насмехаться	патриотизм
неблагодарность	прилежность
нетерпеливость	правильный образ мышления
праздность	и добрые нравы

продерзливость
резвость чрезвычайная
ревность
скупость
сварливость
самохвальство
слабость
упрямство
хитрость
шаловливость
ярость

простосердечие
постоянство
послушание
правдивость
счастье
смелость
стыдливость
скромность
совестливость
терпение
трудолюбие
усердие
ум
честь
щедрота

Термины, используемые М.В. Ломоносовым, во многом созвучны с теми, что употреблялись в литературном языке, народной речи. Например, в XVIII веке, судя по толковым словарям, ценились такие качества, как безукоризненность, безленность, бесстрастность, благосклонность, благодарность, благодетельность, благодушие, бесхитростность, вежливость, верность и т.д. Среди отрицательных черт назывались легкомыслие, неблагодарность, праздность, жестокость, сварливость, леность, безбожие, враждолюбие, злобность, коварство, невоздержанность, грубость, невежество и т. д.

Превышение отрицательных качеств над положительными, вероятнее всего, свидетельствует о стремлении взрослых предупредить формирование нежелательных сторон личности в молодом возрасте. В этом проявилась народная мудрость, основанная на терпеливости воспитания.

В работах М.В. Ломоносова выявлены термины, которыми он обозначил методы воспитания. Ученый предлагал использовать наблюдение за поведением молодых людей, вовлечение их в многоплановое общение, наставление на добрые дела, похвалу и одобрение хорошему поступку, награждение за заслуги. Вместе с тем среди методов наказания М.В. Ломоносов выделял внушение, выговор,

запрещение, принуждение, физическое наказание, исключение из гимназии и т. п. Он ориентировал учителя на развитие положительных начал в ребенке, отрицал насилие над ним, предлагал воздействовать на детское сознание, чаще прибегать к поощрению.

Педагогическая терминология М.В. Ломоносова включает в себя и школоведческие термины, которыми обозначены различные научные и учебные заведения – академия, университет, институт, гимназия, училище, школы нижние, школа русская, школа латинская, школы Спасские, семинария. Кроме того, он пользовался такими словами, как факультет, баллотироваться, диплом, диссертация, ректор, проректор, вице-президент, адъюнкт, магистр, вакансии, директор, академик, члены Академии наук, инспектор гимназии, куратор университета: и т. п. Многие из них встречаются в уставах западноевропейских университетов и гимназий.

М.В. Ломоносов в своих работах использовал также понятия, обозначающие школьное оборудование: книги, тетради, перья, циркуль, лаборатория, доска, звонок.

На наш взгляд, важно обращение М.В. Ломоносова не только к педагогической, но и психологической терминологии. В этом также проявилось новаторство ученого, рассматривавшего человека как единое целое. Для обозначения возраста детей он применял следующие слова: малолетство, младенчество, возраст нежный, ребенок, дети, молодые люди, молодежь студенческая, учащаяся молодежь, подросток, юноша (юность), юные дворяне, юношество. Кроме того, М.В. Ломоносов выделил термин "пол ребенка", но нигде не употребил слова "мальчики и девочки". Предполагаем, что он выступал за совместное их обучение, считал это само собой разумеющимся. В противном случае М.В. Ломоносов в проектах регламентов должен был оговориться по данному вопросу, но этого он не сделал. В отличие от Ф. Прокоповича, Ф. Салтыкова, И. Посошкова он редко прибегает к слову "отрок". В работах его предшественников можно выделить употребление понятия младой отрок, отрочество, младенчество, молодое дите (у Ф. Салтыкова – дитё). Это показывает, что М.В. Ломоносов владел широким набором педагогиче-

ских терминов, его речь была значительно богаче, чем у других, причастных к образованию и воспитанию людей.

Ученый довольно часто использовал обширный набор таких психологических понятий, как ощущения, обоняние, осязание, вкушение, познание, развитие, воля, внимание, память, чувство, мышление, душа, душевные дарования, возбуждение и утоление страстей, природная острота, способности и т. д. Это свидетельствует о его стремлении всесторонне изучать природные задатки детей. Он даже употребил словосочетание – особенности класса, понимая под этим не только возрастные, но и природные различия молодых людей, обучающихся вместе. Из работ Д. Локка использовались такие термины, как ассоциация, воспитание воли и характера, индивидуальные, половые особенности; у Я.А. Коменского взяты понятия о возрастных интересах, особенностях, психологических функциях, методах изучения ребенка. Применение психологических данных и выражений в педагогике привело впоследствии к рождению новой науки – педагогической психологии.

Таким образом, М.В. Ломоносов заложил основы научной педагогической терминологии. В этом проявились понимание им сути педагогических явлений, богатый опыт литератора, лингвиста. Развитие и обогащение педагогической терминологии происходило прежде всего через использование понятий народной педагогики.

Часть терминов в русской педагогике заимствована из трудов Я.А. Коменского, Д. Локка, Ж.-Ж. Руссо. "Термины концентрации преподавания, законы, принципы и правила дидактики, критика догматизма, вербализм в обучении заимствованы из педагогики Коменского; соотношение логического и исторического, методы научного исследования – из педагогики Локка; естественное состояние, свободное воспитание, риск в воспитании, люди и вещи как факторы воспитания, сенсорно-моторное воспитание, принципы развития и свободы, индивидуальное воспитание – из трактата Руссо "Эмиль, или О воспитании" [1, с.88-89].

М.В. Ломоносов стремился к уничтожению многозначности педагогических терминов. Он, как истинный ученый, выступил сторонником четкого обозначения любого понятия и выделил мно-

гие научные категории в педагогике, которыми мы пользуемся до настоящего времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Комаровский Б.Б. Русская педагогическая терминология. - М.: Просвещение, 1969.
2. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений: В 11 т / Гл. ред. С.И. Вавилов. - М.; Л.: АН СССР, 1950 - 1959, 1983.
3. Паульсен Ф. Исторический очерк развития образования в Германии / Ред. Н.В. Сперанский. - М., 1908.
4. Словарь русского языка XI - XVII веков / Под ред. Ю.С. Сорокина. - М.: Наука, 1975 - 1987.
5. Словарь русского языка XVIII в. / Гл. ред. Ю.С. Сорокин. - А: Наука, 1977.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Бурные социально-экономические преобразования эпохи Просвещения способствовали тому, что гражданское общество XVIII века совершило "гигантские шаги к своей зрелости". Изменения в экономике стимулировали появление новой культуры – культуры Просвещения, характерной чертой которой был гуманизм. Упорядочение и систематизация "бесчисленного хаотичного познания" привели к рождению науки. Знания стали связываться с философией и практикой, что позволило обосновать философские основы мирового просветительства и обратиться к проблемам человека в обществе. Этого требовала новая социально-экономическая и историко-культурная ситуация в мире. Возникла потребность в новом типе человека, способного решать проблемы общества. Для этого необходимо было разработать новую теорию и практику воспитания, образования молодежи. К началу XVIII века развитие педагогических знаний в странах Западной Европы стимулировалось совершенствованием школьного дела, университетского образования. К этому времени ведущим стал философский факультет; были внесены изменения в методы академического преподавания (вместо толкования текстов внедрялись курсы лекций, систематически излагающие науку, широко распространились научные диспуты, семинары, приучавшие к исследованиям, и т. д.); в преподавании преобладал родной язык, латынь применялась в филологических курсах и богословии; занятия классической древностью перестали ставить своей целью подражательное творчество, античный мир начал изучаться с точки зрения новогуманизма, проникновения в дух древности ради гуманитарного образования; произошло официальное признание принципа свободы исследования и преподавания.

Отличие подходов определялось тем, что в эпоху Просвещения проявилось стремление ведущих стран раскрыть свой национальный характер, его отличия, национальные оттенки. Для данного периода эти идеи были прогрессивны, поскольку способствовали росту национального самосознания, осознанию культурно-национальной специфики.

Как показало наше исследование, на русскую педагогику оказали влияние достижения гуманистической западноевропейской педагогической мысли прежде всего через научное творчество и деятельность М. В. Ломоносова. Это выразилось не только в его обращении к идеям Я. А. Коменского, пиетистов Германии и др., но и в подходах ученого к организации школьного, университетского образования в России, в отборе форм и методов обучения, воспитания и т.п.

К началу ломоносовского периода в русской школе отсутствовал организационный порядок, не обращалось должного внимания на преимущества классно-урочной системы, не разрабатывались научно обоснованные методы и приемы обучения, воспитания и т. п.

Вместе с тем новые веяния в экономике, культуре, вызвавшие реформу образования, активизировали деятельность просветителей первой половины XVIII века. Ведущими среди них являлись И.Т. Посошков, Ф. Прокопович, В.Н. Татищев, Ф. Салтыков. Именно просветители начали осознавать идею ценности образования и систематического воспитания.

Для исследуемого периода характерным являлось развитие просветительной педагогики, которую отличали умеренность, надежда на реформы "просвещенного монарха", гуманизм, обращение к проблеме "человек и природа", "человек и общество", забота о быстром распространении образования в широких слоях населения. В истории русской педагогической мысли первой половины XVIII века выделено два периода: просветительная педагогика эпохи петровских преобразований (1700-1730 гг.) и просветительная педагогика ломоносовского периода (1741-1765 гг.), заложившая основы научной педагогики в России.

Ломоносовский период представляет собой особый этап в области научного педагогического знания. Заслуга М. В. Ломоносова состоит в том, что впервые в истории русской педагогики появилась научно обоснованная теория в области воспитания и образования юношества. При этом М.В. Ломоносов учитывал особенности развития новой русской культуры и понимал потребность общества в об-

разовании. Наше исследование показало, что системообразующими элементами педагогической теории ученого являются такие принципы, как естественно-научный подход к пониманию сущности педагогических явлений, гуманизм, демократизм, народность. Всю мощь своего таланта он отдавал развитию отечественной науки, просвещения и был сторонником широкого распространения образования, научных знаний во всех слоях русского общества. М.В. Ломоносов разработал программу развития высшей и средней школы. Он боролся за светскость образования, за создание единой бессловной системы обучения, которая была бы доступна всем. Русской школе М.В. Ломоносов принес огромную пользу как автор чрезвычайно ценных, широко распространенных учебников по грамматике, истории, естествознанию.

М.В. Ломоносов уделял внимание разработке педагогической терминологии на научной основе. Он обогатил понятийный аппарат педагогики, используя не только общепедагогические, но и дидактические, психологические и школоведческие понятия. Сам термин "педагогика" был введен в научный аппарат в середине XVIII века.

М.В. Ломоносов воспитал целую плеяду учеников, которые образовали прогрессивное течение в русской науке вообще и в педагогике в частности. Особенно ярко их деятельность проявилась в Московском университете.

Таким образом, осмысление ломоносовского периода в истории русской педагогики показывает, что основы отечественной научной педагогики заложил первый русский академик Михаил Васильевич Ломоносов. Его идеи, практическая научная и преподавательская деятельность представляют собой самобытную педагогическую теорию, основанную на естественнонаучном восприятии человека, развивающую прогрессивные начала в русской и мировой науке. Ломоносовский период появился в силу объективных обстоятельств социально-экономического и культурного развития страны в петровскую и послепетровскую эпохи. В нем обнаружился новый уровень интеграции разных культур – русской народной и западной, появилось новое качество педагогических идей, идущее от це-

лостного восприятия человеческой природы, от понимания ценности личности. Особенность идей М.В. Ломоносова заключалась в обращении молодежи к познанию, науке, в использовании интеллектуального богатства на благо Родины, в устремленности в будущее.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Айсберг А. Я. Самообразование в жизни М. В. Ломоносова / Советская педагогика. - 1986. - № 10. - С. 91 - 94.
2. Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра. - М.: Мысль, 1986.
3. Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства: XIV – XVIII вв. / Сост. Бабишин С. Д., Митюрлов Б. Н. – М.: Педагогика, 1985.
4. Антология педагогической мысли России XVII в. / Сост. Соловков И.А. - М.: Педагогика. 1985.
5. Астафуров В. И. М. В. Ломоносов. - М.: Просвещение, 1985.
6. Белявский М. Т. ...Все испытал и все проник: к 275-летию со дня рождения М. В. Ломоносова. - М.: МГУ, 1986.
7. Белявский М. Т. Ломоносов - наш первый университет. - М.: МГУ, 1961.
8. Белявский М.Т. М.В. Ломоносов и основание Московского университета. - М.: МГУ, 1955.
9. Бернштам Т. А. Русская народная культура Поморья в XIX - начале XX века: Этнографические очерки. - М.: Наука, 1983.
10. Бобровникова В. К. Педагогические идеи и деятельность М. В. Ломоносова. - М.: АПН РСФСР, 1961.
11. Буторина Т. С. М.В. Ломоносов и педагогическая мысль России XVIII века. - Вологда, 1989.
12. Буторина Т. С. Своеобразие народной педагогики поморцев // Советская педагогика. - 1989. - № 7. - С. 111 - 116.
13. Буторина Т.С. М.В. Ломоносов и педагогика. – Архангельск, 2001.
14. Вавилов С. И. Михаил Васильевич Ломоносов. - М.: АН СССР, 1961.
15. Васецкий Г.С. Мировоззрение М. В. Ломоносова. - М.: МГУ, 1961.
16. Васильцова З.П. Мудрые заповеди народной педагогики. - М.: Педагогика, 1983.
17. Гемп К.П. Сказ о Беломорье. - Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1983.
18. Данилевский В.В. Ломоносов на Украине. - Л: Газетно-журн. и кн. изд-во, 1954.

19. Данилевский В.В. Михаил Васильевич Ломоносов. - Л.: Знание, 1948.
20. Дикарева А.В. Развитие прогрессивных идей нравственного воспитания в русской педагогике второй половины XVIII века: Автореф. канд. дис. - Минск, 1983.
21. Днепров Э.Д. Советская литература по истории школы и педагогики в дореволюционной России. - М.: АПН СССР, 1979.
22. Доватор Р.Л. М.В. Ломоносов и российское просвещение // Советская педагогика. - 1986. - № 10. - С 86 - 91.
23. Егоров С.Ф. М. В. Ломоносов и развитие отечественной педагогики // Советская педагогика. - 1987. - № 2. - С. 95 - 101.
24. Жажда познания. Век XVIII: Советов Н. Вознося главу // ...Век просвещения: документы, мемуары, литературные памятники / Сост., предисл., вступ. статьи к документам и комментарии А. Орлова и Г. Смирнова. - М.: Молодая гвардия, 1986.
25. Искра-Перевалова Л.А. Вклад Ломоносова М. В. в развитие русской педагогической мысли в школе // Советская педагогика. - 1961. - № 11. С. 120 - 127.
26. История Московского университета / Под ред. Тихомирова М. Н. - М.: МГУ, 1955. - Т. 1.
27. Ишлинский А.Ю., Павлова Г.Е. М.В. Ломоносов – великий русский ученый. - М.: Педагогика, 1986.
28. Карпеев Э.П. М.В. Ломоносов - великий русский ученый энциклопедист. - Л.: Знание, 1986.
29. Карпеев Э.П. Михаил Васильевич Ломоносов. - М.: Просвещение, 1987.
30. Коровин Г.М. Библиотека Ломоносова. - М.: Л.: АН СССР, 1961.
31. Кудрявцев Б.Б. Михаил Васильевич Ломоносов. - 4-е изд. - М.: Физматгиз, 1961.
32. Кузнецов Б.Г. Творческий путь Ломоносова. - 2-е изд. - М.: АН СССР, 1961.
33. Кузьмин Н.Н. Низшее и среднее специальное образование в дореволюционной России. - Челябинск: Южно-Уральское издательство, 1971.

34. Кулябко Е.С. М.В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук. - М.; Л.: АН СССР, 1962.
35. Кулябко Е.С. Судьба библиотеки и архива М.В. Ломоносова. - Л.: Наука, 1975.
36. Курмачева М.Д. Петербургская Академия наук и М.В. Ломоносов. - М.: Наука, 1975.
37. Ламанский В.И. Ломоносов и Петербургская Академия наук. - М., 1865.
38. Лебедев Е.Н. Ломоносов. - М., 1990.
39. Летопись жизни и творчества М.В. Ломоносова. - М.; А: АН СССР, 1962.
40. Линков Я. И. М.В. Ломоносов – великий деятель русского просвещения (Биогр. очерк). - М.: МГУ, 1940.
41. Лихолетов И.И. Педагогические взгляды и деятельность Ломоносова // Советская педагогика. - 1961. - № 11 - С. 128 - 136.
42. Лихоткин Г.А. Ломоносов в Петербурге. - Л.: Лениздат, 1981.
43. Ломоносов М.В. Сборник статей и материалов. - М.; Л.: АН СССР, 1940 - 1983. Т. 1 - 8.
44. Лысцов В.П. М.В. Ломоносов – родоначальник русского просветительства (1711 - 1761). - Воронеж: ВГУ, 1961.
45. Лысцов В.П. М.В. Ломоносов о социально-экономическом развитии России. - Воронеж: ВГУ, 1969.
46. М.В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников. - М.; Л.: АН СССР, 1962.
47. М.В. Ломоносов и значение его деятельности для развития просвещения: Тезисы докладов Всесоюзной научно-практической конференции / Отв. ред. Ю.Ф. Лукин. - Архангельск: АГПИ, 1986.
48. М.В. Ломоносов и Север: Тезисы докладов Всесоюзной конференции / Отв. ред. С. Б. Лавров и др. - Архангельск, 1986.
49. М.В. Ломоносов о воспитании и образовании / Сост. Т.С. Буторина. - М.: Педагогика, 1991.
50. М.В. Ломоносов Полное собрание сочинений: в 11 т. / Гл. ред. С.И. Вавилов. - М., Л.: АН СССР, 1950-1959, 1983.

51. М.В. Ломоносов: 1711 – 1765: Сб. статей. – Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1961.
52. Максимов С. В. Год на Севере. – Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1984.
53. Медынский Е. Н. История русской педагогики: До Великой Октябрьской социалистической революции. – 2-е изд. – М.: Учпедгиз, 1938.
54. Меншуткин Б. Н. Жизнеописание Михаила Васильевича Ломоносова. – М.; Л: АН СССР, 1947.
55. Моисеева Г.Н. Ломоносов и древнерусская литература. – Л: Наука, 1971.
56. Мордовцев Д. О русских школьных книгах XVIII века. – М., 1862.
57. Морозов А.А. Ломоносов. – М.: Молодая гвардия, 1965.
58. Морозов А.А. Родина Ломоносова. – Архангельск: Сев.Зап. кн. изд-во, 1975.
59. Орлов В. Н. Русские просветители 1790 – 1800 гг. – М.: Госполитиздат, 1950.
60. Осипов В.И. Материалистические традиции Ломоносова в отечественном естествознании: Методические рекомендации для студентов. – Архангельск: АГПИ, 1985.
61. Павлова Г.Е., Федоров А.С. Михаил Васильевич Ломоносов. – М.: Наука, 1988.
62. Пекарский П. П. История Императорской Академии наук. – СПб., 1870. – Т. 1; 1872. – Т. 2.
63. Пенчко Н.А. Основание Московского университета – М.: МГУ, 1953.
64. Перевалов В.А. Ломоносов и Арктика: Из истории географической науки и географических открытий. – М.;Л.: Главсевморпуть, 1949.
65. Перевалова Л. А. Педагогические взгляды М. В. Ломоносова / Под ред. и с предисл. М. Ф. Шабоевой. – М.: Просвещение, 1964.
66. Петров В. М. Воспитание и обучение в древнерусском государстве IX-XV вв.: Автореф. канд. дис. – М., 1982.
67. Прокофьев М.А. Великий ученый, пламенный патриот // Советская педагогика. – 1986. – № 10. – С. 81 – 86.

68. Прудников В. Е. Русские педагоги-математики XVIII-XIX вв. - М.: Учпедгиз, 1956.
69. Радовский М.И. М.В. Ломоносов и Петербургская Академия наук. - М.; Л.: АН СССР, 1961.
70. Салимова К.И. и др. Очерки истории школы и педагогики за рубежом (с древн. времен до Великой французской революции). - М.: АПН СССР, 1988. - Ч.1.
71. Сибирцев И.М. К биографическим сведениям М. В. Ломоносова. - Архангельск, 1911.
72. Сеницына П.Т. М.В. Ломоносов и просвещение // Слово о Ломоносове / Сост. Г.Г. Фруменков. - Архангельск, 1983. - С. 132-142.
73. Слово о Ломоносове / Сост. Г.Г. Фруменков. - Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1983.
74. Смирнов С. История Московской славяно-греко-латинской академии. - М., 1865.
75. Соловьева В.П. К вопросу о педагогических взглядах и просветительской деятельности М. В. Ломоносова // М.В. Ломоносов 1711-1761. - Архангельск, 1961 - С. 105 -118.
76. Уткина Н.Ф. Михаил Васильевич Ломоносов: к 275-летию со дня рождения. - М.: Мысль, 1986.
77. Фруменков Г.Г. Великий гражданин // Архангельск, 1584 - 1984: Фрагменты истории. - Архангельск, 1984. - С. 101 - 112.
78. Ченакал В. Л. Музей М. В. Ломоносова. - Л.: Лениздат, 1970.
79. Чудинов И. А. Корпускулярная философия М. В. Ломоносова // Слово о Ломоносове - Архангельск, 1983. - С. 62 - 74.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Александр II - 32
Алпатов М.А. - 28
Алферов С.Ю. - 4
Ананьев Б. Г. - 33
Андреев И.А. - 29
Анисимов Е.В. - 7,8, 201
Анна Иоанновна - 49,59
Аничков Д.С. - 29
Арсеньев К.И. - 14, 26,40,73,74
Аскоченский В. - 12
Астафуров В.И. - 3, 29,201
Астраханский В.С. - 5
Афанасий Холмогорский - 35,39
Афонин И. - 16,29
Бабишин С.Д. - 4,10,21,125,204
Бак И.С. - 28
Баракевич - 36
Баранович Л. - 36
Барсов А.А. - 29,30,106,110
Барсов А.С. - 106
Бекетова Н.А. - 25
Белозерцев Е.П. - 34,39
Белокуров С.А. - 62,63,75
Белявский М.Т. - 3, 7, 29, 38, 163, 176,201
Берков П.Н. - 24, 29
Бернулли И.Д. - 31
Бернштам Т.А. - 115,116,118,125,201
Бетяев Я.Д. - 29
Бецкой И.И. - 143
Биллярский П.С. - 3, 19,27,30,139
Блок Г.П. - 29
Бобровникова В.К. - 33,34,39,111,155,161,176,201
Болотов А. - 66
Болховитинов Е. - 12
Браун И.А. - 106
Брикнер А. - 16
Брюзгин Ф. - 55,112,117
Будзько А.С. - 4
Булгаков М. - 7, 10,11,12,26,36,39
Булич Н. - 27
Буров А.А. - 4,7,54,60,75,762, 84, 176,185,196,201,203
Вавилов С.И. - 28,29,111,125, 144, 161
Варнава Важский - 35,36,118
Васецкий Г.С. - 5,29,201
Вдовина Л.И. - 7
Веденский С. И. - 181
Вейтбрехт И. - 31
Вергилий - 62
Веревкин М. - 12
Вернадский В.И. - 30
Вертинский Н.С. - 24
Виноградов В.В. - 28, 186,187
Виноградов Г.С. - 118,125
Виноградов Д.И. - 106
Винский Г. - 188
Вишневский Д. - 4,26,36,39
Владимиров П.В. - 65
Владимировский-Буданов М. - 4,7,41,42,45,54,61,65,74
Волков Б. А. - 181
Волков Г.Н. - 100,112,122,124
Воловик А.А. - 5
Волынский А.П. - 15,24
Вольтер - 16,24,152,159,165,174
Вольф Х. - 31,104
Вомперский В.П. - 28
Воронов А.С. - 45,55,66,75
Ганелин Ш.И. - 4,7,54,75
Геллерштейн Л.С. - 4
Гемп К.П. - 118,121,125,201

Генкель - 51
 Герасимов Н. -181
 Герье В. - 44,74
 Гинтер - 46,1591, 153
 Глюк - 18, 46,62,71
 Гмелин И. - 31
 Голубцов И.И. - 101
 Гольдони - 174
 Гораций - 160
 Готшельд - 159
 Граудина Л.К. - 28
 Григорьев В.В. - 7
 Грот Я.К. - 28, 103, 111
 Груздев П.Н. - 25
 Гурвич Д. М. - 28
 Данилевский В.В. - 3, 12, 29, 201, 202
 Делиль Ж. - 31
 Демидов П.А. - 53
 Демков М. И. - 4, 7, 29, 38
 Деревцов И. А. - 4
 Державин Г. - 65
 Десницкий С. Е. - 16, 29
 Дидро - 174
 Днепров Э.Д. - 4, 7, 21, 41, 75, 202
 Добрусин Д. Л. - 4
 Додон Л. А. - 4
 Дружинин Н. М. - 7,29
 Егоров В. И. - 5
 Егоров С. Ф. - 4, 33, 144, 202
 Екатерина II - 28,
 Елизавета Петровна -16,51,73,79
 Елисеев А. А. - 28, 29, 33
 Ефимов А. И. - 28
 Жарова Л. В. - 33
 Жураковский Г. Е. - 7, 64, 75
 Закалюжный М.Н. -10
 Замысловский Е. - 10, 26
 Западов А.В. -21, 24
 Зернова А.С. - 21
 Зерцалов А.Н. - 62, 63, 75
 Зиза В. И. - 7, 45, 55, 75
 Зиновьев С. И. - 33, 34, 39
 Знаменский .В. - 7, 58, 75
 Зыбелин С. Т. - 16, 29
 Иванов И. - 45, 49, 274
 Иванов П.В. - 5
 Извеков Д. - 7, 68, 76
 Искра-Перевалова . А. - 32, 202
 Истрина М.В. - 21
 Каница - 159
 Капица П.Л. - 9
 Кантемир Д. - 70
 Каптерев П.Ф. - 4, 7, 31, 32, 38
 Каратаев Н.К. -28
 Кардашевский - 36
 Карпеев Э. П. - 4, 29, 30, 202
 Кафенгауз Б.Б. - 7, 28
 Кедров Б. М. - 28
 Кедров Н. И. - , 58, 75
 Климов Е. А. - 33
 Ключевский В. О. -73, 75
 Князев Г. А. - 29
 Князьков С. А. - 7, 45
 Кожин А. Н. - 186, 188
 Кожин Я. - 187
 Козицкий Г. В. - 172, 276, 181
 Колчин Б. А. - 139
 Кольцов В. А. - 33
 Комаровский Б. Б. - 177, 179, 186, 188, 196
 Коменский Я. А. - 18, 19, 20, 62, 67, 69, 109, 147, 149, 161, 174, 190, 195, 198
 Константинов Н. А. - 4, 7, 38, 67, 75
 Коньков Н. Л. - 35, 39

Корнелий Непот - 62, 158, 160
 Коровин Г. М. - 4, 29, 202
 Королев Ф.Ф. - 4
 Кошелева О. Е. - 4
 Кошелева О.С. - 41
 Котельников С. Г. - 19, 66, 70
 Котельников С. К. - 104, 174
 Кравец Т.Б. - 29
 Краснобаев Б.И. - 8
 Крашенинников С. П. - 101, 165
 Крафт Г. - 31, 70
 Крестинин В. В. - 35, 120, 125
 Кузнецов Б.Г. - 4, 29, 202
 Кузнецов И. В. - 28
 Кузьмин А. Г. - 5
 Кузьмин Н. Н. - 4, 7, 21, 202
 Кукушкина М.В. - 23
 Кульчицкий - 36
 Кулябко Е. С. - 19, 28, 30, 31, 38, 203
 Куник А. А. - 3
 Куратов А. А - 114, 125
 Курас Г. - 161
 Куро Т. И. - 7, 45
 Курций - 158, 160
 Ламанский В. И. - 3, 28, 30, 101, 111, 203
 Ланчинский - 162
 Лебедев В. И. - 45, 101
 Лебедев Н. А. - 7, 26, 48, 49, 74, 75
 Лейбниц - 43, 44
 Лепехин И.И. - 27, 173
 Линней К. - 31
 Лихачев Д.С. - 113, 125
 Лихачева Е. - 65, 66, 75
 Лихтенштейн Е.С. - 21
 Локк Д. - 195

Лопатинский Ф. - 24
 Лосовиков И. - 101
 Луппов С. П. - 21, 22, 24, 69, 76
 Лысцов В. П. - 7, 28, 29, 144, 203
 Мавродин В.В. - 7
 Матюша И. К. - 4
 Медынский Е. Н. - 4, 7, 21, 67, 93, 100, 204
 Меншуткин Б. Н. - 4, 28, 30, 100, 111, 204
 Месальер - 179
 Месеняшин И. А. - 4
 Миллер Г.Ф. - 31, 107, 264
 Миних - 49, 50
 Митюрлов Б. Н. - 4, 10, 18, 21, 125, 201
 Могила П. - 11
 Модерах - 130, 178
 Модзалевский Б.Л. - 20, 28
 Молчанова Г.П. - 4
 Мольер - 152, 159, 174
 Морозов А. А. - 4, 29, 36, 37, 39, 204
 Мосгейм - 159
 Неустроев А.Н. - 21
 Нечаев Н.В. - 4, 61, 88
 Ничик В.М. - 5
 Новиков Н.И. - 25, 180, 176, 181, 185, 189
 Овсянников О. В. - 56, 114
 Орлов А.С - 37, 202
 Орлов Г.Г. - 28
 Оришин А. Д. - 28
 Павлова Г.Е. - 4, 29, 30, 111, 202, 204
 Палкин Б. Н. - 7, 61
 Панкратов В. Ф. - 5
 Папаригопуло С.В. - 7, 45

- Пекарский П.П. – 3, 7, 10, 11, 15, 18 19, 26, 28, 30, 65, 66, 76, 101, 162, 176, 204
- Пенчко Н.А. – 19, 30, 37, 39, 204
- Пеплие - 152, 159
- Перевалова Л.А. - 32, 34, 38, 144, 161, 202, 204
- Петр I - 8, 9, 11, 14-19, 26, 35, 40, 42, 44, 46, 49, 53, 54, 58, 61, 63, 65, 66, 68, 70, 71, 74-76, 78, 90, 93, 101, 116, 117, 143, 162, 187, 190, 191, 201
- Петров В.Н. - 4
- Петров А.А. - 5
- Пискунов А.И. - 4
- Плеханов Г.В. - 27, 29, 38, 124, 126
- Поварова Е.В. - 4
- Полетика Г. - 42
- Политур Н.Р. - 28
- Полоцкий С. – 12, 17
- Поляков А. - 101
- Попов Н.И. - 106
- Поповский Н. Н. – 29, 30, 106, 110, 172, 173
- Порошин С. - 24
- Посошков И. Т. - 5, 6, 30, 44, 74, 81-83, 93, 94, 100, 189, 194, 198
- Прокопович Ф. - 5, 6, 12, 24, 30, 44, 69, 74, 77, 81, 84, 85, 90-93, 97, 100, 188, 189, 191, 192, 194, 198
- Протасов А.П. - 104
- Прутковская Р.А. - 4
- Прыткой И. - 181
- Равкин З.И. - 4
- Разумовский К.Г. - 173
- Расин - 152, 159
- Рассохин Л. - 70
- Реомюр Р. - 31
- Рождественский С. В. - 4, 7
- Румовский С. Я. - 70, 166
- Румянцева В. С. - 7, 41
- Руссо Ж.-Ж.- 174, 195
- Рыбаков Б. А. - 7, 8, 26, 28, 74
- Салтыков Ф. С. - 5, 6, 44, 66, 77-81, 99, 188, 194, 198
- Сахаров А. М. – 8, 28
- Светоний - 160
- Свиденко В.С. - 21
- Семенников В.П. - 21
- Семенова Л.Н. - 100
- Сербов Н.И. - 45
- Сервантес - 174
- Сибирцев И. М. - 3, 28, 205
- Сиповский В.В. – 10, 26, 28, 40, 74
- Скорняков-Писарев - 54
- Смирнов А.А. - 4
- Смирнов А.В. - 7, 32
- Смирнов С.С. –7, 12, 205
- Смотрицкий М. – 12, 102
- Соболевский А. И. – 10, 21, 41, 74
- Соколов М.В. - 33
- Сократ - 24
- Соловьев И.М. - 37, 39
- Соловьев С.М. - 7, 45, 64, 75
- Сорокин Ю. С. - 186, 196
- Софронов М. - 101, 181
- Стоюнин В.И. - 4
- Струминский В.Я. – 7, 67, 75
- Студинский М.В. - 181
- Сухомлинов М.И - 3, 7, 28
- Сычев-Михайлов М.В. - 4, 30, 38
- Тамаринский Ф. - 101
- Татищев В. Н. - 5, 6, 24, 30, 44, 48, 61, 74, 77, 85 – 90, 93-100, 189, 190, 192, 198

Тацит - 160	Чехов Н. В. - 67, 75
Терентьев И. - 181	Чистович И. А. - 36, 39, 75
Тессинг - 68	Чистович Я. - 55, 61
Тихомиров М. Н. - 28, 202	Черная Л. А. - 4
Третьяков И. А. - 6, 29	Чума А. А. - 18-19
Троицкий С. М. - 7	Шабаева М. Ф. - 4, 38, 100, 125, 144, 161, 185, 204
Трушин Н. А. - 4, 185	Шекспир - 174
Тюличев Д. В. - 21-24, 26, 76	Шиллер - 174
Ушинский К. Д. - 113, 125	Шишкарев И. Ф. - 181
Федоров А. С. - 4, 29, 111, 204	Шмидт Е. К. - 9, 26
Филарет - 11	Шмидт Я. Ф. - 171
Фишер А. - 10, 26	Штелин Я. Я. - 12, 27
Флор - 160	Штранге М. М. - 185
Фомин А. И. - 35	Шувалов И. И. - 16, 36, 37, 38, 52, 109, 172
Фонвизин Д. И. - 4, 180	Шумахер - 103, 104
Фруменков Г. Г. - 28, 205	Эйлер Л. - 19, 31, 44
Хмельницкий Б. - 12	Юхт А. И. - 5
Христова Е. Л. - 112, 125	Янин В. П. - 7, 125
Хропкевич - 36	Янкович Ф. И. - 4, 75, 155
Цицерон - 158, 160	

П Р И Л О Ж Е Н И Я

М.В. Ломоносов

О сохранении и размножении российского народа¹

Милостивый государь Иван Иванович.

Разбирая свои сочинения, нашел я старые записки моих мыслей, простирающихся к приращению общей пользы. По рассмотрении рассудилось мне за благо пространнее и обстоятельнее сообщить их вашему высокопревосходительству яко истинному рачителю о всяком добре любезного отечества в уповании, может быть, найдется в них что-нибудь, к действительному поправлению российского света служащее, что вашим проницательством и рачением разобрано, расположено и к подлинному исполнению приведено быть может. Все оные по разным временам замеченные порознь мысли подведены быть могут, как мне кажется, под следующие главы:

1. О размножении и сохранении российского народа.
2. О истреблении праздности.
3. О исправлении нравов и о большем народа просвещении.
4. О исправлении земледелия.
5. О исправлении и размножении ремесленных дел и художеств.
6. О лучших пользах купечества.
7. О лучшей государственной экономии.
8. О сохранении военного искусства во время долговременного мира.

Сии толь важные главы требуют глубокого рассуждения, долговременного в государственных делах искусства к изъяснению и предосторожной силы к произведению в действо. Итак, м.г., извините мою дерзость, что, не имея к тому надобной способности, касаюсь толь тяжкому бременю только из усердия, которое мне не позволяет ничего (хотя бы только и по-видимому) полезного обществу оставить под спудом. Начало сего полагаю самым главным делом: сохранением и размножением российского народа, в чем состоит

---

¹ Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений: В 11 т. – Т.6. /Гл. ред. С. И. Вавилов. - М., Л.: АН СССР, 1950 - 1959, 1983.

величество, могущество и богатство всего государства, а не в обширности, тщетной без обитателей. Божественное дело и милосердия и человеколюбивыя наша монархини кроткого сердца достойное дело – избавлять подданных от смерти, хотя бы иные по законам и достойны были. Сие помилование есть явное и прямо зависящее от ея материнския высочайшия воли повеления. Но много есть человекоубивства и еще некоторых, под именем узаконений вскоренившихся, истребить невозможно.

1

В обычай вошло во многих российских пределах, а особливо по деревням, что малых ребят, к супружеской должности неспособных, женят на девках взрослых, и часто жена могла бы по летам быть матерью своего мужа. Сему, с натурою спорному поведению следуют худые обстоятельства: слезные приключения и рода человеческого приращению вредные душегубства. Первые после женитьбы лета проходят бесплодны, следовательно, такое супружество – не супружество и сверх того вредно размножению народа, затем что взрослая такая женщина, будучи за ровнею, могла бы родить несколько детей обществу. Мальчик, побуждаем будучи от задорной взрослой жены, усиливанием себя прежде времени портит и впредь в свою пору к детородию не будет довольно способен, а когда достигнет в мужеский возраст, то жена скоро выйдет из тех лет, в кои к детородию была способнее. Хотя ж она и в малолетство мужнее может обрюхатить непозволенным образом, однако, боясь беславия и от мужних родителей попреку и побоев, легко может поступить на детоубивство еще в своей утробе. Довольно есть и таких примеров, что, гнушаясь малым и глупым мужишком, спознавается жена с другим и, чтоб за него выйти, мужа своего отравливает или инако убивает, а после изобличена предается казни. Итак, сими не порядками еще нерожденные умирают и погибают повинные и неповинные. Второе неравенство в супружестве бывает, когда мужчина в престарелых летах женится на очень молодой девушке, которое хотя и не столь опасно, однако приращению народа вредно, и хотя непозволительною любовию недостаток может быть наполнен, однако сие недружелюбия, подозрения, беспокойства и тяжёб в наследстве

и больших злоключений причиною бывает. Для сего вредное приумножению и сохранению народа неравенство супружества запретить и в умеренные пределы включить должно. По моему мнению, невеста жениха не должна быть старше разве только двумя годами, а жених старше может быть 15 летами. Сие для того, что женщины скорее старятся, нежели мужчины, а особливо от частой беременности. Женщины рожают едва далее 45 лет, а мужчины часто и до 60 лет к плодородию способны. Всего сходнее, ежели муж жены старше от 7 до 10 лет. Хотя ж по деревням и показывают причины, что женят малых ребят для работниц, однако все пустошь, затем что ежели кто семью малую, а много пашен или скота имеет, тот наймуй работников, прими третьщиков или половинщиков, или продай излишнее другому.

2

Неравному супружеству много подобно насильное, ибо где любви нет, ненадежно и плодородие. Несогласия, споры и драки вредят плоду зачатому и нередко бывают причиною безвременному и незрелому рождению. Для того должно венчающим священника накрепко подтвердить, что(б) они, услышав где о невольном сочечтании, оно не допускали и не венчали под опасением лишения чина, жениха бы и невесту не тогда только для виду спрашивали, когда они уже приведены в церковь к венчанию, но несколько прежде.

3

Хотя больше одной жены вдруг иметь в нашем законе не позволяется, однако четвертая после третьей смерти в наших узаконениях не заказана, кроме того, что некто Арменопул, судья солунский, заказал приватно, положась, как уповаю, на слова Назианзиновы: "Первый брак закон, второй прощение, третий пребеззаконие". Но сие никакими соборными узаконениями не утверждено, затем что он сие сказал как оратор, как проповедник, а не как законодавец, и, невзирая на слова великого сего святителя, церковь святая третий брак благословляет, а четвертого запрещение пришло к нам из Солуня, а не от вселенских соборов или монаршеских и общенародных узаконений. Сие обыкновение много воспрещает на-

родному приращению. Много видал я вдовцов от третьей жены около 30 лет своего возраста, и отец мой овдовел в третий раз хотя 50 лет, однако еще в полной своей бодрости и мог бы еще жениться на четвертой. Мне кажется, было б законам непротивно, если бы для размножения народа и для избежания непозволенных плотских смешений, а от того и несчастных приключений, четвертый, а по нужде и пятый брак был позволен по примеру других христианских народов. Правда, что иногда не без сомнительства бывает, все ли происходило натурально, когда кто в третий и притом в немногие годы овдовев, и не было ли какого потаенного злодейства? Для сего лицо, требующее четвертого или пятого брака, должно представить в свидетели соседей или, еще лучше, родственников по первым супружествам, что в оных поступки его были незлобны и беззастенчивы, а у кого окажутся вероятные знаки неверности или свирепости, а особливо в двух или во всех трех супружествах, тем лицам не позволять четвертого брака.

4

Вошло в обычай, что натуре человеческой противно (противно ли законам, на соборах положенным, не помню), что вдовых молодых попов и дьяконов в чернцы насильно постригают, чем к греху, а не ко спасению дается повод и приращению народа немалая отрасль пресекается. Смешная неосторожность! Не позволено священнодействовать, женясь вторым браком законно, честно и благословенно, а в чернечестве блуднику, прелюбодею или еще и мужеложцу литургию служить и всякие тайны совершать дается воля. Возможно ли подумать, чтобы человек молодой, живучи в монашестве без всякой печали, довольствуясь пищаами и напитками и по всему внешнему виду здоровый, сильный и тучный, не был бы плотских похотей стремлениям подвержен, кои всегда тем больше усиливаются, чем крепче запрещаются. Для сих причин кажется, что молодым вдовым попам и дьяконам надобно позволить второй брак и не постригать прежде лет пятидесяти или, сняв чин священства, позволять быть мирскими чинами. Сюда ж надлежит и пострижение молодых людей прямо в монахи и монахини, которое хотя в нынешние времена и умалилось пред прежним, однако еще

много есть излишества, особливо в Малороссии и при синодальных школах. Взгляды, уборы, обходительства, роскоши и прочие поступки везде показывают, что монашество в молодости не что иное есть, как черным платьем прикрытое блудодеяние и содомство, наносящее знатный ущерб размножению человеческого рода, не упоминая о бывающих детоубивствах, когда законопреступление закрывают злодеянием. Мне кажется, что надобно клобук запретить мужчинам до 50, а женщинам до 45 лет.

5

Вышеописанное касалось больше до обильнейшего плодородия родящих; следующее надлежит особливо до сохранения рожденных. Хотя запрещением неравного и насильного супружества, позволением четвертого и пятого брака, разрешением к супружеству вдовых попов и дьяконов и непозволением до указанных лет принятия монашеского чина несомненно воспоследовать может знатное приумножение народа и не столько будет беззаконнорожденных, следовательно, и меньше детского душегубства, однако по разным случаям и по слабости человеческого сложения быть тому невозможно, чтобы непозволенным сластолюбием или и насильством обременная женщина, не хотя быть обесславлена, не искала бы способов утаить своего беззакония и несчастья, отчего иногда в отчаянии матери детей своих убивают. Для избежания столь ужасного злодейства и для сохранения жизни неповинных младенцев надобно бы учредить нарочные богаделенные дома для невозбранного зазорных детей приему, где богаделенные старушки могли б за ними ходить вместо матерей или бабок, но о сем особливо, в письме о исправлении и размножении ремесленных дел и художеств.

6

Следуют сему младенческие болезни, изнуряющие и в смертные челюсти повергающие начинающуюся жизнь человеческую, из которых первое и всех лютейшее мучение есть самое рождение. Страждет младенец не менее матери, и тем только разнится их томление, что мать оное помнит, не помнит младенец. Коль же оно велико, изъявляет Давид-пророк, ибо, хотя изобразить ужасные врагов своих скорби, говорит: “Тамо болезни яко рождающая” (сиречь

женщины). Проходя болезненный путь в прискорбный и суетный свет, коль часто нежный человек претерпевает великие повреждения, а особливо в голове, тем, что в самое свое рождение лишается едва начатая жизни и впервые почерпнутый дух в последнее испускает либо несколько часов или дней только лишь с настоящею смертию борется. Сие первое страдание, которым нередко из рожденных живых на весь век здравие повреждается. Сего иначе ничем не можно отвратить или хотя несколько облегчить, как искусством повивальных бабок и осторожностью беременных. Потом следует болезнь при выходе зубов, младенцам часто смертоносная, когда особливо падучую болезнь с собою приносит. Также грыжи, оспа, сухотка, черви в животе и другие смерти детской причины, все требуют знания, как лечить нежных тел болезни. Для умаления толь великого зла советую в действие произвести следующее: 1) Выбрать хорошие книжки о повивальном искусстве и, самую лучшую положив за основание, сочинить наставление на российском языке или, сочинив на другом, перевести на российский, к чему необходимо должно присовокупить добрые приемы российских повивальных искусных бабок; для сего, созвав выборных, долговременным искусством дело знающих, спросить каждую особливо и всех вообще и, что за благо принято будет, внести в оную книжицу. 2) Для излечения прочих детских болезней, положив за основание великого медика Гофмана, который, упражнявшись чрез 60 лет в докторском звании, при конце жизни писал наставление о излечении младенческих болезней, по которым я дочь свою дважды от смерти избавил, и присовокупив из других лучшее, соединить с вышеписанною книжкою о повивальном искусстве; притом не позабыть, что наши бабки и лекари с пользою вообще употребляют. 3) В обеих совокупленных искусствах(ах) в одну книжку наблюдать то, чтобы способы и лекарства по большей части нетрудно было сыскать везде в России, затем что у нас аптеками так скудно, что не токмо в каждом городе, но и в знатных великих городах поныне не устроены, о чем давно бы должно иметь попечение; но о сем особливо представлено будет. 4) Оную книжку напечатав в довольном множестве, распродать во все государство по всем церквам, чтобы священники и грамотные люди

читая могли сами знать и других наставлением пользоваться. По исчислению умерших по приходам, учиненному в Париже, сравнив их лета, умирают в первые три года столько же почти младенцев, сколько в прочие, до ста считая. Итак, положим, что в России мужеска полу 12 миллионов, из них состоит один миллион в таком супружестве, что дети рождаются, положив обще, один в два года. Посему на каждый год будет рожденных полмиллиона, из коих в три года умирает половина или еще по здешнему небрежению и больше, так что на всякий год достанется смерти в участие по сту тысяч младенцев не свыше трех лет. Не стоит ли труда и попечения нашего, чтобы хотя десятую долю, то есть 10 тысяч, можно было удобными способами сохранить в жизни?

7

Доселе о натуральных обстоятельствах, младенцам вредных; остается упомянуть о повреждениях, от суеверия и грубого упрямства происходящих. Попы, не токмо деревенские, но и городские, крестят младенцев зимою в воде самой холодной, иногда и со льдом, указывая на предписание в требнике, чтобы вода была натуральная, без примешения, и вменяют теплоту за примешанную материю, а не думают того, что летом сами же крестят теплою водою, по их мнению смешанною. Итак, сами себе прекословят, а особливо по своему недомыслию не знают, что и в самой холодной воде еще теплоты очень много. От замерзания в лед принимает вода в себя стужу до 130 градусов, да и тут можно почестъ ее горячею, затем что замерзающая ртуть несравненно большее расстояние от сего градуса имеет, нежели вода от кипятка до замерзания. Однако невеждам-попам физику толковать нет нужды, довольно принудить властью, чтобы всегда крестили водою, летней в рассуждении теплоты равною, затем что холодная испешшему недавно из теплой матерней утробы младенцу, конечно, вредна, а особливо который много претерпел в рождении. Одно погружение в умеренной воде не без тягости младенцу, когда мокрота в глаза, в уши, в ноздри, а иногда и в рот вливается (а когда рот и ноздри запирает поп рукою, тогда пресекается дыхание, которое недавно лишь получил младенец). Когда ж холодная вода со льдом охватит члены, то часто видны бывают

признаки падучей болезни, и хотя от купели жив избавится, однако в следующих болезнях, кои всякий младенец после преодолеть должен, а особливо при выходе первых зубов, она смертоносная болезнь удобнее возобновится. Таких упрямых попов, кои хотят насильно крестить холодною водою, почитаю я палачами, затем что желают после родин и крестин вскоре и похорон для своей корысти. Коль много есть столь несчастливых родителей, кои до 10-15 детей родили, а в живых ни единого не осталось?

8

Бедственному младенческому началу жизни следуют приключения, нападающие на здоровье человеческое в прочем оных течении. И, во-первых, невоздержание и неосторожность с уставленными обыкновениями, особливо у нас в России вкоренившимися и имеющими вид некоторой святости. Паче других времен пожирают у нас масленица и св. неделя великое множество народа одним только переменным употреблением питья и пищи. Легко рассудить можно, что, готовясь к воздержанию великого поста, во всей России много людей так загавливаются, что и говеть времени не остается. Мертвые по кабакам, по улицам и по дорогам и частые похороны доказывают то ясно. Разговенье тому ж подобно. Да и дивиться не для чего. Кроме невоздержания в заговоренные дни питием и пищею, стараются многие на весь Великий пост удовольствоваться плотским смешением законно и незаконно и так себя до чистого понедельника изнуряют, что здоровья своего никоею мерою починить не могут, употребляя грубые постные пищи, которые и здоровому желудку тягостны. Сверх того вскоре следует начало весны, когда все скверности, накопленные от человеков и от других животных, бывшие во всю зиму заключенными от морозов, вдруг освобождаются и наполняют воздух, мешаются с водою и нам с мокротными и цинготными рыбами в желудок, в легкое, в кровь, в нервы и во все строение жизненных членов человеческого тела вливаются, рождают болезни в здоровых, умножают оные в больных и смерть ускоряют в тех, кои бы еще могли пожить долее. После того приближается светлое Христово воскресенье, всеобщая христианская радость; тогда хотя почти беспрестанно читают и многократно повторяются

страсти господни, однако мысли наши уже на св. неделе. Иной представляет себе приятные и скоромные пищи, иной думает, поспеет ли ему к празднику платье, иной представляет, как будет веселиться с родственниками и друзьями, иной ожидает, придут ли запасы из деревни, иной готовит живописные яйца и несомненно чаёт случая поцеловаться с красавицами или помилее свидаться. Наконец заутреню в полночь начали и обедню до свету отпели. Христос воскрес! только в ушах и на языке, а в сердце какое ему место, где житейскими желаниями и самые малейшие скважины все наполнены. Как с привязу спущенные собаки, как накопленная вода с отворенной плотины, как из облака прорвавшиеся вихри, рвут, ломают, валят, опровергают, терзают. Там разбросаны разных мяс раздробленные части, разбитая посуда, текут пролитые напитки, там лежат без памяти отягощенные объядением и пьянством, там валяются обнаженные и блудом утомленные недавние строгие постники. О истинное христианское пощение и празднество! Не на таких ли Бог негодует у пророка: “Праздников ваших ненавидит душа моя и кадило ваше мерзость есть предо мною!” Между тем бедный желудок, привыкнув чрез долгое время к пищам малопитательным, вдруг принужден принимать тучные и сильные брашна в сжавшиеся и ослабевшие проходы и, не имея требуемого довольства жизненных соков, несваренные ядения по жилам посылает, они спираются, пресекается течение крови, и душа в отворенные тогда райские двери из тесноты тела прямо улетает. Для уверения о сем можно справиться по церковным запискам: около которого времени в целом году у попов больше меду на кутью исходит? Неоспоримое есть дело, что неравное течение жизни и крутопеременное питание тела не токмо вредно человеку, но и смертоносно, так что вышеписанных строгих постников, притом усердных и ревностных праздниколюбцев, самоубийцами почесть можно. Правда, что, ежели кто на масленице приуготовляется к посту житием умеренным, в пост не изнуряет себя излишне и говееет больше духом, нежели брюхом, на св. неделе радуется о препровождении великого поста в истинных добродетелях, в трудах, обществу полезных и Богу любезных, а не о том, что дожил до разрешения на вся, тот конечно меньше по-

чувствует припадков от нездорового времени, а особливо когда трудами кровь приводит к движению и, словом, содержит себя хотя то постными, то скоромными пищаами, однако равно умеренными, без крутых скачков и пригорков. Но здесь, в севере сие по концам тучное, а в середке сухое время есть самая праздная часть года, когда крестьяне не имеют никакой большой работы и только посеянные, пожатые, измолоченные и смолотые плоды полевые доедают; купцам, за испорченными дорогами и распутицами, почти нет проезду из города в город с товарами; нет кораблям плавания и морским людям довольного движения; военные люди стоят в походах по зимним квартирам, а дома то для морозов, то для слякоти не могут быть удобны экзерции. Итак, большая часть народа должна остаться в праздности, которая в заговенье и розговенье дает причину к необузданной роскоши, а в пост, с худыми прошлогодними пищаами и с нездоровым воздухом соединенная, портит здоровье и жизнь коротит.

Многие скажут: “Да проживают же люди! отцы наши и прадеды жили долгие веки!” Правда, живут и лопари, питаются почти одною только рыбою, да посмотрите ж, коль они телом велики и коль многолюдны, и сравните их с живущими в том же климате самоьядами, питающимися по большей части мясом. Первые ростом малы, малолюдны, так что на 700 верстах в длину, а в ширину на 300 лопарей толь мало, что и в большие солдатские поборы со всей земли по два солдата с числа душ наймают из нашего народа, затем что из них весьма редко, чтобы кто и по малой мере в солдаты годился. Самояды, напротив того, ростом немалы, широкоплечи и сильны и в таком множестве, что если бы междоусобные частые кровавые сражения между многими их князьками не случались, то бы знатная восточно-северного берега часть ими населилась многолюдно. Посмотрите, что те российские области многолюднее, где скотом изобильнее, затем что во многих местах, где скотом скудно, и в мясоед по большей части питаются рыбою или пустыми щами с хлебом. Если б наша масленица положена была в мае месяце, то великий пост был бы в полной весне и в начале лета, а св. неделя около Петрова дня, то бы кроме новых плодов земных и свежих рыб и благо-

растворенного воздуха, 1) поспешествовало бы сохранению здоровья движение тела в крестьянах пахотною работою, в купечестве дальнею ездою по земле и по морю, военным – экзерцициею и походами; 2) ради исправления таких нужных работ меньше бы было праздности, матери невоздержания, меньше гостьбы и пирушек, меньше пьянства, неравного жития и прерывного питания, надрывающего человеческое здравие, а сверх того, хотя бы кто и напился, однако, возвращаясь домой, не замерз бы на дороге, как о масленице бывает, и не провалился бы под лед, как случается на св. неделе.

Я к вам обращаюсь, великие учителя и расположители постов и праздников, и со всяким благоговением вопрошаю вашу святость: что вы в то время о нас думали, когда св.великий пост поставили в сие время? Мне кажется, что вы, по своей святости, кротости, терпению и праводушию милостивый ответ дадите и не так, как андреевский протопоп Яков делал, в церкви матерно не избраните или еще, как он с морским капитаном Яньковым в светлое воскресение у креста за непоцелование руки поступил, в грудь кулаком не ударите. Вы скажете: “Располагая посты и праздники, жили мы в Греции и в земле обетованной. Святую четьырдесятницу тогда содержать установили, когда у нас полным сиянием вешнего солнца земное богатое недро отверзается, произращает здоровыми соками наполненную молодую зелень и воздух возобновляет ароматными духами; поспевают ранние плоды, в пищу, в прохлаждение и в лекарство купно служащие; пению нашему для славословия Божия соответствовали журчащие ручьи, шумящие листья и воспевающие сладкогласные птицы. А про ваши полуночные стороны мы рассуждали, что не токмо там нет и не будет христианского закона, но ниже единого словесного обитателя ради великой стужи. Не жалуйтесь на нас! Как бы мы вам предписали есть финики и смоквы и пить доброго виноградного вина по красоуле, чего у вас не родится? Расположите, как разумные люди, по вашему климату, употребите на пост другое способнейшее время или в дурное время пользуйтесь умеренно здоровыми пищами. Есть у вас духовенство, равную нам власть от Христа имеющее вязати и решити. Для толь важного дела можно в России вселенской собор составить: сохранение жизни толь

великого множества народа того стоит. А сверх того, учением вкорените всем в мысли, что богу приятнее, когда имеем в сердце чистую совесть, нежели в желудке цинготную рыбу, что посты учреждены не для самоубийства вредными пищаами, но для воздержания от излишества, что обманщик, грабитель, неправосудный, мздоимец, вор и другими образами ближнего повредитель прощения не сыщет, хотя бы он вместо обыкновенной постной пищи в семь недель ел щепы, кирпич, мочало, глину и уголье и большую бы часть того времени простоял на голове вместо земных поклонов. Чистое покаяние есть доброе житие, Бога к милосердию, к щедроте и люблению нашему преклоняющее. Сохрани(те) данные Христом заповеди, на коих весь закон и пророки висят: “Люби Господа Бога твоего всем сердцем (сиречь не кишками) и ближнего как сам себя (то есть совестью, а не языком)”. Исправлению сего недостатка ужасные обстоят препятствия, однако не больше опасны, как заставить брить бороды, носить немецкое платье, сообщаться обходительством с иноверными, заставить матрозов в летние посты есть мясо, уничтожить боярство, патриаршество и стрельцов и вместо их учредить Правительствующий Сенат, Святейший Синод, новое регулярное войско, перенести столицу на пустое место и новый год в другой месяц! Российский народ гибок!

9

Кроме сего впадает великое множество людей и в другие разные болезни, о излечении коих весьма еще мало порядочных есть учреждений, как выше упомянуто, и только по большей мере простые, безграмотные мужики и бабы лечат наугад, соединя часто натуральные способы, сколько смыслят, с вороженьем и шептаниями, и тем не только не придают никакой силы своим лекарствам, но еще в людях укрепляют суеверие, больных приводят в страх унылыми видами и умножают болезнь, приближая их скорее к смерти. Правда, много есть из них, кои действительно знают лечить некоторые болезни, а особливо внешние, как коновалы и костоправы, так что иногда и ученых хирургов в некоторых случаях превосходят, однако все лучше учредить по правилам, медицинскую науку составляющим. К сему требуется по всем городам довольно число

докторов, лекарей и аптек, удовлетворенных лекарствами, хотя б только по нашему климату пристойными, чего не токмо нет и сотои доли, но и войско российское весьма не довольно снабжено медиками, так что лекари не успевают перевязывать и раненых, не токмо чтобы всякого осмотреть, выпросить обстоятельства, дать лекарства и тем страждущих успокоить. От такого непризнания многие, коим бы ожить, умирают. Сего недостатка ничем не можно скорее наполнить, как для изучения докторства послать довольное число российских студентов в иностранные университеты и учрежденным и впредь учреждаемым внутри государства университетам дать между прочими привилегиями власть производить достойных в доктора; Медицинской канцелярии подтвердить накрепко, чтобы как в аптеках, так и при лекарях было довольное число учеников российских, коих бы они в определенное время своему искусству обучали и Сенату представляли. Стыдно и досадно слышать, что ученики российского народа, будучи по десяти и больше лет в аптеках, почти никаких лекарств составлять не умею, а ради чего? Затем, что аптекари держат еще учеников немецких, а русские при иготе, при решете и при уголье до старости доживают и учениками умирают, а немецкими всего государства не наполнить. Сверх того, недостаточное знание языка, разность веры, несходные нравы и дорогая им плата много препятствуют.

10

Смертям от болезни следует насильственные, натуральные и случайные обстоятельства как причины лишения жизни человеческой, т.е. моровые язвы, пожары, потопления, морозы. Поветрия на людей хотя по большей части в южных пределах здешнего государства случаются, однако всякие способы против того употреблять должно. Оные состоят в истреблении уже начавшегося или в отвращении приходящего. К первому требуются известные употребительные против такого несчастья средства, и для того, лучшие должно выбрав из авторов, сочинить Медицинскому факультету книжку и напечатав распродать по государству. Ко второму надобно с бывших примеров собрать признаки, из которых главный есть затмение солнца, причиняющее почти всегда вскоре падеж на скот,

а после и на людей поветрие. В наши просвещенные веки знают о том в великом свете обращающиеся люди от астрономов и могут предостеречься, не выпуская скота из дому и не давая травы, того дня снятой: так в других государствах остерегаются два или три дни после, и сами никаких плодов в то время не снимают и не употребляют, говоря, что во время солнечного затмения падают ядовитые росы. Главная причина быть кажется, по моему мнению, что во время затмения закрывается солнце луною, таким же телом, как и земля наша, пресекается круто электрическая сила, которую солнце на все растения во весь день изливает, что видно на травах, ночью спящих и тоже страждущих в солнечное затмение. Время научит, сколько может электрическая сила действовать в рассуждении поветрия. Затмения во всем государстве не знают, и для того надобно заблаговременно публиковать и что требуется повелеть указами по примеру, как водится в других государствах. Для избавления от огненной смерти служить предосторожность о утолении частых и великих пожаров, о чем покажется пространно в письме о лучшей государственной экономии. Потопления суть двояки: от наводнения и от неосторожной дерзости, особливо в пьянстве. Первое легко отворотить можно, запретив, чтобы при великих реках на низких местах, внешней особливо воде подверженных, никаких жилищ не было. Сие делается от одной лености, чтоб вода и сено и всякая от воды удобность была близки, однако часто на высоких местах живущие видят весною, сами будучи в безопасности, как скот и люди и целые дома неприступный лед несет в отчаянии всякого спасения. Вторых потоплений ничем отворотить нельзя, не умалив много гощения и пьянства, для коих люди дерзают переезжать чрез реки в бурную погоду, перегрузив суда множеством, или переходить через лед осенью и весною, когда он весьма ненадежен и опасен. В главе о истреблении праздности предложатся способы, равно как и для избавления померзания многих зимой.

11

Немалый ущерб причиняется народу убивствами, кои бывают в драках и от разбойников. Драки происходят вредные между соседями, а особливо между помещиками, которых ничем, как межева-

нием, утешить не можно. На разбойников хотя посылаются сыщики, однако чрез то вывести сие зло или хотя знатно убавить нет почти никакой надежды. Основательнейшие и сильнейшие к тому требуются способы. Следующий кажется мне всех надежнее, бережливее и монархине всемилостивейшей славнее и притом любезнее, затем что он действие свое возымеет меньшим пролитием человеческой крови. Разбойники без пристанища в городах и около деревень пробыть и злодейством своим долго пользоваться не могут. При деревнях держатся, а в городах обыкновенно часто бывают для продажи пограбленных пожитков. Итак, когда им сии места сделаны будут узки и тесны, то не могут долго утаиться; не занадобится далече посылать команды и делать кровопролитные сражения со многими, когда можно иметь случай перебрать по одиночке и ловить их часто. Всевожделенный и долговременный покой внутри нашего отечества чрез полтора года лет, в кое время после разорения от поляков не нужно было стенами защищаться от неприятелей, подал нерадению нашему причину мало иметь попечения о градских ограждениях, и потому большая часть малых городов и посадов и многих провинциальных и губернских городов не токмо стен каменных или хотя надежных валов и рвов, но и деревянных палисадников или тынов не имеют, что не без сожаления вижу из ответов, присылаемых на географические вопросы в Академию Наук изо всех городов указом Правительствующего Сената, по моему представлению. Кроме того, что проезжающие иностранные не без презрения смотрят на наши беспорядочные города или, лучше сказать, почти на развалины, разбойники употребляют их к своему прибежищу и также могут закрываться от достойного карания в городе или еще лучше, нежели в деревне, затем что город больше и со всех сторон в него на всяком месте ворота днем и ночью беспрестанно отворены ворами и добрым людям. Когда ж бы всемилостивейше повелеть благоизволено было все российские города, у коих ограждение рушилось или его и не было, укрепить хотя не каменными стенами, но токмо валом и рвом и высоким палисадником и не во многих местах оставить ворота с крепкими запорами и с надежными мещанскими караулами, где нет гарнизонов, так, чтобы ряды и лавки были внут-

ри ограждения, то бы вора́м провозить в город грабленные вещи для продажи было весьма трудно и все для осмотру предосторожности употребить было несравненно легче, нежели в месте, со всех сторон отворенном; а разбойник может быть в воротах скорее примечен, который, не продав грабленных вещей, корысти не получит. Сверх сего, в каждом огражденном городе назначить постоянные ночлеги для прохожих и проезжих с письменными дозволениями и с вывескою и приказать, чтобы каждый хозяин на всякий день объявил в ратуше, кто у него был на ночлеге и сколько времени, а другие бы мещане принимать к себе в дом приезжих и прохожих воли не имели, под опасением наказания, кроме своих родственников, в городе известных. По всем волостям, погостам и деревням опубликовать, что ежели крестьянин или двое и больше поймают разбойника, приведут его в город или в другое безопасное место и докажут надежными свидетелями и спору в том не будет, то давать приводчикам за всякую голову по 10 рублей из мещанского казенного сбору, и за главных злодейских предводителей, за атамана, эсаула, также и за поимание и довод того, кто держит воровские прибежища, по 30 руб. Сие хотя довольно быть кажется, где города не в весьма дальном расстоянии, однако многие места есть в России глухие, на 500 и больше верст без городов, прямые убежища разбойникам и всяким беглым и беспашпортным людям; примером служить может лесистое пространство около реки Ветлуги, которая, на 700 верст течением от вершины до устья простираясь, не имеет при себе ни единого города. Туда с Волги укрывается великое множество зимою бурлаков, из коих немалая часть разбойники. Крестьяне содержать их во всю зиму, за полтину человека, а буде он что работает, то кормят и без платы, не спрашивая пашпорта. По таким местам должно основать и поставить города, дав знатым селам гражданские права учредить ратуши и воеводства и оградив надежными укреплениями и осторожностями от разбойников, как выше показано. Сие будет служить не токмо для общей безопасности и к сбережению российского народа, но и к особливой славе всемилостивейшей нашей самодержицы яко возобновительницы старых и состроительницы многих новых городов российских.

Переставая говорить о потере российского народа болезнями, несчастиями и убийствами, должно упомянуть о живых покойниках. С пограничных мест уходят люди в чужие государства, а особливо в Польшу, и тем лишается подданных Российская корона. Подлинно, что, расположив предосторожности на рубеже литовском, однако толь великой скважины силою совершенно запереть невозможно: лучше поступить с кротостию. Побегі бывают более от помещичьих отягощений крестьянам и от солдатских наборов. Итак, мне кажется лучше пограничных с Польшей жителей облегчить податями и снять солдатские наборы, расположив их по всему государству. Для расколу много уходит российских людей на Ветку: находящихся там беглецов не можно ли возвратить при нынешнем военном случае? А впредь могут служить способы, кои представляются о исправлении нравов и о большем просвещении народа.

Место беглецов за границы удобно наполнить можно приемом иностранных, ежели к тому употреблены будут пристойные меры. Нынешнее в Европе несчастное военное время принуждает не токмо одиноких людей, но и целые разоренные семейства оставлять свое отечество и искать мест, от военного насилья удаленных. Пространное владение великой нашей монархини в состоянии вместить в свое безопасное недро целые народы и довольствоваться всякими потребками, кои единого только посильного труда от человек ожидают к своему полезному произведению. Условия, коими иностранных привлечь можно к поселению в России, не представляю, не ведая довольно союзных и враждебных обстоятельств между воюющими и мирными сторонами.

Хотел бы я сочинить примерный счет, сколько бы из сих 13 способов (а есть еще и больше) воспоследовало сохранения и приращения подданных ея императорского величества. Однако требуются к тому для известия многие обстоятельства и немало времени; для того только одною догадкою досягаю несколько, что на каждый год может взойти приращение российского народа больше против прежнего до полумиллиона душ, а от ревизии до ревизии в 20 лет –

до 10 миллионов. Кроме сего уповаю, что сии способы не будут ничем народу отяготительны, но будут служить к безопасности и успокоению всенародному.

Окончивая сие, надеюсь, что вашему высокопревосходительству что-нибудь понравится из моих доброжелательных к обществу мнений, и прошу о вашем непрерывном здравии и во всем удовольствии всевышнего строителя и правителя всех народов и языков, произведшего вас в сей день и влившего вам кровь сына отечества к произведению дел полезных, а паче к покровительству наук и художеств, к которым я, равно и к вам от всей искренности усердствую, с достодолжным высокопочитанием пребываю.

М.В. Ломоносов

< ПИСЬМО М.В. ГОЛОВИНОЙ >²

2 марта 1765 г.

Государыня моя сестрица, Марья Васильевна, здравствуй на множество лет с мужем и с детьми.

Весьма приятно мне, что Мишенька приехал в Санктпетербург в добром здоровье и что умеет очень хорошо читать и исправно, также и пишет для ребенка нарочито. С самого приезда сделано ему новое французское платье, сошиты рубашки и совсем одет с головы и до ног, и волосы убирает по-нашему, так чтобы его на Матигорах не узнали. Мне всего удивительнее, что он не застенчив и тотчас к нам и к нашему кушанью привык, как бы век у нас жил, не показал никакого виду, чтобы тосковал или плакал. Третьего дня послал я его в школы здешней Академии Наук, состоящие под моею командою, где сорок человек дворянских детей и разночинцев обучаются и где он жить будет и учиться под добрым смотрением, а по праздникам и по воскресным дням будет у меня обедать, ужинать и ночевать в доме. Учить его приказано от меня латинскому языку, арифметике, чисто и хорошенько писать и танцевать. Вчерашнего вечера был я в школах нарочно смотреть, как он в общежитии со школьниками ужинает и с кем живет в одной камере. Поверь, сестрица, что я

---

² Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений: В 11 т. – Т.10. /Гл. ред. С. И. Вавилов. - М., Л.: АН СССР, 1950 - 1959, 1983.

об нем стараюсь, как должен добрый дядя и отец крестный. Также и хозяйка моя и дочь его любят и всем довольствуют. Я не сомневаюсь, что он через учение счастлив будет. И с истинным люблением пребываю брат твой

Михайло Ломоносов.

Марта 2 дня

1765 года

из Санкт-Петербурга

Я часто выдаюсь здесь с вашим губернатором и просил его по старой своей дружбе, чтобы вас не оставил. В случае нужды или еще и без нужды можете его превосходительству поклониться, Евсей Федорович или ты сама.

Жена и дочь моя вам кланяются.

Т.С. Буторина

Обо мне дети отечества пожалеют...

*Не для того мы живем на свете,
чтобы насыщаться,
но для того насыщаемся,
чтобы жить.*

М. ЛОМОНОСОВ.

Ярко вспыхнув, мгновенно погасла жизненная звезда Михаила Васильевича Ломоносова. Он прожил всего пятьдесят три года. Трудная, сложная судьба была у первого российского академика. Ему приходилось преодолевать бытовые, материальные неудобства, противостоять травле. И все это – ради пользы Отечества, ради развития экономики, науки, культуры своей Родины. До сих пор исследователей привлекает Ломоносов, его научное наследие. Многие из них задумываются над тем, как объяснить появление именно в XVIII веке такого гения мирового уровня, каким стал Ломоносов, выходец из простого северного народа.

На наш взгляд, это обусловлено особенностями мирового экономического, научного, культурного развития стран конца XVII – начала XVIII века. В Западной Европе шло бурное формирование

капиталистических отношений. Общественное движение буржуазии, народа против феодально-абсолютистского строя нашло отражение в просветительстве – прогрессивном идейном течении, которое получило достаточно широкое распространение в России. Историк В.Н. Татищев, церковный деятель Ф. Прокопович, дипломат и писатель А. Кантемир были ведущими идеологами петровских преобразований. Будучи предшественниками Ломоносова, они боролись за развитие просвещения и распространение наук в России.

Появление великого ученого обусловлено развитием России начала XVIII века, достижениями русской науки и культуры. Новые веяния были связаны прежде всего с экономическим состоянием общества, с возросшим научным и культурным обменом России со странами Западной Европы. В противовес идее некоторых европейских ученых о русской отсталости в просвещении, науке, культуре историческое развитие показало достаточную самостоятельность страны в решении данных проблем, ее активность в культурной жизни самого западноевропейского общества. Передовые русские люди были далеки от бездумного преклонения перед цивилизацией европейских государств и оставались верными своей народности.

Следует обратить внимание и на то, что появление таланта Ломоносова связано с особенностями социальной среды Русского Севера. Именно здесь он сформировался как гражданин, впитав в себя особый поморский дух, народные традиции поморов, духовную культуру края. Ломоносов гордился своим поморским происхождением. С большим уважением он относился к землякам, ценил их трудолюбие, упорство, предприимчивость, независимость. Большую радость ему приносили встречи с северянами. В памяти ученого на всю жизнь запечатлелись родные места. Не случайно через тридцать с лишним лет – в 1764 году – при составлении научной экспедиции по Северному Ледовитому океану он с удивительной точностью вычертил карту района, который находился рядом с его родиной.

Раннее включение будущего ученого в тяжелый поморский труд способствовало его физической и нравственной закалке. Годы жизни на Поморье выработали в нем настойчивость, свободолюбие,

благородную упрямку, гордость за русский народ.

Земляки Ломоносова всегда бережно относились к его памяти. В северных деревнях в конце XVIII века передавались из уст в уста рассказы о великом поморе, даже хранились его портреты, сделанные самодеятельными художниками. Показательным является и такой факт. В 1731 году истек срок паспорта, выданного Ломоносову. С этого времени он стал считаться “в бегах”. Подушный налог за него платил отец, после смерти которого в 1741 году деньги начали отдавать крестьяне Куростровской волости из общей мирской суммы.

Велик вклад жителей Русского Севера в увековечение памяти Ломоносова. Особую роль в этом играли прогрессивно настроенные люди края, которые заложили добрую традицию отмечать юбилей академика, привлекая внимание современников к изучению его наследия и к проблемам малой родины ученого. Занимаясь подготовкой к Ломоносовским дням, мы решили собрать исторический материал, в котором раскрывается хроника наиболее крупных юбилейных дат ученого. Годы лишений, переживаний, борьбы подкосили здоровье Михаила Васильевича Ломоносова. В марте 1765 года он простудился, состояние его резко ухудшалось, и 4 апреля в пять часов вечера, простившись с женой, дочерью и другими людьми, которые были в это время в доме, российский академик умер. Я. Штелин, который находился рядом с Ломоносовым в последние мгновения его жизни, сохранил для потомков последние слова ученого: “Друг, я вижу, что должен умереть, и спокойно, равнодушно смотрю на смерть; жалею только о том, что не могу я совершить всего того, что предпринимал я для пользы Отечества, для приращення наук и для славы Академии, и теперь при конце жизни моей должен я видеть, что все мои полезные намерения исчезнут вместе со мною”.

Пророчески звучат его слова. Официальными кругами русского общества смерть ученого была воспринята без особой печали. Будущий император Павел изрек фразу, которая стала широко известна: “Что о дураке жалеть, казну только разорял и ничего не сделал”.

Не случайно длительное время чествования памяти Ломоносова официальной Россией не поддерживалось, а скорее всего отрицалось³.

Трагична судьба библиотеки и архива Ломоносова. Не менее трагична история памяти его имени и дел. Было сделано все для того, чтобы в России забыли фамилию ученого. Однако этого добиться не удалось. В народе была жива память о Ломоносове. В 1825 году архангельский преосвященник Неофит Докучаев высказал мысль о сооружении памятника Ломоносову. В марте 1825 года началась всероссийская подписка, в которой деятельное участие принял славянофильский поэт – граф Хвостов. Пожертвования на памятник собирали в течение десяти лет. Общая сумма полученных средств составила 49408 руб. 67 1/2 коп. Наиболее крупные вклады сделали Государь (5 тыс. рублей), граф Воронцов (2 тыс. рублей), Академия наук – 1000 руб., Киевский митрополит – 545 руб. и т.д. За сравнительно скромную сумму в 46 тыс. рублей И. Мартос взялся изготовить памятник. В 1829 году скульптуру отлили и на следующий год доставили в Архангельск. Памятник открыли 25 июня 1832 года.

В “Санкт-Петербургских ведомостях” за 20 июля 1832 г. было помещено описание торжественной церемонии: “Собравшиеся организованно прошествовали к памятнику от кафедрального собора. Там в присутствии большого числа горожан, представителей всех сословий, произносились речи, учащиеся читали свои стихи, играл оркестр Архангельского порта, были исполнены положенная на музыку ода Ломоносова “Хвала всевышнему владыке” и специально сочиненный кант. Вечером пьедестал памятника и ступеньки под ним были иллюминированы, а для стекшегося в великом множестве народа играла портовая музыка, с передней же стороны памятника лежали положенные еще утром сочинения Ломоносова, физические и химические инструменты, а на нижних ступеньках рыболовные сети”.

Как свидетельствуют исторические документы, установление памятника Ломоносову, вылившееся в настоящий народный праздник, вызвало гнев руководителей Синода.

---

³ И.А. Чудинов Се потомство о нем судит... // Слово о Ломоносове. — Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1986. — С. 149—165.

Это объяснялось тем, что в нем приняло участие большое количество людей, среди них были духовенство, учителя и учащиеся духовно-учебных заведений Архангельска. Синод потребовал объяснить причины участия в празднике духовенства во главе с самим архиереем и даже предложил выслать в Петербург копии речей, стихов, которые произносились духовными лицами и семинаристами.

Этот факт красноречиво показывает истинное отношение властей к имени нашего знаменитого земляка⁴.

Особую роль в пропаганде научного наследия Ломоносова имел официальный юбилей 1865 года. Как отметили очевидцы, это было первое в России всенародное празднование торжества науки. В Санкт-Петербурге осуществили подписку в течение года для Ломоносовской стипендии, для памятной медали и для премии за издание лучшего жизнеописания Ломоносова, лучшего сочинения о нем. Именно в это время появились первые солидные работы П.С. Билярского, В.И. Ламанского, П. П. Пекарского об ученом, которые были подготовлены на основе подлинных документов. Их труды получили достойную оценку. К столетнему юбилею со дня смерти Ломоносова учредили Ломоносовское общество любителей русской словесности. Праздники в Санкт-Петербурге длились три дня: 7, 8, 9 апреля 1865 года. Зал Дворянского Соборания был полон, в нем собралось 550 человек. Торжественный вечер включал исполнение под музыку М.И. Глинки кантаты в честь Ломоносова:

*Славься, славься, великий муж!
Ты насадитель наук на Руси!
Доброе семя посеял ты в ней!
Жатва все зреет – что год, то пышней!
Мы уж дети его –
Пожинаем плоды;
Лет немного пройдет,
И вся Русь их пожнет;
Весь народ возгласит:
Память вовек Ломоносову!*

---

⁴ Т. Г. Фруменкова. К истории открытия памятника М. В. Ломоносову в Архангельске. // Слово о Ломоносове. — Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во. — 1983. - С. 156—159.

Для большего эмоционального воздействия на слушателей на хорах звучали колокола. Юбилейный спектакль собрал 2396 руб. 95 коп., которые укрепляют веру в самих себя. Чествование памяти Ломоносова, положившего начало самостоятельной русской науки, было делом истинно народным”. Кстати, на титульном листе книги П. Мельникова, посвященной славной дате в истории российской науки⁵, отмечалось, что она “продается в пользу Ломоносовского капитала на учреждение стипендий и др.”.

Широко отмечался юбилей Ломоносова и на родине. Инициатором, организатором празднеств в Архангельске и губернии был Архангельский Статистический комитет. Земляки ученого считали, что это событие имеет особое значение в летописях русской истории. Оно является первым торжественным праздником “в память деятеля слова и науки, праздником мира и просвещения, и при том таким, в котором и народ, как среда, выдвинувшая этого деятеля, принимал искреннее участие”.

Архангельский Север в конце XVIII – первой половине XIX в. переживал спад в культурной жизни в связи с уменьшением значения губернского города в экономической сфере страны. Это сказалось на состоянии образования. Так, долгое время не было школы на родине Ломоносова, в деревне Мишанинской. В документах Государственного архива Архангельской области хранятся материалы⁶ о сборе пожертвований на учреждение школы “в память знаменитого русского писателя”. Подписка была организована в год 100-летия смерти ученого в 1865 г. Цель пожертвований состояла в постройке памятника Ломоносову и учреждении при Архангельской гимназии Ломоносовской стипендии. Всего собрали 9186 рублей 97 1/4 копейки, из которых 4000 рублей отчислено на содержание из процентов стипендиата при Архангельской гимназии. 500 рублей “государь разрешил” выделить на памятник Ломоносову в селе, а остальную сумму направить на постройку школы. Ломоносовская стипендия была утверждена 29 июля 1866 г.

В положении об учреждении ее было сказано следующее; “

---

⁵ П. Мельников Описание праздника, бывшего в С.-Петербурге 6—9 апреля 1865 г. по случаю столетнего юбилея Ломоносова. — СПб, 1865.

⁶ ГААО, ф. 300, оп. 1, д. 7, л. 3.

§1. Ломоносовская стипендия для образования одного из крестьян Архангельской губернии.

§2. Стипендиат содержится из процентов с капитала 4000 рублей, отчисленных от пожертвований, поступивших в Архангельский Статистический Комитет, по подписке, открытой Комитетом с Высочайшего Соизволения в 1865 году, по случаю столетней годовщины смерти знаменитого уроженца Архангельской губернии М.В. Ломоносова, для увековечения его памяти на месте родины.

§3. Означенный капитал 4000 рублей обращен в государственные 5% билеты, которые по истечении срока или по выходе в тираж должны быть вновь заменены другими подобного рода кредитными бумагами...

§ 6. К соисканию Ломоносовской стипендии допускаются дети крестьян всех уездов Архангельской губернии, но при равных достоинствах конкурентов преимущество отдается уроженцам Холмогорского уезда, места родных Ломоносова”⁷.

3 октября 1868 года была открыта Ломоносовская школа, в которую пришли учиться 52 ученика. Она была размещена в четырехкомнатном доме крестьянки Ирины Егоровны Лопаткиной, правнучки сестры Ломоносова – Марии Васильевны Головиной. Уроки вел крестьянский сын Алексей Парфенович Широкий, который готовился к должности учителя приходского двухклассного училища. Кроме молитв дети учились старославянской грамоте, русскому языку, арифметике, “наглядному обучению” (первоначальным сведениям по истории, географии, биологии, при этом использовалось большое число наглядных пособий). На содержание школы выделялось 8500 рублей. В постановлении оговаривались и расходы этой суммы: учителю – 180 рублей, законоучителю – 60 рублей (если число учеников превысит 50, то назначить еще 60 рублей за занятия по обучению грамоте), за наем помещения – 40 рублей, на учебные пособия – 40 рублей.

Непосредственно в юбилейные дни большой праздник состоялся в Холмогорах и деревне Денисовке. На нем выступил Холмогорский соборный протоиерей Иаков Ключарев, который рассказал

---

⁷ ГААО, ф. 6, оп. 1, д. 84, л. 18-18 об.

о жизненном пути Ломоносова, его вкладе в науку. Он отметил, что наш земляк открыл русским людям обильный свет к образованию. Память о нем в отечественной земле Русской не уменьшается, а увеличивается. Хвалитесь именем его, вы – ближайшие родственники его и все благомыслящие жители здешнего села! Вам преимущественно принадлежат в потомственное достояние труды боярина Ломоносова, свидетельствующие его заботливость о просвещении отечественного своего народа”.

По окончании литургии состоялся крестный ход в д. Денисовку, на место бывшего дома родителей ученого. Ломоносову, как “отцу русского слова и науки”, была провозглашена вечная память и отмечалось, что он был первый учитель и наставник тех, “коиими потом гордилась и еще будет гордиться наша матушка Россия”. Ученикам в ходе праздника раздали 30 экземпляров жизнеописания Ломоносова, а присутствующим взрослым – 100 брошюр воспоминаний о Ломоносове, изданных Губернским Статистическим Комитетом. Кроме того, школьников накормили сбитнем с белым хлебом, пряниками, пасхальными яйцами, а духовенству предложен завтрак и чай. Народ же был угощен водкой и пивом. Вечером зажглись бочки, осветившие изображение памятника Ломоносова. Как отметили современники, земляки ученого, “хоть и мало народу в Холмогорах и бедны они”, добровольно собрали по подписке в память Ломоносова 115 рублей.

Юбилей первого русского академика широко отмечался и в Архангельске. Была организована процессия к памятнику Ломоносова, в которой участвовали ученики, духовенство, военные, крестьяне. В ходе чествования ученого отмечалось, что он является особой личностью, внесшей неоценимый вклад в историю Русской цивилизации. Значение это приобретает им вследствие постоянной энергетической пытливости ума и безбоязненного честного и правдивого стремления провести в жизнь выработанные им идеи. “Для участников праздника был дан обед, а с 8 часов вечера началось общегородское гулянье. Памятник Ломоносова был великолепно иллюминирован. Оркестр военной музыки играл народные пьесы. Большое число людей до глубокой ночи находилось около памятника.

Никогда Архангельск не представлял столь блестящего торжества, как говорили старожилы. Весь город был на площади. Очень много приехало крестьян из окрестных деревень. Как отмечали архангелогородцы, праздник этот надолго сохранится у всех в памяти.

Юбилей Ломоносова вылился в настоящее торжество, которое заложило добрую традицию чествования памяти первого русского академика, обращения потомков к изучению его наследия. Не случайно была проведена тщательная подготовка к 200-летию со дня рождения ученого в ноябре 1911 года. Северные издания подробно освещали проведение юбилея. Например, в газете “Архангельск” эти материалы публиковались под рубрикой “Ломоносовские дни”. В них рассматривался ход Ломоносовского праздника и в центре, и на родине Ломоносова. Так, очень много сил положили прогрессивные люди Москвы для достойной встречи юбилея “отца русской науки и литературы”. Московский университет перенес основные торжества на 12 января 1912 года – на день традиционного университетского акта. Большую активность проявили старейшие ученые московских обществ университета; общества истории древностей российских, общества любителей российской словесности, общества испытателей природы, общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 8 ноября, в день юбилея Ломоносова, с разрешения министра народного просвещения в университетской церкви была отслужена панихида. К памятнику ученому возложили венки. Занятия в этот день не проводились, студенты освобождались от лекций.

Особенно торжественно предстояло отметить юбилей Ломоносова в Заиконоспасском духовном училище. 8 ноября после панихиды преподаватели выступили с докладами о Ломоносове. Дневная часть юбилея была завершена исполнением кантаты “Слава Ломоносову” на слова А. Майкова. На вечернем торжественном заседании открыли памятную мраморную доску на здании училища о пребывании в его стенах Ломоносова. В средних и низших классах занятий не было. В этот день совершались панихиды, устраивались чтения, раздавались популярные брошюры о великом ученом. Местные московские власти приняли решение несколько городских

училищ назвать Ломоносовскими, открыть библиотеку-читальню имени Ломоносова, издать популярную биографию первого русского академика, раздать их в школах и провести там беседы.

8 ноября в Петербурге под председательством Великого князя Константина Константиновича в большом зале Дворянского собрания состоялось торжественное заседание Академии наук. Была зачитана приветственная телеграмма императора Николая, а затем исполнена юбилейная кантата на музыку Танеева.

Участники заседания заслушали доклады видных ученых России о Ломоносове: профессора Б.Н. Меншуткина “Ломоносов как естествоиспытатель”, академика А.И. Соболевского “Ломоносов в истории русского языка”, профессора В.В. Сиповского “Литературная деятельность Ломоносова”, академика П.И. Вальдена “Ломоносов как химик”. Кстати, по предложению юбилейной комиссии Академии наук Б.Н. Меншуткин подготовил интересную работу “Михайло Васильевич Ломоносов. Жизнеописание”. Ценность ее состояла в том, что автор осуществил анализ разносторонних научных интересов ученого – как естественнонаучных, литературных, так и просветительских. Исследование Б.Н. Меншуткиным научной биографии Ломоносова получило высокую оценку и современников, и потомков.

Центральное место среди deputаций занимали делегации от Императорской Академии Художеств, от всех университетов и высших учебных заведений, духовных, военных академий, архивных комиссий, многочисленных ученых и научных обществ.

Крестьяне Ломоносовской волости на торжественное юбилейное заседание Академии наук командировали в качестве своего представителя учителя Ломоносовского сельского училища Гладковского.

Вечером в Дворянском собрании актрисой Императорского театра М.А. Ведринской был устроен вечер памяти Ломоносова. В народном доме для учащейся молодежи состоялись спектакли. Была поставлена драматическая повесть И.А. Полевого “Ломоносов или Жизнь и поэзия”.

На торжественном заседании в Петербурге произошел не-

приятный инцидент. Он был связан с непристойным поведением, хулиганскими выходками членов монархического союза русского народа в момент приветствия deputаций Московского и Петербургского университетов. Вероятно, это был не случайный эпизод. В нем отразилось истинное отношение официальных кругов к гению русской науки – выходцу из простого народа. Хотя зал Дворянского собрания был переполнен, здесь собралось свыше 200 делегаций, а память и заслуги Ломоносова отметили представители 150 учебных заведений и ученых обществ, однако современники считали упущением, что к подготовке и проведению юбилея не были привлечены широкие народные массы. Многие люди не знали, почему надо быть благодарными по отношению к Ломоносову. Его творчеству были посвящены всего несколько работ, которые использовались лишь специалистами. Популярная литература о нем практически отсутствовала. К тому же министерство просвещения отказалось финансировать выпуск юбилейных материалов. Газета “Новое время” писала: “Обойдите книжные магазины и спрашивайте полное собрание сочинений Ломоносова. Из-за книжных прилавков на вас глянет та же удручающая картина некультурности. Поразительная пустота вокруг славного имени!”.

Хотя 200-летний юбилей Ломоносова, по отзывам современников, прошел “очень вяло и слабо”, однако в российской провинции обратились к празднованию этой знаменательной даты. Из разных городов пришли в Академию наук телеграммы, в которых сообщалось о панихидах по Ломоносову, о литературных утрениках, вечерах, чтениях в память об ученом. В учебных заведениях отменялись учебные занятия, на Мурмане на берегу Ледовитого океана в становище Тернберн открылся народный дом имени Ломоносова. В центре Лапландии, в Коле, в Ломоносовском народном доме отслужили панихиду и провели юбилейные чтения.

На родине Ломоносова в городской Думе прошел торжественный акт памяти великого земляка. После вступительной речи А.Г. Суровцева зачитали приветственный адрес Академии наук от Архангельска. Была исполнена кантата “В честь Ломоносова”, в которой звучали такие слова: “Оставьте сети, без сетей я вас сделаю

ловцами, не рыб безгласных, но людей... Каждая ныне обитель в день посвященный тебе, славу твою воспевает, учитель!". На заседании выступил представитель Общества изучения Русского Севера В.А. Ленгауер. Он показал роль Ломоносова в истории русской науки и отметил, что "не игра природы, что из недр богатого Севера вышел наш гениальный ученый. Появление его – историческая необходимость. Общество изучения Русского Севера, присоединяя свой скромный голос к сегодняшнему торжеству, высказывает пожелание о скорейшем учреждении на Севере рассадника просвещения – народного университета имени М.В. Ломоносова. Эту идею собрание встретило дружными аплодисментами. Она нашла отражение и в местной печати. Так, газета "Архангельск" напечатала в адрес архангельской юбилейной комиссии следующее предложение: "Редакция газеты "Архангельск" приветствует граждан города Архангельска и представителей обществ и учреждений, собравшихся на торжественный праздник русской культуры. Деятелям печати имя Михаила Васильевича Ломоносова – первого русского публициста, не раз делавшего попытки издавать печатный орган, особенно дорого. Редакция верит, что уже недалеко то время, когда современники Ломоносова будут свободно пользоваться печатным словом. Вместе с тем, редакция обращается к городскому управлению, ко всем общественным организациям и учреждениям, ко всем гражданам Архангельского края с горячим призывом приложить свои силы к тому, чтобы у нас, на родине великого поборника народного образования и демократизации науки, был воздвигнут единственно достойный его памятник – народный университет имени М.В. Ломоносова". Подобная же телеграмма была отправлена в адрес Академии наук.

Купеческое общество Архангельска провело экстренное заседание своих членов по вопросу об увековечении памяти 200-летнего юбилея со дня рождения Ломоносова. Собрание единогласно приняло следующую резолюцию: учредить в одном из отечественных высших учебных заведений стипендию имени М.В. Ломоносова приблизительно в 300 рублей. На составление капитала для стипендии постановить взимать со всех купеческих свидетельств первой

гильдии, а также с промысловых по 25 рублей. С купеческих свидетельств второй гильдии — по 10 рублей. Этот сбор установлен на 3 года, начиная с 1912 года. За этот период общество надеялось собрать не менее 8000 рублей, достаточных для обеспечения учреждаемой стипендии. Стипендией будет пользоваться один из беднейших уроженцев Архангельской губернии по представлению учебного начальства и по утверждению общего собрания купеческого общества. Кроме того, на торжественном юбилейном акте купечество зачитало свое решение об оказании денежной помощи народному университету имени Ломоносова, если будет приступлено к его организации.

Празднование юбилея в родном селе ученого носило скромный характер. Накануне в двухклассном училище отслужили всенощную с панихидой. Священник В. Иванов произнес краткое слово о земляке. В день рождения Ломоносова в училище выступил инспектор народных училищ В. Ивановский, который показал значимость торжества. Он же прочитал два стихотворения: “Завет Ломоносова юношеству” и “Он ребенком страдал”. Ученики дали небольшой концерт. В газете “Архангельск” было отмечено, что на торжество смогли придти только жители села. Дорожная распутица помешала быть представителям г. Холмогор.

Еще более скромно отметили юбилей земляка холмогорские жители. В городском училище днем прошло чествование памяти ученого, а вечером в Ломоносовской читальне был устроен литературный вечер, закончившийся танцами.

Большое значение юбилею Ломоносова придавали в учебных заведениях г. Архангельска. В день торжества в два часа дня в актовом зале Ломоносовской гимназии провели литературное утро, посвященное Ломоносову. На нем присутствовали губернатор, члены юбилейной комиссии, волостные старшины, преподаватели, воспитанники, ученицы женской гимназии, родители учеников. На утреннике со словом об ученом выступил учитель русского языка Н. Кизель, затем ученики и оркестр исполнили кантату в честь Ломоносова, отрывки из его произведений, стихи, посвященные памяти великого земляка. Торжество закончилось исполнением националь-

ного гимна.

В Мариинской женской гимназии праздник открыла преподаватель русского языка Четыркина. Ученицы 8-го класса Минейко и Таратина прочитали реферат “Ломоносов как педагог” и “Биография Ломоносова”. На утреннике читались стихи, сочиненные детьми. Праздник завершился раздачей портретов ученого, его биографии, исполнением национального гимна.

В духовной семинарии состоялся литературно-музыкально-вокальный вечер, на котором играл оркестр, исполнялись вокальные номера. Зал был красиво декорирован зеленью и украшен портретами Ломоносова, один из них нарисовал воспитанник третьего класса Смирнов. Учитель пения Делишев написал кантату в честь памяти Ломоносова. На торжестве был зачитан реферат об ученом, его заслугах. В перерыве участников праздника угостили чаем. После обязательной программы до двенадцати часов ночи устраивались разнообразные игры.

Хроника этого юбилея показывает, что он был проведен с меньшим размахом, чем столетие памяти Ломоносова в 1865 году, вероятно, сказалась общая социально-политическая обстановка в стране.

После 1911 года долгое время не отмечались Ломоносовские дни. Лишь в 1936 году, в год 225-летнего юбилея Ломоносова, произошел важный поворот к изучению наследия ученого. Начали появляться статьи, брошюры, книги о нем. Огромное значение имела передовая статья газеты “Правда” под названием “Гениальный сын великого русского народа” (18 ноября 1936 года). В ней указывалось, что Ломоносовское научное наследие является золотым фондом мировой и русской культуры. Областная газета “Правда Севера” публиковала различные материалы к юбилею, рассказывала о тематической выставке книг об ученом в библиотеке имени Ломоносова, которое ей было присвоено в 1935 году. Интерес посетителей вызывала работа самого Ломоносова “Древняя Российская история”, изданная в 1766 году. Юбилейные дни были отмечены Ломоносовским вечером в областном драмтеатре, на котором с докладом о жизни и творчестве ученого выступил член-корреспондент АН

СССР П.Н. Берков.

Большим событием в культурной жизни Архангельского региона стало открытие в 1940 году музея Ломоносова на его родине. Здесь сосредоточился местный материал, характеризующий экономическую и историко-культурную среду Русского Севера XVIII века.

В увековечении памяти Ломоносова необходимо отметить инициативу Академии наук СССР. Благодаря ее президенту С.И. Вавилову, в 1940 году начали выпуск сборников “Ломоносов”; имя ученого было присвоено Московскому государственному университету; с 1944 года дважды в год – в день рождения и в день смерти Ломоносова – стали проходить академические Ломоносовские заседания; в 1947 году открыли музей ученого в г. Ленинграде; организована работа над архивом Ломоносова и над публикацией в 1950-59 гг. полного собрания его сочинений. Признавая заслуги первого русского академика в мировой науке, Академия наук СССР учредила золотую медаль Ломоносова как высшую награду для ученых.

Все это позволило достаточно широко подготовить 250-летний юбилей Ломоносова. Именно в этот период активно изучалось наследие ученого, появляются исследования ученых МГУ – М.Т. Белявского, Д.И. Гордеева, Н.Е. Дика. А.В. Западова, А.Н. Мальцева, Н.А. Пенчко и др. Так, университет впервые издал “Документы по истории Московского университета”, в которых объективно рассматривается роль Ломоносова в его основании, раскрывается деятельность учеников и последователей ученого во второй половине XVIII века, характеризуется многогранное творчество Ломоносова, как поэта, философа, химика, астронома, физика, географа, геолога. В университете прошли юбилейные научно-теоретические конференции, на которых выступали с докладами и профессора, и студенты разных факультетов. В октябре открылся Ломоносовский лекторий, работа которого была посвящена рассмотрению многопланового наследия ученого.

Большое внимание юбилею Ломоносова уделялось в Ленинграде. В Географическом обществе СССР состоялся Ломоносовский вечер, на котором выступили ученые с докладами о научном твор-

честве Ломоносова. В Академическом театре драмы имени А.С. Пушкина исполком Ленгорсовета совместно с Академией наук СССР и Комитетом защиты мира 23 ноября 1961 года организовали общегородское торжественное юбилейное заседание. 24 ноября оно было продолжено в Большом конференц-зале Академии наук СССР. Научные заседания прошли в Институте живописи, архитектуры и скульптуры имени И. Е. Репина совместно с музеем Академии художеств СССР, а также в других научных и учебных заведениях.

Новые экспозиции открыл музей Ломоносова, находящийся в петровской кунсткамере. На основе сохранившихся чертежей, рисунков были подготовлены макеты домов, в которых жил ученый, модели приборов, сконструированные им. Особый раздел музея посвящен родине Ломоносова.

К юбилею первого русского академика подготовили интересные исследования ленинградские ученые. Так, Е.С. Кулябко провела колоссальную исследовательскую работу, результатом которой стали ее книги о питомцах Академического университета, об учебной деятельности Ломоносова в Петербургской Академии наук. Особо следует выделить изучение ею судьбы Ломоносовской библиотеки и архива. Г.А. Андреева, Г.Е. Павлова, Н.В. Соколова, В.А. Ченакал к 250-летию со дня рождения Ломоносова подготовили хронологическую летопись жизни и творчества ученого. Появление такого труда стало возможным лишь при условии кропотливой поисковой работы в архивах по изучению творческого наследия ученого.

Весомый вклад в советское ломоносововедение внес А.А. Морозов, который подготовил биографическое исследование “Ломоносов. Путь к зрелости”, за что был удостоен Государственной премии. Позднее А.А. Морозов опубликовал фундаментальную работу “Родина Ломоносова”. В ней он на большом исследовательском материале показал широкую панораму исторической и социальной жизни родины Ломоносова, позволяющую понять формирование личности ученого.

Юбилей Ломоносова был отмечен во многих городах нашей

страны. Так, в Киеве в Государственной публичной библиотеке Академии наук УССР открылась прекрасно иллюстрированная книжная выставка, посвященная памяти ученого. С лекциями о жизни и творчестве Ломоносова выступили преподаватели высших учебных заведений Киева.

Большую работу в честь юбилея первого русского академика провели его земляки. 19 ноября 1961 года областная газета “Правда Севера” была посвящена 250-летию со дня рождения Ломоносова. Под рубрикой “Великий сын великого народа. 1711-1961” помещены материалы, освещавшие жизнь и творчество ученого. Интересно написана передовая статья “Наш Михайло Ломоносов”. Своими размышлениями о Ломоносове, его жизненном пути поделился известный советский ломоносовед А.А. Морозов. В центре газетного номера – портрет ученого и общая панорама Московского университета. Дни Ломоносова были отмечены научными сессиями, конференциями в вузах города, выступлениями писателей, поэтов, драматургов Севера перед северянами. 19 ноября в 15 часов на площади Профсоюзов организовали массовое народное гулянье горожан. В литературно-музыкальном концерте участвовали артисты Архангельского драматического театра имени М.В. Ломоносова. Северные поэты читали свои стихи о великом земляке. На улицах играли духовые оркестры, организовывались танцы, выступали танцевальные коллективы. В кинотеатрах можно было посмотреть фильм “М.В. Ломоносов”. В драмтеатре была поставлена пьеса И.А. Чудинова “Сын помора”.

Событием в научной жизни области стала публикация сборника статей, посвященного Ломоносову, ответственным редактором которого был ректор педагогического института Г.Г. Фруменков. Пожалуй, это была первая попытка выявить своих северных ломоносоведов, обратить научные силы к изучению наследия ученого. Мы высоко ценим вклад в исследование ломоносовской проблематики И.А. Чудинова, И.М. Боховкина, К.И. Семеновой, К.С. Ивановой, А.Г. Беднова, Е.П. Сперанской, В.П. Соловьевой, А.А. Кирова, Р.В. Банниковой и других. Выход такого научного сборника, осуществленный силами преподавателей всех трех вузов города, являет

собой добрый пример творческого содружества северных ученых.

Празднование 250-летия Ломоносова, подготовка к 275-летию со дня его рождения стимулировали рождение в 1969 году Ломоносовских чтений. Они ставили своей целью широкую пропаганду просветительских идей ученого, обращение общественности к актуальным вопросам советской науки, анализ состояния русской культуры, сосредоточение внимания на экономических, экологических, научных, культурных проблемах Поморья и т. д. Так, предметом обсуждения ведущими учеными страны были такие вопросы: “Ломоносов – основоположник русской науки”, “Ломоносов и отечественная литература”, “Научные проблемы использования природных ресурсов Арктики”, “Ломоносов и образование”. На Ломоносовских чтениях выступали летчик-космонавт СССР А.А. Леонов, лауреат Ленинской и Нобелевской премий академик Н. Г. Басов, вице-президент АН СССР М. Д. Миллионщиков. С 1981 года Ломоносовские чтения вышли на международную арену: в них участвовали вместе с советскими учеными гости из Болгарии, Чехословакии, Германии. Ломоносовские чтения завоевали популярность среди всех северян, поскольку являются праздником отечественной науки, смотром ее последних достижений. Они дают новый импульс развитию исследований в самых различных отраслях знаний. Очень важным результатом чтений для земляков ученого является анализ перспектив освоения северной земли, в недрах которой “пространно и богато царствует натура”, изучение духовной культуры Русского Севера⁸.

Особый след в хронике юбилеев Ломоносова оставил 275-летний день рождения ученого. Для его подготовки и проведения была организована Всесоюзная юбилейная комиссия, которая спланировала все мероприятия таким образом, что получился настоящий Ломоносовский праздник науки и культуры. Газета “Правда Севера” опубликовала много статей северян, в которых рассматривалось многогранное творчество Ломоносова, раскрывалось его влияние на современные исследования. Так, со статьей “На страже русского леса” выступил заслуженный деятель науки РСФСР, док-

---

⁸ П. Илатовский. Ломоносовские чтения. – М.: Знание, 1982.

тор сельскохозяйственных наук, профессор П. Львов; заслуженный деятель науки РСФСР, доктор исторических наук, профессор Г.Г. Фруменков подготовил анализ исторического наследия ученого “Во славу Родины”; доктор исторических наук, профессор О. Овсянников обобщил свои исследования и дал материал “Ревнители северных древностей”. В это же время появились интересные публикации о Ломоносове, подготовленные Л. Варфоломеевым, К. Гемп, М. Даниловым, Н. Коньковым, О. Коротцевым, С. Селезевым, П. Синициной, П. Совершаевым, И. Стрежневым, Ф. Черняховским, И. Чудиновым и многими другими исследователями, изучавшими и изучающими творчество первого русского академика. Активно работал по Ломоносовской тематике архангельский график Н. Наговицин. За высокохудожественное изображение образа основоположника отечественной науки он награжден юбилейной медалью. Ломоносовская тема – ведущая в его творчестве.

Программа юбилея была богата и разнообразна. В Москву отправилась большая группа ученых из Архангельска, народные умельцы, творческие коллективы. Они представляли родину Ломоносова в Академии наук СССР, в политехническом музее, аудиториях Московского университета, где был открыт музей Ломоносова и прошли юбилейные чтения. 19 ноября 1986 года в Большом театре Союза ССР состоялось торжественное заседание. На нем присутствовали представители советской и мировой науки, лауреаты высшей награды Академии наук СССР – золотой медали имени М.В. Ломоносова, земляки ученого. Вступительное слово сделал Президент Академии наук СССР Г.И. Марчук, отметивший борьбу Ломоносова за выход отечественной науки на передовые позиции, дальновидность его идей об огромной роли науки в обществе, ее единстве с практикой, народным просвещением. С докладом “М.В. Ломоносов – основоположник отечественной науки” выступил вице-президент АН СССР К.В. Фролов, который показал, что жизнь и творчество великого сына Отечества составили целую эпоху в развитии русской мировой науки и культуры. О Ломоносове – создателе русского литературного языка и русской поэзии – рассказал зем-

ляк ученого, секретарь правления Союза писателей СССР А.А. Михайлов. Великим подвигом Ломоносова, подчеркнул он, стала созданная им “Российская грамматика”, которая ввела стихию и разноголосицу языка в берега науки, положила начало созданию русского литературного языка современности. В заключение участникам торжественного заседания была показана опера М.Мусоргского “Борис Годунов”. В эти же дни в Ленинграде состоялось открытие памятника Ломоносову, автором которого является скульптор В.Д. Свешников, уроженец г. Архангельска.

На родине Ломоносова юбилей был отмечен семнадцатыми Ломоносовскими чтениями. Праздник собрал много гостей из различных уголков нашей страны и из-за рубежа. В Архангельск прибыла представительная делегация Академии наук СССР, группа ученых Московского государственного университета, представители научной общественности союзных, автономных республик, Союза писателей СССР, общества “Знание” РСФСР. По традиции гости возложили цветы к памятнику первого русского академика. Студенческий хор исполнил северные народные песни, а артист Архангельского театра драмы им. М.В. Ломоносова Г. Рудский прочитал стихотворение поэта “Науки юношей питают”,

Программа XVII Ломоносовских чтений предусматривала многочисленные встречи и выступления ученых в школах, техникумах, вузах, на предприятиях городов, районных центров области. Волнующим и запоминающимся моментом было посещение родины великого помора – села Ломоносово, где в канун юбилея открылась новая экспозиция в капитально отремонтированном музее-усадьбе ученого.

Центральным событием торжества стало заседание в областном драмтеатре имени М.В. Ломоносова, где выступил с докладом Герой Социалистического Труда, академик Н.М. Жаворонков. Северяне встретились с академиком Н.С. Соломенко, с секретарем Союза писателей СССР А.А. Михайловым. С приветственными речами к собравшимся обратились представитель Болгарской академии наук профессор О. Пешев, вице-президент Академии наук Польской народной республики К. Урбаник. Вечер закончился

праздничным концертом, в котором приняли участие фольклорные коллективы сел Лешуконского, Шотова Гора, Дома культуры работников просвещения, Ненецкий молодежный ансамбль из поселка Нельмин Нос, творческая группа Северного русского народного хора, артисты областного драматического театра.

В музеях, библиотеках города и области были подготовлены специальные выставки, освещавшие жизнь и творчество Ломоносова. Городская библиотека им. М.В. Ломоносова в эти дни получила бесценный подарок от истинного патриота, умельца Зосимы Петровича Калашникова – макет первого здания Московского университета, основанного нашим великим земляком в 1755 году, примыкавших к нему Воскресенских ворот, через которые прежде выезжали на Красную площадь с Неглинки, а также макет сохранившейся до наших дней церкви Дмитрия Солунского на родине помора, в строительстве которой принимал участие отец Михаила Ломоносова – Василий Дорофеевич.

Около полутора тысяч книг было представлено на юбилейной книжной выставке в областной научной библиотеке имени Н.А. Добролюбова. Среди них – первые сочинения Ломоносова; работы, посвященные биографии ученого, его деятельности; книги о Русском Севере, о достижениях советской науки. Экспозицию оформил архангельский художник А. Позднышев. Особое место в ней заняли редкие издания, которые получены в дар из библиотек Академии наук СССР, Государственной библиотеки имени Ленина, библиотеки МГУ.

Хороший подарок получили северяне в дни юбилея от Северо-западного книжного издательства, которое выпустило работу “Слово о Ломоносове”. Авторский коллектив под научным руководством профессора Г.Г. Фруменкова поставил своей целью показать энциклопедичность наследия первого русского академика, его значение для современности. Книгу открывает обзорный очерк о научном и жизненном подвиге Ломоносова директора музея ученого в г. Ленинграде, кандидата технических наук Э.П. Карпеева. Духовному наследию Ломоносова в оценках деятелей XVIII – начала XIX века посвятил свои размышления доктор философских наук, про-

фессор И.А. Чудинов. Большой интерес вызвала статья И.В. Стрежнева “Блистательные вершины русской культуры” (М.В. Ломоносов и А.С. Пушкин). Другие публикации сборника “Слово о Ломоносове” свидетельствуют о глубоком интересе соотечественников к делам Ломоносова.

Юбилей ученого дал хороший импульс для развития науки в регионе. Географическое общество СССР, Министерство просвещения СССР, Архангельский педагогический институт провели две Всесоюзные научные конференции, которые привлекли внимание научной общественности. Так, 9-11 сентября 1986 года состоялась Всесоюзная научно-практическая конференция “М.В. Ломоносов и значение его деятельности для развития просвещения”, на которую приехали ученые АН СССР, АПН СССР, преподаватели пединститутов и университетов из девяти союзных республик. Результатом конференции явилось обращение исследователей к изучению педагогического наследия Ломоносова.

Лейтмотивом празднования 275-летия Ломоносова стало возвышение патриотических традиций российской науки, возрождение духовной культуры Русского Севера.

Стремительно летит время. Проходят годы, а с ними и дни рождения Ломоносова, К сожалению, в сутолоке дел или в шуме юбилеев мы часто забываем о необходимости повседневной работы по изучению и пропаганде идей ученого. Для нас, потомков Ломоносова, заклинянием должны звучать слова ученого: “Наука есть вождь к познанию правды, просвещение разума, успокоение народов”. Только такой ориентир позволит нам достойно встретить 300-летие со дня рождения Михаила Васильевича Ломоносова.

Русский Север в произведениях М.В. Ломоносова⁹

Речь, читанная на торжественном собрании Вологодского
Общества изучения Северного Края в день чествования
200-летней памяти Ломоносова 8 ноября 1911 года

Ломоносов по месту своего рождения, по годам своей юности, когда впервые проявляется в нем сила гениальных стремлений, наконец, по важнейшим темам своих поэтических и научных сочинений принадлежит Северу. И если вся Россия чествует Ломоносова в юбилейные годы его, как своего доблестного сына, то первое место в этом чествовании должен занять Север. В картинах Севера сказалось его поэтическое вдохновение, ко льдам холодного океана направлялась его творческая мысль, в северных недрах земли он обнаруживал богатства природы, в образе Петра Великого воспел могучаго героя Севера. Он был поэтом Севера, он был его ученым "испытателем". И эти два главнейших проявления человеческого духа – поэзии и науки – слились у Ломоносова в необыкновенной гармонии, как бы дополняя и совершенствуя одно и другое: в поэзии он остается ученым, в науке он остается поэтом. Над обеими областями духа у нашего великаго помора царит общее, объединяющее их начало – глубокая философская мысль, с которою он созерцает и творит, анализирует и собирает. Хотя Пушкин расчленял это общее представление о Ломоносове, видя в нем "историка, ритора, механика, химику минеролога, художника и стихотворца, но эти частичным определения он сливает в одно в заключительных словах, когда говорит о Ломоносове: "он все испытал, все проник". Однако эти звания – поэт и ученый – остались бы слишком отвлеченными, если бы мы не дали им более точнаго определения в смысле основы, на которой происходила деятельность Ломоносова. Этою основою была постоянная мысль его о родине, в силу чего самая творческая работа его носила характер патриотизма.

По специальной своей задаче из обширнаго списка сочинений Ломоносова мы возьмем только те, которыя имеют непосредст-

---

⁹ Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. - 1912. - № 7, 8.

венное отношение к Северу. Безпределъныя равнины глубокаго снега почти на крайней границе русской земли, яркое зарево ночных сияний, серыя волны и льдины Белаго моря - вот та обстановка и те картины, среди которых проводит свое детство и раннюю юность денисовскій рыбак. Сложна и изумительна дальнейшая его жизнь. Пушкин, выражаясь образно, сжал ее в следующее четверостишие:

Невод рыбак разстилает по берегу студенаго моря.

Мальчик отцу помогал. Отрок, оставь рыбака.

Мрежи иная тебя ожидают, иным забавы:

Будешь умы уловлять, будешь помощник царям.

И мальчик ушел, но, уходя, он унес с собою и впечатления детства, и память о родных картинах, чтоб потом, когда действительно он станет "помощник царям", отразить их в своем слове.

Остановим сначала внимание на Ломоносове как на поэте. Поэт в Ломоносове еще остается для многих вопросом: не будем решать его и мы, но, если искренность и неподдельное чувство составляют необходимое условие поэтического творчества, этого тайнаго психическаго процесса, то мы не откажем ему в имени поэта. Правда, как данник времени, шедший по следам занесеннаго к нам ложнаго классицизма, он остается еще в тисках условной теории, но откиньте ее и вы увидите в нем яркий пламень святаго вдохновенья.

Природа - вот могущественная вдохновительница Ломоносова, возбуждающая в нем творческую силу поэта. Но эта природа была не царством цветов под лазурным небом благодатнаго юга, нежная и ласкающая; нет - это природа дикаго Севера с ея порой страшными, а порой загадочными, ей одной свойственными, явлениями. Не льдины, а горы льда холоднаго моря, не заря, а пожарище неба в морозную ночь - вот предметы и краски картин Ломоносова, чуть ли не единственнаго русскаго поэта Севера. Эти картины не вызывали мелодичной песни, оне скорей пугали ум человека или повергали его в недоумение, искавшее разгадки в величии Бога. Вот Ломоносовская картина севернаго сияния - самаго величественнаго феномена Севера, в стихах творений которому дал название:

Вечернее размышление о Божием Величестве.

*Лице свое скрывает день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы черна тень;
Лучи от нас сокрылись прочь;
Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне - дна.*

*Песчинка, как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкий прах,
В свирепом как перо огне,
Так я, в сей бездне углублен,
Теряюсь, мыслями утомлен.
Уста премудрых нам гласят:
Там разных множество советов;
Несчетны солнца там горят,
Народы там и круг веков:
Для общей славы Божества
Там равна сила естества.*

*Но где ж, натура, твой закон?
С полночных стран встает заря?
Не солнце ль ставит там свой трон?
Не льдисты ль мешутъ огонь моря?
Се хладный пламень нас покрыл.
Се в ночь на землю день вступил,
О, вы, которых быстрый зрак
Пронзает в книгу вечных прав,
Которым малый вещи знак
Являет естества устав
Вам путь известен всех планет;
Скажите, что нас так мятет?
Что зыблет ясный ночью луч?
Что тонкий пламень в твердь разит?
Как молния без грозных туч
Стремится от земли в зенит?*

*Как может быть, чтоб мерзлый пар
Среди зимы рождал пожар?
Там спорит жирна мгла с водой;
Иль солнечны лучи блестят,
Склонясь сквозь воздух к нам густой;
Иль тучных гор верхи горят;
Иль в море дуть престал зефир,
И гладки волны бьют в эфир.
Сомнений полон ваш ответ
О том, что окрест ближних мест.
Скажите ж, коль пространен свет?
И что малейших доле звезд?
Несведом тварей вам конец, -
Скажите же, коль велик Творец?*

Картина эта еще не заменена в русской литературе живописью нового или новейшего времени. Но не в живости только дело. Поймем чувство поэта и разделим его с ним. Это не трепет испуганного зрителя перед поразительным явлением, это даже не молитва благочестной души. Это глубокое сознание Божьяго величества человеком, который в данный момент стал поэтом. Забудем на минуту религиозно поэтический экстаз автора и заглянем в его ученую книгу, где говорит он о том же явлении, как естествоиспытатель, в статье: "О явлениях воздушных, от электрической искры происходящих". Весьма вероятно, замечает он, что северный сияния рождаются от происшедшей на воздухе электрической силы. Бывают они по большей части после оттепели и предвещают морозы; в наших широтах сияния эти обыкновенно показываются после вечерней зари и редко продолжаются всю ночь, но в странах близ Северного океана они бывают непрерывны, особливо же за полярным кругом, так что "народам, живущим при Северном океане, во время солнечного отсутствия зимою и в новолунии для исправления нужд довольно света подавают". Особенно грандиозное и величественное "северное сияние Ломоносов наблюдал в 1750 году 23 января в Петербурге. Оно началось с шести часов пополудни и погасло только в девятом часу вечера. На севере сначала показалось яркое сияние, затем, над мрачною хлябью заблестела белая дуга, за которою появилась дру-

гая чистаго алаго цвета; на горизонте в стороне к западу загорелся того же цвета яркий столб, между тем все небо горело светлыми полосами. Вскоре после того, между белою и алою дугами небо покрылось зеленою краской, подобной цвету травы, и все это пространство приняло красивый вид радуги. Мало-по-малу сияние погасло, неподалеку от зенита оставался лишь белый яркий блеск, испускавший расходившиеся по небу лучи. Наконец, картина покрытаго радужными цветами неба, после двухчасового горения, сменилась обыкновенным в здешних местах сиянием. Это поразительно красивое северное сияние Ломоносов назвал "великим" и сам, как бы в недоумении, остановился перед ним в религиозном настроении и поэтическом очаровании.

Обращаясь к людям науки, он спрашивает:

Скажите, что вас так мятет?

Смутился слабый ум человека; но он понял в величии творения величие Творца, и смущению уже не было места. Здесь поэт заклонил ученаго, который еще не может дать полного и точнаго объяснения виденному явлению. "Сомнений полней ваш ответ", – говорит он ученым; на этих ответах раз они полны сомнений, человек успокоиться не может и ищет ответа другого, погружаясь в свою душу, откуда слышит его удовлетворяющий возглас: "велик Творец". Так изобразил и так прочувствовал Ломоносов зимнюю картину севернаго неба. Посмотрим на воду и на землю.

В поэме "Петр Великий" Ломоносов переносит нас на Белое море, в бурю и в шум его волн, когда в борьбе со стихией бьется ладья с царственным пловцом, могучим героем Севера. Поэт изображает грозный взрыв моря, охватившаго судно, когда уже скрылся берег, когда

*Закрылись крайние пучиною леса
Лишь с морем видны вдруг слиянны небеса.
Тут ветры сильные, имея флот во власти,
Со всех сторон, сложась к погибельной напасти,
На запад и на юг, на север и восток.
Стремятся и вертят мглу, влагу и песок:
Перуны мрак густой сверкая разделяют*

*И громко с шумом вод свой треск соединяют,
Меж морем рушился и воздухом предел
Дождю навстречу дождь с кипящих волн летел.*

Это не тихая картина северного сияния, описанного в радужных красках, – это грозный напор стихийной силы, требующей жертвы от беспомощного человека среди страшного разгула непобедимого холодного моря. Картина, давно знакомая Ломоносову. Еще ребенком он слышал рассказы о страшных бурях на океане, о зимах на Колгуеве, Новой Земле, Шпицбергене, об опасных переездах по Белому морю. Поэт воскресил в своей памяти одну из этих картин, на фоне которой поместил своего любимого героя. И герой этот не смутился от ярости голодных волн; он не потерял присутствия духа. "Мужайтесь!" – крикнул он – "нас промысел небесный искушает". Буря утихла; сам Бог морей "волнам седым подобен", смиряется перед Петром, вошедшим без страха в его владения; он не смеет стать перед ним и только дерзает сказать ему во-след:

*"Твои моря, над нами царствуй век,
Тебе течение пространных тесно рек,
Построй великий флот, поставь в пучине стены".*

Впереди Соловецкие острова, святой приют отшельников мира, где царит полное забвение радостей внешней жизни, где водворилась благоговейная тишина в труде и молитве. Поэт быстро переходит от тревоги бурного описания к изображению мирного Жития:

*Уже на западе восточными лучами
Открылся, освящен, с высокими верхами
Пречудных стен округ, из диких камней град.
Где вольны пленники спасения сидят,
От мира отделясь и морем, и святыней.*

Это уголок молитвы, уединения среди волн морских от волн житейских, святое место, где совершается дело, не каждому доступное. Такова у Ломоносова картина моря и Соловецкого на нем базиса.

Героями своих произведений Ломоносов выводит только людей подвига; у него нет средняго человека, которым в сущности живет наша жизнь. Лиризм любви и нежности не свойственен поэзии Ломоносова; его внимание останавливает на себе человек, готовый к борьбе с препятствиями, как бы они ни были опасны; человек, в котором живет сила могучаго трагизма. Поэт сам признается в этом, говоря:

*Хоть нежности сердечной
В любви я не лишен -
Героев славой вечной
Я больше восхищен.*

18-й век поэты называли "громким веком", а деятелей его "орлами". Эту линию героев восемнадцатого столетия начал собой Петр I, великий "Герой Севера", герой поэзии Ломоносова. Именем его переполнены оды нашего поэта; в царственной дочери его он видит его могучий дух и с ним соединяет славу России. В лице Петра Бог послал а Россию человека, "который не слыхан был от века", который сквозь все препятствия вознес –

*Главу победами венчанну,
Который Россию варварством погранну
С собой возвысил до небес.
Он велик своими победами:
В полях кровавых Марс страшился,
Свой меч в Петровых зря руках.
Он создает флот:
И с трепетом Нептун чудился,
Взирая на Российский флаг.*

Этому герою Ломоносов посвящает свою поэму: "Петр Великий", из которой мы уже брали картины северной природы. Место действия в этой поэме наш Север от Архангельска до Шлиссельбурга; событие, изображенное в ней, наша, загоравшаяся тогда Великая Северная война; центральная личность рассказа – Петр Великий. Не только по теоретическому требованию поэмы, но и сам по себе Петр Великий больше, чем человек: здесь он богатырь в борьбе с природой и с людьми. Свободная фантазия поэта собрала здесь все: тут мифические существа, вроде морского царя, – тут же

отшельники Соловецкого монастыря, куда заходит герой поэмы после того, как устрасил своим появлением властелина морей. Петр молится в святой обители, скорбит о широком развитии раскола и с горечью рассказывает о стрелецком бунте, потребовавшем у него решительных действий. Но сердце его исполнено воинского духа.

Несогласия с Карлом Шведским продолжаются и война вступает в полный разгар. Под Шлиссельбургом идет кровавый бой, здесь сам Государь, свидетель храбрости своих Преображенцев, он видит этот хаос ожесточенной битвы:

*Как туча грозная, вися над головой,
Надута пламенем сокрывшимся водой,
Напрягшуюся внутрь едва содержит силу,
Отъемлет почернев путь дневному светилу
Внезапно разразясь стесняет громом слух
И воздух, двигаясь, в груди стесняет дух,
Сугубят доли звук и пропасти глубоки,
И дождь, и град шумит, и с гор текут потоки,
Земля, вода, леса поколебались так.
На эту картину,
Сквозь дым сквозь сверканье мечей
Победа бодрых Петр внимание очей.*

Победа осталась за нами. Шведы сдались. Грозный и несокрушимый в бою Петр исполняется нежным чувством, при виде убитых на поле сражения, – и говорит "печальными устами":

*"О, други, верные, я вашими кровями
И общих и своих преодолел врагов:
Небесных радуйтесь, сподобившись венцов".*

Но Петр не только герой, сокрушающий вражескую силу, это дух творящий. Ломоносов с особенною полнотою говорит о тех делах государя, где проявилась его созидательная сила. На пути из Соловков он видит в Олонецком крае признаки руд и целебных вод, намеревается основать здесь заводы, чтобы разрабатывать металлы, думает о соединении каналом Волхова с Невою. Таким образом в лице Петра сказался полный образ героя и человека с несокруши-

мой силой воли, с широкоохватывающим умом и внимательной заботой о нуждах своей земли.

Ломоносов не окончил своей поэмы; он написал только две ея песни, как раз столько, сколько нужно было для изображения Петра на Севере или вернее для изображения Севера в делах Петра.

Другую областью, в которой проявился дух Ломоносова, была наука. В этой сфере деятельность Михаила Васильевича в обществе известна мало и, во всяком случае, меньше, чем в сфере поэзии и языка. Но справедливость требует сказать, что научные занятия Ломоносова по химии и астрономии, по степени своего значения не уступают его работам над русским словом, так как они составляют открытия, лично им вносимый в мировую науку. Химические опыты Лавуазье над явлениями горения получили всемирную известность, об открытиях же Ломоносова, который предупредил французского ученого в той же области на 17 лет, никто не знает. Открытие газообразной атмосферы вокруг Венеры приписывают ученым Штетеру и Гершелю, – но каким запоздалым является это открытие после того, как оно на тридцать лет раньше было сделано нашим ученым. 26 мая 1761 года должно было произойти редкое астрономическое явление – прохождение Венеры через диск солнца. Ломоносов наблюдал его в Петербурге с 4 до 10 часов утра. "Десятки астрономов¹⁰, говорит биограф Ломоносова, наблюдали это прохождение; все видели одно и то же, но только один Ломоносов сделал на основании своих наблюдений, совершенно правильное заключение, что планета Венера окружена большою газообразною атмосферой, – может быть, большею, чем земля. Хотя он и опубликовал это заключение, но подобно всем его научным открытиям, оно прошло незамеченным". Довольно этих указаний, чтобы признать все значение авторитета Ломоносова в области точных наук. Науку он вносит в поэзию и разсуждениями о ея значении уделяет значительное место в ряду патетических строк своих возвышенных од. Характер науки у него преимущественно реальный; он говорит о прикладных знаниях, его главнейшие темы: разработка богатств ископаемого царства, проложение кратчайших путей в далекия

---

¹⁰ Б.Н. Меншуткин. Жизнеописание М.В. Ломоносова.

страны для торговых сношений, сооружение по правилам науки заводов и фабрик и т. д. В посвященной Елизавете Петровне оде он говорит о том, что Россия богата сокровищами, какими славится Индия, но для разработки их нужны "искусством утвержденные руки, которых и камни почувствуют силу".

Этот характер практического значения науки мы видим у Ломоносова в его работах, посвященных родному Северу, к числу которых относится, между прочим, его "Краткое описание разных путешествий по северным морям и показания возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию". Должно сказать, что в середине 18 века русским правительством была предпринята попытка обследования берегов Северного океана с целью проложения пути в Ост-Индию для торговых сношений. Так в 1737 году была снаряжена большая северная экспедиция, в задачу которой входило описать и нанести на карту берега Ледовитого океана, но труды этой экспедиции ограничились линией от Белаго моря до р. Калымы, так как она встретила неодолимые препятствия со стороны льдов, которыми заперто было раздавленное ее судно, а сама она еле спасалась от гибели и окончила свое дело, насколько – было возможно, по сухому пути на собаках. Отчет об этой работе составлен был Харитоном Лаптевым. Почти в то же самое время другой Лаптев – Дмитрий на боте "Иркутск" пытался пробраться из устьев Лены к берегам Камчатки, но тоже, претерпев тяжелые неудачи, а с ними голод и холод, после нескольких лет старания ограничился лишь описанием устьев реки Анадыри. Так о холодные льды Северного океана разбилась смелая попытка проложить путь в далекие жаркие страны. Но Ломоносов не мог примириться с этими препятствиями; он твердо верил в то, что наука сильнее их, что она одолеет природу, которую нужно изучить. Увлеченный этим вопросом, в мечтах своих он рисовал победу над морями, когда говорил:

*Я вижу умными очами:
Колумб Российский между льдами
Спешит и презирает рок...
Ни бури разом изошренны,*

*Ни волны, льдом отягощены,
Против него не могут стать...*

В рапорте о своих занятиях он писал И.И. Шувалову, что "сочинил письмо о северном ходу в Ост-Индию Сибирским океаном". Это письмо оказало свое действие: в 1764 году под непосредственным наблюдением Ломоносова была снаряжена экспедиция для отыскания морского пути в Индию, но Ломоносов не дождал результатов этого предприятия, так как экспедиция вернулась в Архангельск, не одолев заграждений почти из сплошного льда, когда его уже не было в живых. Насколько же интересовал Ломоносова вопрос об этом пути, между прочим, мы видим из его черновой записки, в которую, как бы для памяти, занесены следующие слова: "примерная инструкция морским командующим офицерам, отправляющимся к поисканию морского пути на восток сибирским океаном". Несомненно, плодом этих размышлений еще раньше явилось его "Разсуждение о большей точности морского пути", прочитанное им в публичном собрании Академии Наук в 1759 году. В этом разсуждении ученый автор говорит о том, как много может принести пользы в деле навигации наука и "преискусные в астрономии и мореплавании люди". Здесь предлагаются способы определения времени на меридиане корабля, о сыскании широты и первого меридиана по наблюдению звезд, о предсказании погоды, а особливо ветров и проч. К своему сочинению Ломоносов приложил чертежи им изобретенных приборов и этим придал своей работе еще большее значение. Как видим, Ломоносов ставит новый научный вопрос, вопрос о метеорологических наблюдениях, понимая, что предсказание погоды, возможное при данных науки, может иметь широкое значение на море и на суше, как для плователя, говорит он, так и для земледельца. Нельзя в этом случае обойти молчанием ту заметку в рапорте Шувалову, в которой он говорит: "деланы опыты метеорологические над водою, из Севернаго океана привезенною, каком градусе она замерзать может". В связи с мыслями о северной экспедиции и трактатами его по этому поводу находится и то его сочинение, в котором он излагает гипотезу "О происхождении ледяных гор в северных морях". Сочинение это написано было

Ломоносовым по случаю избрания его членом Стокгольмской Академии.

До сих пор мы видели Ломоносова в его исследованиях небесных и морских явлений на севере. Посмотрим, что дали исследования его над сушей. Огромная территория страны не смущала нашего ученого, и он не ограничивался только землею Европейской России, но проникал и в отдаленную Сибирь, туда где

*Леначистой быстриной,
Как Нил, народы напаяет
И бреги наконец теряет,
Сравнявшись морю шириной.*
Васильев.

Мы говорили уже о попытках составления карт северного побережья от Белого моря до Камчатки. Это, конечно, была желательная деталь, но у нас не было еще общего атласа России, необходимость которого всегда очевидна. На этой необходимости и остановился Ломоносов в специальном сочинении: "Об исправлении Российского атласа". Свою работу наш ученый предпринял, между прочим, с целью "показать в других государствах, что наше отечество не так пусто и безнародно, как на атласе нашем поставлено". В этих словах мы слышим голос не только ученого, но и патриота, желающего сказать правду о своем отечестве другим народам, у которых, что замечается и в настоящее время, так много ложных представлений о России. Ломоносов хочет отнестись к намеченному делу с надлежащей точностью и, вследствие этого, в донесении президенту Академии гр. Разумовскому пишет, что "для большей исправности Российского атласа неотменно должно знать долготы и широты знатнейших мест Российского Государства, о чем неоднократно от профессоров представляемо было". Атлас этот, по мнению Ломоносова, должен состоять из 60 или 80 больших карт "с отменными украшениями и с политическим и экономическим обстоятельным описанием всея Империи, включая Сибирь". Для выполнения дела, столько же грандиозного, сколько необходимого, предположено было разделить великую Россию на три экспедиции, "который бы все в полтора, а по большей мере в два года могли быть

окончены". Северная часть России поручалась третьей экспедиции, которой надлежало определить астрономическое положение следующих мест: Ладоги, Тихвина, Ярославля, Нижняго-Новгорода, Козмодемьянска, верховья реки Ветлуги, Галича, Вологды, Устюга, устья реки Выми, Усть-Елмской слободы, Пустозерского острова, Мезени, города Архангельска, Кеми, Кандалакши, Колы, Каргополя". К сожалению, достойная глубокого внимания, мысль Ломоносова о составлении научно-точного атласа России с политическим и экономическим описанием остается мыслью в проекте и до сего времени не только в Азиатском, но и в Европейском Севере. У нас немало таких мест, которые еще не нанесены на карту. Нет сомнения, что в обстоятельном описании нашли бы себе место и природный богатства той или другой местности, о которых мы узнаем в наши дни в самых разнообразных показаниях, каковыя, например, богатства Вологодского края с его нефтью, серебром и целебными источниками.

Мысли об экономическом описании страны возникали у Ломоносова естественным путем и прежде всего останавливались по преимуществу на пределах Северного края. Так появилось его "Нижайшее донесение в правительствующий Сенат", на обсуждение которого он представлял свои проекты о собирании материалов по геологии минералогии России. "В пространном Российском государстве, писал Ломоносов в этом донесении, коль великое множество должно быть разных минералов, легко понять можно. Одно любопытство побуждает, чтобы знать внутренность подземной Российской природы и оную для общего приращения наук описав, показать ученому совету. Однако, нет сомнений, чтобы в такой обширности не было по разным местам руд, дорогих металлов и камней. Примеров имеем довольно в Сибири, на Олонце, на Медвежем острове и в других местах, где руды без искания ненарочно открылись"... Об этих рудах и минеральных богатствах, как о существующих уже и явных, Ломоносов говорит в своей поэме "Петр Великий". Возвращаясь с Белого моря к Шлиссельбургу, Государь приходит в Онежский край, здесь

*Монарх наш, переходя Онежских крутость гор,
Свой пронзительный кругом возводит взор,
И видя, что из них исшедшие потоки
Несут из крутизны металлические соки,
Богатства здоровья являются ключи:
Блестят из мрачных мест сокровищей лучи:
Сказал: "ты можешь мне произвести, Россия,
Целебны влажности и жилы золотых".*

Так двести лет тому назад свидетельствовал в науке и в поэзии о русских природных богатствах Ломоносов, находя их в нелюдимом и неприветливом Русском Севере, которому не достает еще -

Искусством утвержденных рук.

Но Север их ожидает, ожидает до сего времени "для приращения государственного богатства и имущества". В этих словах мы снова слышим голос практика, который в науке, как мы заметили, видел всегда ее реальное значение и не пропускал случая говорить о ней и в прозе и в стихах. Герой поэмы Петр I спешит "против врагов чрез горы и валы"; ему нужны вооружение и снаряды, и он обращается к России:

*Железо мне пролей, разженной токи меди:
Пусть мощь твою и жар почувствуют соседи.*

Но повествователю о просветительной деятельности Ломоносова невольно в этом месте приходится высказать сожаление о том, что труды этого человека не получали надлежащей оценки у современников и прежде всего у его ученой братии – академической корпорации, которая не то с завистью, не то с недружелюбием относилась ко всем его начинаниям. Самый тот атлас, о котором только что говорили мы, не был завершен Ломоносовым потому, что его действительно "оттерли" от него. И это был не единственный случай неприязненного отношения к самородному русскому гению различных господ из темной, хотя книжной толпы, вроде Шумахеров, Таубергов, Миллеров, одни иноземныя имена которых говорят о том, кого этот великий поборник русского образования "имел пе-

ред собою в числе неприятелей, как он выражался, наук Российских".

В кратком очерке мы обозрели поэтическую и ученую деятельность Ломоносова, придерживаясь исключительно того, что, так или иначе, связывалось с природою Русского Севера. Мы оставляем в стороне исторические труды его, так как эта область его деятельности не заключает в себе чего-либо оригинального. Главнейшие положения его в этой области сводятся к следующему: он признает доисторическую древность славянского племени, полагая, что "и прежде Троянской войны, и после оной предки Славянских народов на вечерняя и полуночные страны переселялись и размножались"; считает, что немалое число Чудского поколения соединилось с племенем Славянским и участие имеет в составлении Российского народа, вследствие чего многие села, реки, города и целые области, особенно в северном крае, остались под чудскими названиями, равно, как "немалое число чудских слов" сохранилось и в русском языке. Хотя значение Ломоносова по отношению к Русскому Северу есть, конечно, значение частичное, ибо гений этого человека охватывал интересы всей России, во всех областях ее государственной жизни, тем не менее, мы должны признать, что Русский Север входит видно частью в поэзию и науку Ломоносова. Он ближе к нему, как священное место Родины, как источник поэтического вдохновения и как предмет его научных размышлений. Мы любим его "Северным Сиянием", мы видим перед собою во весь рост фигуру его "Северного героя", мы наблюдаем его в проекте и в составлении его плана Северного пути" в богатую Индию, вместе с ним останавливаемся перед природными богатствами северного края, видим, как он в Академии производит опыты над водою, привезенною из "Северного океана".

Итак, везде Север, Север от просвещенного Петербурга до неграмотной в то время деревни Денисовки.

На высоте своей учености и общественного положения Ломоносов не забывал родного Севера и в личных отношениях к тем, с кем был связан землячеством или родственными узами. Он с необыкновенною любезностью и простотою принимал у себя в Петер-

бурге своих земляков, приходивших к нему с берегов Белого моря, а в письмах на родину поддерживал свои отношения с близкими ему лицами и заботился о них, как он выражался "в случае нужды" и "без нужды". Сохранилось прекрасное письмо его из Петербурга от 2 марта 1765 года, последнего года его жизни, к сестре Марье Васильевне в г. Матигоры, в котором он в чрезвычайно ласковых словах говорит о том, как он принял своего племянника маленького Мишеньку, приехавшего к дяде учиться. "Поверь, пишет он, сестрица, что я об нем стараюсь, как должен добрый дядя и отец крестный. Я часто, замечает он в постскриптуме, выдаюсь здесь с вашим губернатором и просил его по старой своей дружбе, чтобы вас не оставил".

Русский Север и Ломоносов – два представления, неотделимая одно от другого. Этот Север, дотоле неподвижный и почти неведомый, ожил с именем Ломоносова в его поэзии и в его науке.

А. Куник

**Черты и анекдоты для биографии Ломоносова,
взятые с его собственных слов Штелиным 1783 г^{11,1}**

Примечание Штелина на заглавии в тетради: Эти анекдоты, по приказанию княгини Дашковой, президента Академии наук, были переведены на русский язык и с исключением некоторых менее важных мест, напечатаны под заглавием: Жизнь Ломоносова при первом томе его сочинений, изданных Академиею в 1784 году.

Ломоносов родился на острове, лежащем на Северной Двине, недалеко от Холмогор, в Куростровской волости, в 1711 году.

Когда он подросток, отец его, рыбак, брал его несколько раз с весны до поздней осени с собою на рыбную ловлю, в Колу, в Белое и даже Северное море, до 70 градусов сев. широты, о чем он сам припоминал впоследствии. По 10 году, в зимнее время учился он читать и писать у священника своего села, который, не зная латинского языка, выучил его только чтению церковных книг, но возбу-

---

¹¹ М.В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников. М.–Л.– Из. Академии наук СССР, 1962. – С.51, 60

дил его любознательность рассказами про Заиконоспасский монастырь в Москве. Ломоносов выучился также исчислению, впрочем, без объяснения правил.

На 17 году, зимою, в ночь, ушел он тайно из отцовского дома, вслед за обозом с рыбой, который отправлялся в Москву. Он догнал его на другой день, в 80 верстах от своей деревни, на большой дороге. Приказчик не хотел взять его с собою, но он просил со слезами дать ему случай взглянуть на Москву.

В Москве, где у него не было ни души знакомых, спал он первую ночь на возу. Проснувшись на заре, он стал думать о своем положении и с горькими слезами пал на колена, усердно моля бога ниспослать ему помощь и защиту. В то же утро пришел городской дворецкий на рынок закупать рыбы. Он был родом с той же стороны и, разговорившись с Ломоносовым, узнал его. Этот дворецкий просил своего приятеля, монаха из Заиконоспасского монастыря, исходатайствовать у архимандрита для Ломоносова позволения вступить в семинарию.

Между тем его домашние в деревне искали его по всей округности и, не найдя, считали без вести пропавшим, пока наконец, с последним зимним путем возвратился из Москвы тот обоз, и приказчик сказал отцу Ломоносова, что его Михайло остался в Москве, в монастыре, и просит его об нем не сокрушаться.

В монастыре Ломоносов учился с большим прилежаньем и делал удивительные успехи. В свободное от учения время сидел он в семинарской библиотеке и не мог начитать. В первое полугодие был он переведен из первого класса во второй и в тот же год в третий. Кроме латинского, он выучился греческому языку и горел желанием изучить физику и математику; но не имел к тому случая. Так как жажда его к познаниям не могла быть вполне удовлетворена в семинарии, то он просил начальников отослать его на год в Киев для изучения философии, физики и математики. Там нашел он одни сухие бредни вместо философии, но совершенно никаких материалов для физики и математики. А потому не остался и года в этой Академии, где за недостатком других книг прилежно перечитывал он летописи и творения св. отцов. Лишь только возвратился

он в свою семинарию, как пришло туда из Петербургской Академии требование о присылке двенадцати семинаристов для дальнейшего усовершенствования в науках. Обрадованный этим желанным известием, он тотчас стал проситься в Академию. В 1734 г. был он послан с 5 товарищами из монастыря в Петербургскую академию.

Там занимался он с большим старанием физикою и математикою, также и поэзиею, хотя ничего не печатал, и в особенности любил заниматься минералогиею и физическими экспериментами.

Весной 1736 года Академия назначила послать его, вместе с его товарищем Виноградовым в Марбург, к знаменитому философу и математику Христиану Вольфу, от которого он через три года, по его рекомендации отправился в Фрейберг к горному советнику Генкелю для изучения горного дела и металлургии. Через некоторое время возвратился в Марбург, в университет. В первое свое пребывание там, будучи студентом, он скоро выучился говорить и читать по-немецки, для чего, впрочем, он еще в Петербурге в гимназии приобрел хорошие подготовительные познания. В особенности любил он стихотворения Гюнтера и знал их почти наизусть. По тому же размеру стал он сочинять русские стихи. Первым его опытом в этом роде (в 1739) была торжественная ода на взятие Очакова. Он послал ее к тогдашнему президенту Академии Корфу, который отдал ее на рассмотрение Ададурову и Штелину.

Мы были очень удивлены таким, еще небывалым в русском языке размером стихов и нашли, между прочим, что эта ода написана в Гюнтеровом размере и именно в подражание его знаменитой оде: Ойген ист форт! Музен нах етк., и даже целые строфы были из нее переведены. Она была напечатана при Академии, поднесена императрице Анне, роздана при дворе, и все читали ее, удивляясь этому новому размеру. (Тогда Сумароков еще и не думал о сочинении стихов, тем менее таким размером; но все-таки впоследствии, в царствование императрицы Елизаветы, он хотел присвоить себе имя и деств первого автора, который ввел этот размер в русском стихосложении).

Около этого времени (1740) Ломоносов тайно женился в Марбурге на дочери своего хозяина (марбургского гражданина, ремеслом портного), у которого жил он несколько времени, и там же родилась у него первая дочь.

В продолжение своего там пребывания он содержал жену и дочь своим жалованьем, которое получал по третям из Петербургской Академии. По его просьбе о дозволении ему усовершенствовать себя в горном деле и в металлургии Академия позволила ему посетить рудники в Гессене и Гарце (см. протокол акад. Канцелярии).

В Гессене познакомился он с знаменитым металлургом и горн. советн. Крамером, который там печатал свое превосходное сочинение о химии. С ним прожил он несколько времени, прилежно занимаясь своим предметом. Везде посещал он рудокопные заводы и плавильни, и провел там все лето.

Зимою возвратился он в Марбург и прожил тут до весны 1741 года.

От ничтожных средств к содержанию, от роскошной иногда жизни и от необходимых издержек на содержание своего тайного семейства он впал в бедность, в долги и в такое отчаянное положение, из которого не знал, как освободиться. Из опасения попасть в тюрьму он решился тайно убежать в Голландию, хотя бы даже пришлось ему дорогой просить милостыни (потому что от полученного им незадолго пред тем третнего жалованья у него не осталось ни гроша), а там сесть на корабль и отправиться в свое отечество.

Начало этого предприятия исполнил он, не сказав никому ни слова в Марбурге. По дороге в Дюссельдорф, в расстоянии двухдневного пути от Марбурга, зашел он на большой дороге в местечко, где хотел переночевать в гостинице. Там нашел он королевско-прусского офицера, вербующего рекрут, с солдатами и с несколькими новобранцами, которые весело пировали. Наш путешественник показался им приятною находкою. Офицер вежливо пригласил его без платы поужинать и попить в их компании. Не забыли также расхвалить ему королевско-прусскую службу, и мало-

помалу уговорили молодого странника вступить в нее. Они так напоили его, что он на следующий день ничего не мог припомнить, что происходило с ним в продолжение ночи. Проспавшись, увидел он только, что у него на шее красный галстук, который он тотчас же снял, и в кармане несколько прусских монет. Офицер же называл его славным молодцом, которому, наверное, посчастливится в королевско-прусской службе: солдаты называли его товарищем. "Я ваш товарищ? – сказал Ломоносов, – я про то ничего не знаю; я русский, и никогда не был вашим товарищем!" – "Что? – возразил вахмистр, – ты им не товарищ? Разве ты проспал или уж забыл, что ты вчера при нас принял королевско-прусскую службу, ударил по рукам с господином поручиком, взял задаток и пил с нами здоровье твоего и нашего полка? Будь же бодрее, друг кавалерист, и не раскаивайся; тебе у нас понравится; ты красивый молодец и верхом будешь очень хорош на параде".

И так наш бедный Ломоносов стал королевским прусским рейтаром и дня через два вместе с другими рекрутами, набранными в окрестности, был отправлен в крепость Везель.

С этой минуты он твердо решился бежать при первом удобном случае. Его провожатые, казалось, заметили в нем еще дорогою это желание, и потому в Крепости Везеле с самого начала стали присматривать за ним строже, чем за прочими рекрутами. Заметив это, он притворился очень довольным, как будто он получил величайшую охоту к военной службе. К его счастью, он не был, как большая часть рекрутов, помещен в городе на квартирах, но оставался в караульне, где должен был спать на скамейке. Так как эта караульня находилась близко от вала и заднее окно выходило прямо на вал, то он и решился воспользоваться этим и другими удобствами к своему предположительному бегству, которое через несколько недель он смело предпринял и благополучно исполнил. Он каждый вечер ранее ложился спать на свою скамейку, так что высыпался довольно, когда его товарищи едва только засыпали, и всегда искал случая убежать. Однажды, проснувшись вскоре после полуночи, он заметил, что все прочие спали глубоким сном; он решился с величайшей осторожностью вылезти из заднего окна и взобраться на вал. Тут в

темноте он пополз до вала на четвереньках, чтоб часовые, расставленные не в дальнем расстоянии один от другого, не могли его заметить, спустился в ров, переплыл чрез него без шума, взобрался на четвереньках на вал и опять спустился в ров и переплыл его; потом вскарабкался на контрескарп, перелез через частокол и палисадник и с гласиса выбрался в открытое поле. И так самое трудное, под защитою ночного мрака, было благополучно окончено: теперь его спасение зависело от достижения им прусской границы; но до нее оставалось более немецкой мили; и вот он в мокрой солдатской шинели, повязав шею носовым платком вместо красного галстука, собрал все свои силы, чтобы до рассвета достигнуть границы. Едва совершил он четверть пути, как стало уже рассветать, и вскоре после того он с трепетом услышал с крепости пушечный выстрел, обыкновенный сигнал о бежавшем дезертире. Этот угрожающий звук заставил его удвоить шаги, и он побежал из всех сил, оглядываясь по временам; он увидел даже, хотя и в далеком еще расстоянии, кавалериста из крепости, скачущего за ним во весь опор. Но прежде нежели он мог догнать его, наш смелый беглец достиг Вестфальской границы, и возблагодарил бога за благополучное свое спасение от прусской власти. Даже и тут, в вестфальской деревне, он не решился остановиться, а пошел в ближний лес, где в его густом кустарнике он снял с себя мокрое платье, чтоб высушить его, а сам между тем лег и проспал до сумерек. Вечером он с новыми силами пустился в путь, выдавая себя везде за бедного студента, и пробрался таким образом через Арнгейм в Утрехт, а оттуда в Амстердам. Здесь импер. русский агент Олдекоп принял его, как русского, претерпевшего на дороге несчастье, дал ему другое платье и отправил в Гагу к русскому посланнику графу Головкину. Этот вельможа снабжал его несколько дней всем нужным, дал ему денег необходимых на дорогу, и отправил его обратно в Амстердам, где он скоро нашел случай сесть на корабль, отправляющийся в Петербург. Еще до своего отъезда он написал жене своей, оставленной им в Марбурге, известил ее о прибытии своем в Голландию к русскому посланнику графу Головкину и просил ее не писать к нему до тех пор, пока он не известит ее о своей дальнейшей судьбе и о месте своего пребывания.

Но после того он долгое время не писал ей, вероятно потому, что его обстоятельства в Петербурге (куда прибыл благополучно " " месяце 1741 (8 июня – Г.Г.), и после различных доказательств своих способностей и познаний получил звание адъютанта Академии) были такого рода, что он не мог еще решиться объявить в Петербурге о своем супружестве, которое никому не было там известно, написать к себе жену и ребенка и содержать их своим скудным жалованьем адъютанта, в таком дорогом месте, как Петербург

Дорогою, когда он плыл морем в свое отечество, случилось с ним происшествие, которое глубоко тронуло его и которого он никогда не мог забыть.

Он проснулся после странного сновидения, в котором он очень ясно видел своего отца, выброшенного кораблекрушением и лежащего мертвым на необитаемом, неизвестном острове в Белом море, не имевшем имени, но памятным ему с юности, потому что он некогда был к нему прибит бурей с отцом своим. Лишь только он приехал в Петербург, как поспешил справиться об отце своем на бирже у всех прибывших из Архангельска купцов и у холмогорских артельщиков и наконец узнал, что отец его отправился на рыбную ловлю еще прошлую осенью, и с тех пор не возвращался, а потому и полагают, что с ним случилось несчастье. Ломоносов так был поражен этим известием, как прежде своим пророческим сном. Он дал себе слово отправиться на родину отыскать тело своего несчастного отца на острове, известном ему с юности и представившемся теперь ему во сне со всеми подробностями и признаками и с честью предать его земле. Но так как занятия его в Петербурге не позволили ему исполнить это намерение, то он с купцами, возвратившимися из Петербурга на его родину, послал письмо к тамошним родным своим, поручил своему брату исполнить это предприятие на его счет, описав подробно положение острова и просил убедительно, чтоб тамошние рыбаки, отправившись на рыбную ловлю, пристали к нему, отыскали на нем тело отца его и предали его земле. Это было исполнено еще в то же лето: партия холмогорских рыбаков пристала к этому дикому острову, отыскала мертвое тело на описанном месте, похоронила его и взвалила большой камень на могилу. Из-

вестие о совершенном исполнении его желания, полученное им в следующую зиму, успокоило его всегдашнюю тайную печаль, причину которой он только впоследствии сообщил другим.

С этого времени он стал опять весел, с новою охотою и необыкновенным прилежанием стал заниматься науками и писал различные сочинения по части физики и химии, которые обратили на себя внимание членов Академии, показав его гениальный взгляд на науку, и проложили ему дорогу к званию профессора химии и металлургии.

Между тем его оставленная в Марбурге жена не получила никаких известий о его местопребывании и в продолжении двух лет не знала, куда он девался. В том неведении и беспокойстве обратилась она (1743) к импер. российскому посланнику в Гаге, графу Головкину, по первому письму своего мужа, присланному им по прибытии его в Голландию. Она убедительно просила графа, который два года тому назад так милостиво его принял, известить ее, для успокоения ее глубокой горести, куда отправился и где теперь находится муж ее, студент Ломоносов. Притом она написала к нему письмо, в котором открывала ему свою нужду и просила его помочь ей сколько возможно скорее. Граф Головкин послал это письмо с своею реляциею к канцлеру графу Бестужеву и просил его доставить ему ответ. Граф Бестужев, не осведомляясь о содержании письма, ни о причине требуемого ответа, поручил статскому советнику Штелину передать его кому следует и доставить ему непременно ответ.

Никто и не воображал, что Ломоносов был женат. Но он сам, полагая, что граф Головкин узнал все обстоятельства от его оставленной им жены, прочитал письмо и воскликнул; "Правда, правда, боже мой! Я никогда не покидал ее и никогда не покину; только мои обстоятельства препятствовали мне до сих пор писать к ней и еще менее вызвать ее к себе. Но пусть она приедет, когда хочет; я завтра же пошлю ей письмо и 100 руб. денег, которые попрошу передать ей". То и другое было отослано к посланнику в Гагу, а он немедленно переслал все в Марбург, и в том же году жена его с ребенком и в сопровождении брата приехала через Любек в Петербург к

своему обрадованному мужу, которого она нашла здоровым и веселым, в довольно хорошо устроенной академической квартире при химической лаборатории.

Что он в 1746 году получил звание профессора химии и экспериментальной физики; совершенно перестроил академическую лабораторию, и устроил ее в новейшем и лучшем виде; делал много экспериментов и открытий; какие сочинения читал он в академических собраниях; какие прекрасные речи говорил он в честь Петра Великого и императрицы Елизаветы; какие превосходные стихи писал он по временам и какие книги издавал он, как, например, Риторику, Русскую грамматику, Руководство к горному искусству и к рудопромышленным заводам; какие трагедии писал он первый на русском языке и что издал он в свет о древней русской истории и проч. - все это можно подробно и обстоятельно видеть как в самих его сочинениях, изданных им в последовательном порядке, так и в протоколах академической Канцелярии и Конференции.

Его таланты и сочинения приобрели ему высочайшую милость императрицы, которая, в изъявлении своего благоволения, пожаловала ему довольно поместье Каровалдай при Финском заливе; он пользовался особенною благосклонностью многих вельмож русского двора, как например канцлера графа Воронцова и брата его сенатора графа Романа Ларионовича, камергера Ивана Ивановича и генерал-фельдцейхмейстера графа Петра Ивановича Шувалова, гетмана и президента Академии графа Разумовского и многих других именитых особ государства; приобрел уважение многих славных ученых Европы и целых обществ, как, например, королевской Шведской Академии наук и знаменитой Болонской Академии, которая сделала его своим членом; наконец, сама императрица Екатерина II всемилостивейше признала его заслуги и, зная его особенные познания о внутреннем устройстве государства и о состоянии островов, лежащих далеко на Север, благоволила потребовать от него письменные его сочинения об открываемых тогда островах на Камчатском и далее на Ледовитом море и проч. Все это не анекдоты, но всем известные дела, и, следовательно, легко можно собрать подробнейшие о том известия.

Как справедливый анекдот, которого я сам был свидетелем, заслуживает быть упомянутым следующий: увидя в первый раз в жизни мозаическую работу – плачущего апостола Петра, – подаренную папою Климентом XIII графу Во-ронцову, пожелал он тотчас произвести подобную работу в России. Он рассмотрел составные его части и в своей плавильной печи сплавил составные камни различных цветов и оттенков, составил особый цемент и удачно вылепил голову Петра Великого – первую мозаичную работу в России. После того, совершенствуясь постепенно в своем искусстве, предпринял он, наконец, изумительно огромное изображение Полтавской битвы (12 фут. в высоту и 8 в ширину), на котором лица были. представлены в обыкновенный рост, назначенное для внутреннего украшения Петропавловского собора.

Есть много анекдотов о непримиримой ненависти ученого Ломоносова необразованному сопернику своему в стихотворстве Сумарокову, который при каждом случае старался оскорблять его. Вот один из них: камергер Иван Иванович Шувалов пригласил однажды к себе на обед, по обыкновению, многих ученых и в том числе Ломоносова и Сумарокова. Во втором часу все гости собрались, и чтобы сесть за стол, ждали мы только прибытия Ломоносова, который, не зная, что был приглашен и Сумароков, явился только около 2 часов. Пройдя от дверей уже до половины комнаты и заметя вдруг Сумарокова в числе гостей, он тотчас оборотился и, не говоря ни слова, пошел назад к двери, чтоб удалиться. Камергер закричал ему: "Куда, куда? Михаил Васильевич! Мы сейчас сядем за стол и ждали только тебя". - "Домой", - отвечал Ломоносов, держась уже за скобку растворенной двери. - "Зачем же? - возразил камергер, - ведь я просил тебя к себе обедать". - "Затем, - отвечал Ломоносов, - что я не хочу обедать с дураком". Тут он показал на Сумарокова и удалился.

Ломоносов умер на 3-й день Пасхи 1765 года. За несколько дней до своей кончины сказал Штелину: "Друг, я вижу, что должен умереть, и спокойно и равнодушно смотрю на смерть; жалею только о том, что не мог я совершить всего того, что предпринял я для пользы Отечества, для приращения наук и для славы Академии, и

теперь при конце жизни моей должен видеть все мои полезные намерения исчезнут вместе со мной".

К его великолепному погребению, на котором присутствовали С.-петербургский архиерей с именитейшим духовенством, некоторые сенаторы и многие другие вельможи, явился и Сумароков. Присев к статскому советнику Штелину, бывшему в числе провожатых, указал он на покойника, лежащего в гробу и сказал: "Угомонился дурак и не может более шуметь!" Штелин отвечал ему: "Не советовал бы я вам сказать ему это при жизни". Ломоносов нагнал на него такой страх, что Сумароков не смел разинуть рта в его присутствии.

Граф Орлов выпросил у вдовы его оставшиеся после него бумаги, поручил секретарю Козицкому привести их в порядок и положить во дворце своем, в особой комнате.

Спустя несколько времени после его смерти канцлер граф Воронцов, высоко уважая его заслуги отечеству, захотел воздвигнуть ему памятник из белого мрамора и поставить на его могиле в Невском монастыре; он поручил статск. сов. Штелину сочинить подпись и рисунок к нему во флорентийском размере. То и другое было отослано графом в Ливорно, и на следующий год получен был памятник из каррарского мрамора, сделанный совершенно по рисунку, в том виде, как он теперь находится на кладбище вышеупомянутого монастыря.

Камергер граф Андрей Петрович Шувалов напечатал на его кончину прекрасную оду на французском языке, в которой были превознесены заслуги Ломоносова и унижены зависть и невежество Сумарокова.

Приведу один пример необыкновенного присутствия духа и телесной силы Ломоносова. Будучи адъюнктом Академии, жил он на Васильевском острове при химической лаборатории и мало имел знакомства с другими. Однажды в прекрасный осенний вечер пошел он один-одинехонек гулять к морю по большому проспекту Васильевского острова. На возвратном пути, когда стало уже смеркаться и он проходил лесом по прорубленному проспекту, выскочили вдруг из кустов три матроса и напали на него. Ни души не

было видно кругом. Он с величайшею храбростью оборонялся от этих трех разбойников. Так ударил одного из них, что он не только не мог встать, но даже долго не мог опомниться; другого так ударил в лицо, что он весь в крови изо всех сил побежал в кусты; а третьего ему уже нетрудно было одолеть; он повалил его (между тем как первый, очнувшись, убежал в лес) и, держа его под ногами, грозил, что тотчас же убьет его, если он не откроет ему, как зовут двух других разбойников и что хотели они с ним сделать. Этот сознался, что они хотели только его ограбить и потом отпустить. "А! каналья! – сказал Ломоносов, – так я же тебя ограблю". И вор должен был тотчас снять свою куртку, холстинный камзол и штаны и связать все это в узел своим собственным поясом. Тут Ломоносов ударил еще полунагого матроса по ногам, так что он упал и едва мог сдвинуться с места, а сам, положив на плечо узел, пошёл домой с своими трофеями, как с завоеванной добычей, и тотчас при свежей памяти записал имена обоих разбойников. На другой день он объявил об них в Адмиралтействе; их немедленно поймали, заключили в оковы и через несколько дней прогнали сквозь строй.

А. Куник, ч. II, стр. 390-405.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. "Анекдоты" Штелина о Ломоносове в середине XIX века были переведены с немецкого языка на русский Ф. Б. Миллером и впервые опубликованы М. П. Погодиным в журнале "Москвитянин" (1850, ч. 1, отд. III, стр. 1 - 14). Рукопись Штелина на немецком языке хранится в Архиве АН СССР (ф. 20, оп. 6, № 33). Следует сказать, что слово "анекдоты", которым озаглавлена статья Штелина, у современных читателей может вызвать некоторое сомнение в достоверности приводимых Штелиным фактов. Но в отличие от современного понятия анекдота как короткой, но острой сатиры в XIX в. под этим словом подразумевался любой рассказ о событиях или каких-либо бытовых подробностях, до сих пор не опубликованных в печати. В этом отношении многие анекдоты в XVIII в. по своей достоверности не уступали историческим сведениям. Большая часть сообщений, приводимых Штелиным, является достоверным мате-

риалом. Сведения Штелина о Ломоносове интересны и представляют большую ценность. П. С. Билярский, оценивая значение анекдотов Штелина, писал: "Не надобно забывать, что Штелин в своих записках имел в виду только анекдотическую (личную, бытовую и пр. - Г. П.) сторону жизни Ломоносова, которая без того могла бы погибнуть для потомства; академическая - же деятельность Ломоносова застрахована от забвения академическими архивами, на которые Штелин и ссылается в своих записках". (П. Билярский)

2. См. № 9, прим. 7.

3. Ломоносов был направлен в Петербургскую Академию наук в числе 12 учеников Славяно-греко-латинской академии.

4. Я. Штелин ошибочно указал, что мозаичную картину "Плачущий апостол Пётр" Воронцову подарил Клемент XIII. Эта мозаика была подарена Воронцову папой Бенедиктом XIV (1675 - 1758), покровителем и ценителем мозаичного искусства. Так, в Риме по его приказанию в церкви св. Петра были выполнены прекрасные мозаичные картины.

5. Ломоносов умер 4 апреля 1765 г., на второй день Пасхи.

А. ИВАНОВ

ВЕЛИКИЙ СЫН СЕВЕРА

(Памяти великого земляка)¹²

"За общую пользу, а особливо за утверждение наук в отечестве и против отца родного воз-стать за грех не ставлю".

Уже неоднократно русский народ из самых сокровенных глубин своих высылал на широкую дорогу русского общественного и культурного развития передовых бойцов, людей твердых духом, крепких волей и ясных разумом.

Посашков, Волков, Кольцов, Шевченко, Горький – вот яркие и светлые имена, окруженные неумирающим ореолом славы, за ко-

---

¹² Северное утро. – 1915. – 4 апреля

торыми идут сомкнутыми рядами другие менее значительные, менее даровитые, но не менее упорные в своих достижениях сыны народа, плоть от его плоти и кровь от крови его.

И среди всех этих имен, как крупнейший алмаз в царской короне, светится неизбывным сиянием имя М. В. Ломоносова.

Многогранностью своей натуры, обаянием своей личности зажигает великий северянин ответные огни в сердцах таких же, как он, детей народа, зовет к упорному труду, не боясь никаких терний, не останавливаясь ни пред какими трудностями.

Ломоносов для них, для этих пасынков русского просвещения, путеводная звезда, светлый маяк в океане людской несправедливости и тупого равнодушия: это лучше всего знают те, кому приходилось близко знакомиться с судьбою и жизнью русских самоучек, для которых имя Ломоносова – последний якорь спасения в пиру тяжелых разочарований и упадка веры в свои силы.

Ломоносов – великий сын народа, великий крестьянин. Оттого он так дорог лучшим из сыновей народа.

Он – символ неумирающей жажды знания в широких народных массах и, в то же время, он – символ неизбывной духовной мощи русского народа, мощи, которая еще не может развернуться во всю свою ширину, во всю глубину...

Но, кроме того, Ломоносов – северянин.

И уже одним этим многое объясняется в его психологическом складе. Быть может, даже все наиболее существенное, все, определяющее эту в высшей степени многогранную личность. Сын вольного, северного крестьянства, потомок свободолюбивых граждан Великого Новгорода, – Ломоносов с молоком матери воспринял тот дух независимости и стойкой защиты прав своей личности, который не изменил ему на протяжении всей жизни.

Помор по рождению, он нес в себе исконные черты, присущие этой группе насельников Севера, которую биограф Ломоносова характеризует следующим образом: "Поморы представляют из себя особенный, самобытный класс населения и, хотя обычно числятся крестьянами" но по сметливости, энергии, предприимчиво-

сти, общему развитию резко отличаются от крестьян, занимающихся только земледелием".

Действительно, постоянно борющиеся с морем, спорящие с непрерывной опасностью и даже со смертью, принужденные ловить каждое изменение в природе, учитывать каждый шаг, поморы воспитывали и воспитывают в себе сметливость, наблюдательность, способность к быстрой ориентировке во всяких обстоятельствах, известную инстинктивную осторожность, и, в то же время, безудержное бесстрашие.

Поморы – это мирные пираты сердитого океана.

И поморскую энергию, предприимчивость и решительность еще в детстве впитал в себя Ломоносов. А потом, разве не веет Поморьем, чисто поморскою удалью от его бегства из немецкой солдатчины, когда так нужны были и расчет, и невероятная сила воли, и необыкновенная решительность?

Но Север не только дал Ломоносову все эти качества, без которых был бы труден его жизненный путь, – Север первый и наиболее плодотворный учитель своего великого сына.

Соприкосновение, – посредственное или непосредственное, – с чужеземным миром, с таким кругом идей и понятий, который мог на многое натолкнуть любознательный ум, рассказы о море, а впоследствии – стоянье лицом к лицу бушующим океаном или пытлиное проникновение в его тайны в те моменты, когда грозное чудовище смирят свой гнев, наконец, своеобразная морская жизнь, – все это, взятое вместе, будило мысль, направляло любознательность на все новые и новые явления.

"В течение многих лет, – говорит Б.Н. Меншуткин, лучший биограф Ломоносова, – проведенных в Белом и Ледовитом морях (он ходил на промысел до 19-летнего возраста), Ломоносов многое видел и многому научился. Нельзя не удивляться внимательности, с какою наблюдал он все проявления северной природы, обычаи и образы жизни таможенных жителей и животных в точности, с какою запоминал все виденное; впоследствии Ломоносов не редко пользовался в своих ученых трудах юношескими наблюдениями". В под-

тверждение Меншуткин приводит след, место из Ломоносова, написанное им о лопарях в 1761 году.

"Лопари с финцами одного поколения, ровно как и с корелами и со многими сибирскими народами.

Язык имеют одного происхождения и разнятся друг от друга, как немецкой от датского и шведского или итальянский от французского, а отличаются лопари одною только скудостью возраста и слабостью силы, за тем, что мясо и хлеб едят редко, питаюсь одною рыбою. Я, будучи лет четырнадцати, побарывал и перетягивал тридцатилетних сильных лопарей. Лопарки хотя летом, когда солнце не заходит, весьма загорают, ни белил, ни румян не знают; однако, мне их видеть нагих случалось и белизне их девиться, которою оне самую свежую треску превосходят – свою главную и повседневную пищу".

Кроме наблюдения над жизнью тех людей, с которыми ему приходилось встречаться во время промысла, перед Ломоносовым, как уже упоминалось, вставал целый ряд явлений чисто природных, которые требовали того или иного объяснения.

Он "наблюдал действия волн на берега, приливы и отливы, ветры, льды и ледяные горы Севернаго океана, северныя сияния и т. под. Все это возбуждало в нем живейший интерес и страстное желание изучить те науки, которыя позволили бы ближе познать эти явления природы". И кто знает, те глубокие вопросы, которые много лет спустя ставил в своих "Размышлениях о Божием Величестве" Ломоносов-академик, не родились ли впервые у Ломоносова-юноши на берегу студенаго моря! Не тогда ли еще восклицал он:

- Но где ж, натура твой закон?

С полных стран встает заря!

Не солнце ль ставит там свой трон?

Не льдисты ль мещут огонь моря?

Или:

Что зыблет ясный ночью луч?

Что тонкий пламень в твердь разит?

Как молния без грозных туч

Стремится от земли в зенит?

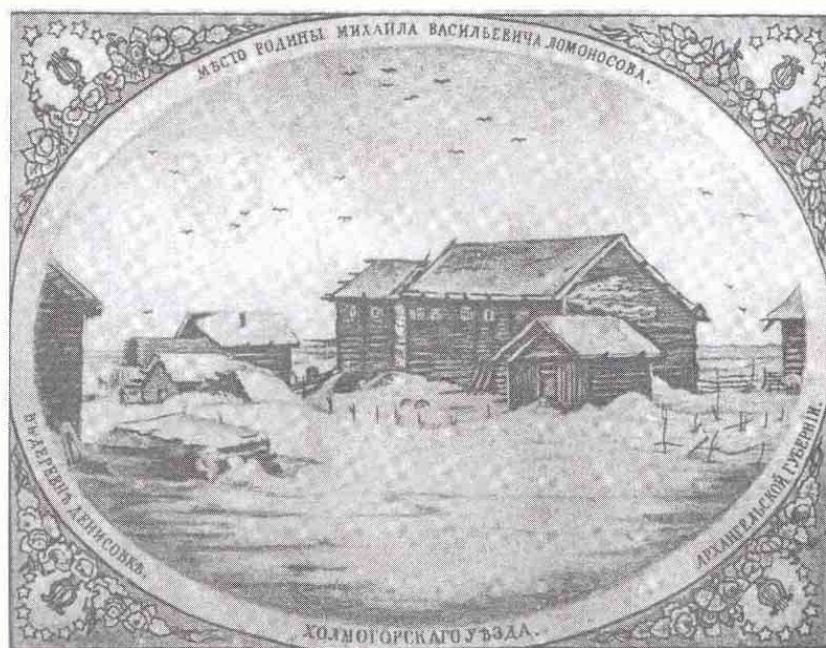
Как может быть, чтоб мерзлый пар

Среди зимы рождал пожар!

Север воспитал в Ломоносове качества, присущие лучшим из своих насельников, Север развил в нем любознательность, дал первый толчок к познанию и Север же был первой и богатой пищей для его пытливого ума.

Таким образом, духовное богатство этой замечательной натуры в значительной мере определяется родиной, местом, "где мы впервые вкусили сладость бытия".

Ломоносов - великий сын великого народа и в то же время он - наш, северный гений. Северу есть кем гордиться!

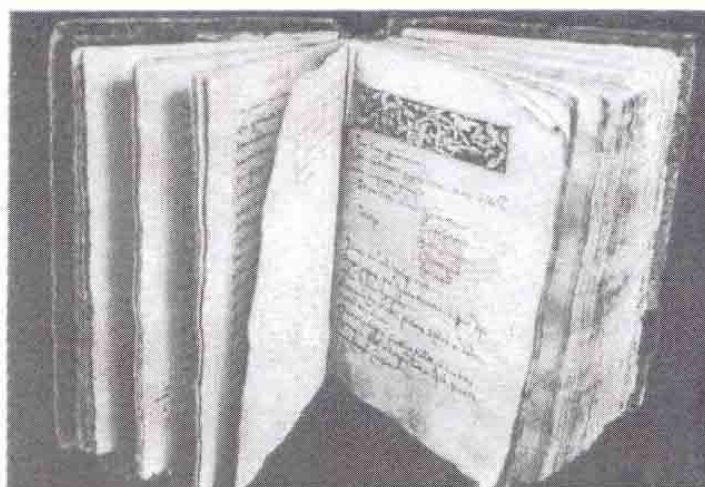
Место родины Ломоносова. С литографии XIX века.
Из книги «Труды Архангельского губернского
статистического комитета» за 1865 год

Юный Ломоносов на пути в Москву.
Худ. Н.Н. Кисляков, 1948

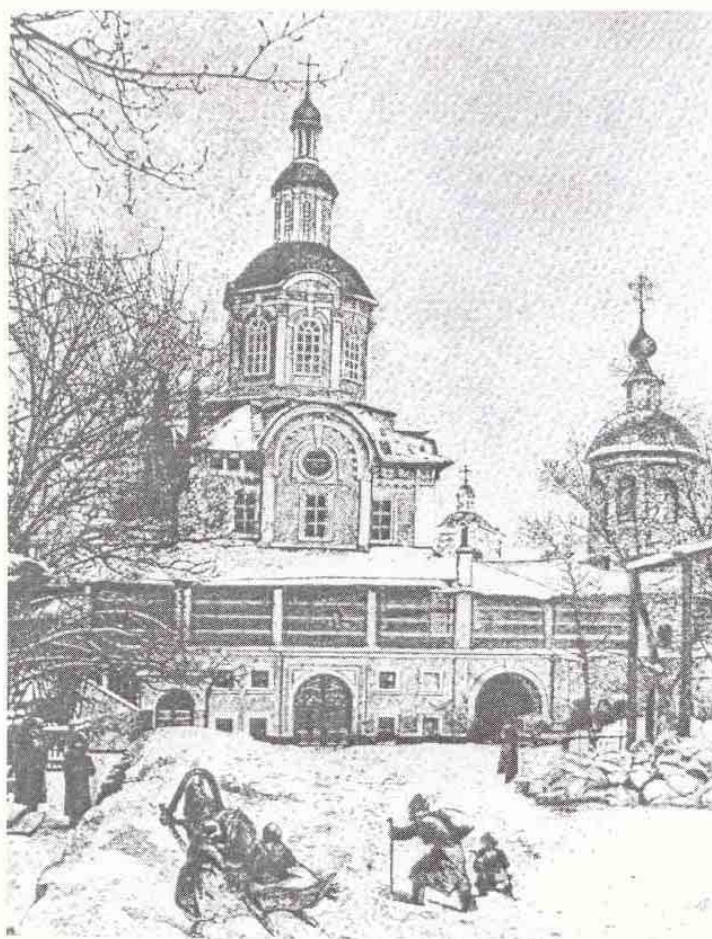

«Арифметика» Леонтия Магницкого. 1703 г.

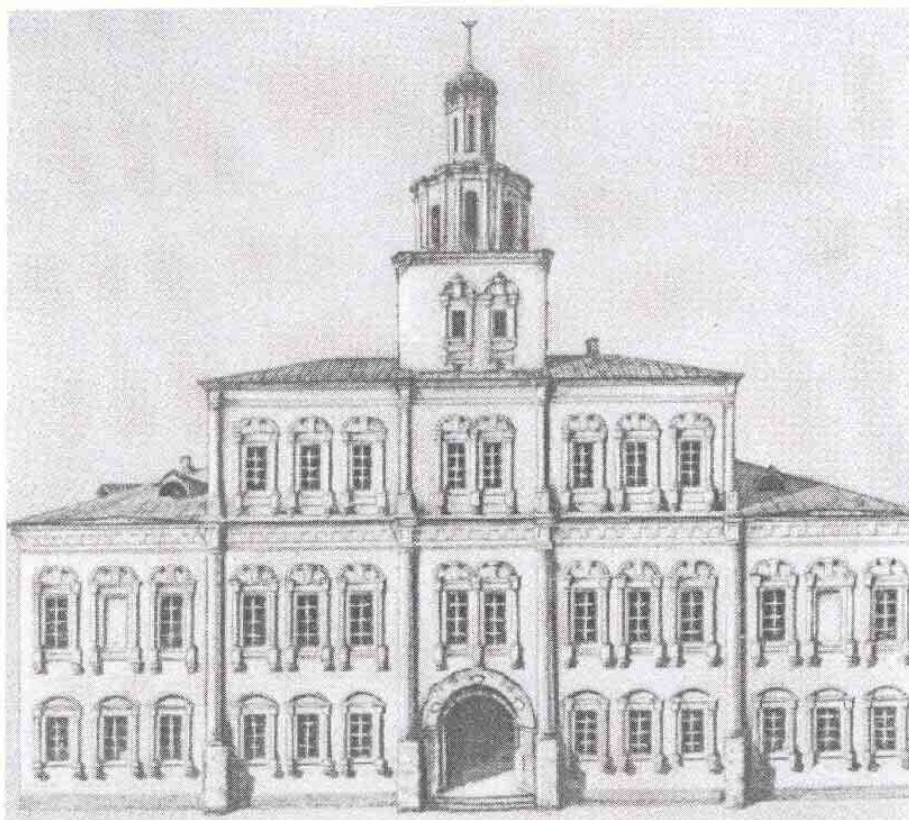

«Грамматика» Мелетия Смотрицкого. 1648 г.

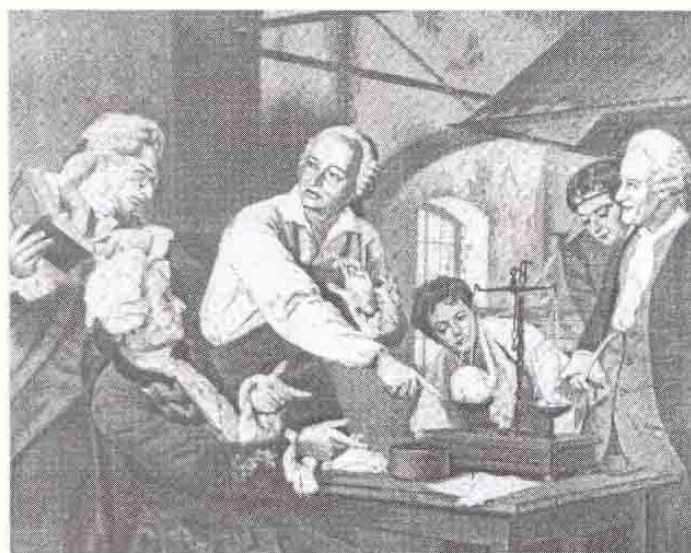
Заиконоспасский монастырь. Здесь помещалась
Славяно-греко-латинская академия.
Рисунок. Начало XIX в.

Первое здание Московского университета
на Красной площади

Химическая лаборатория.
Макет. Музей М.В. Ломоносова

М.В. Ломоносов в Химической лаборатории
за проверкой опытов Р. Бойля.
Линогравюра Н.Г. Наговицина. 1958

Петр I. Мозаика.
Работа мастерской Ломоносова

Полтавская баталия. Мозаика. Фрагмент.
Работа мастерской Ломоносова

М.В. Ломоносов. Бюст работы Ф.И. Шубина

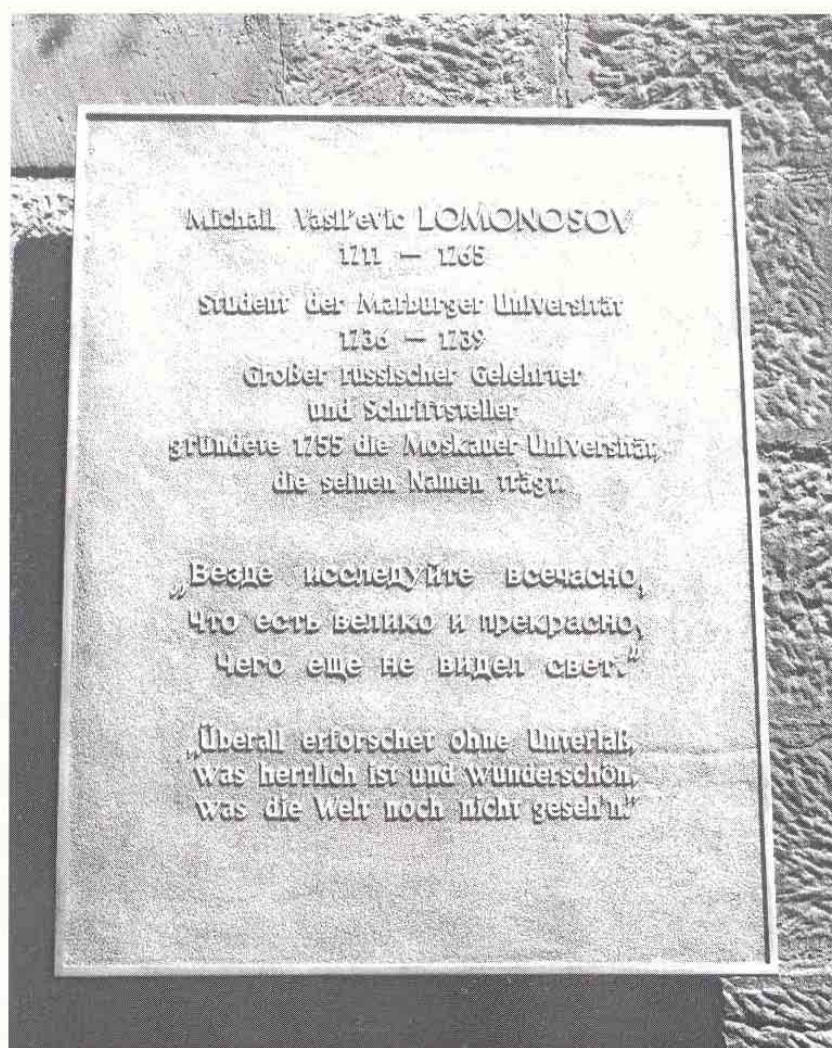
По рабшину а в архивах архива
 Спаса по павлу Хв. Лавришова
 Сима Тимонина а Пошлятич
 Михайло Ломоносов Вдв. Приложив

1730 года 25 дня мѣсяца пѣтуха
 принѣлъ устройствѣ ивана Лопаткина адмита
 при юрѣмъ дѣлѣ платѣ по писа посылѣ
 пѣсчанѣмъ. Михайло Ломоносовъ

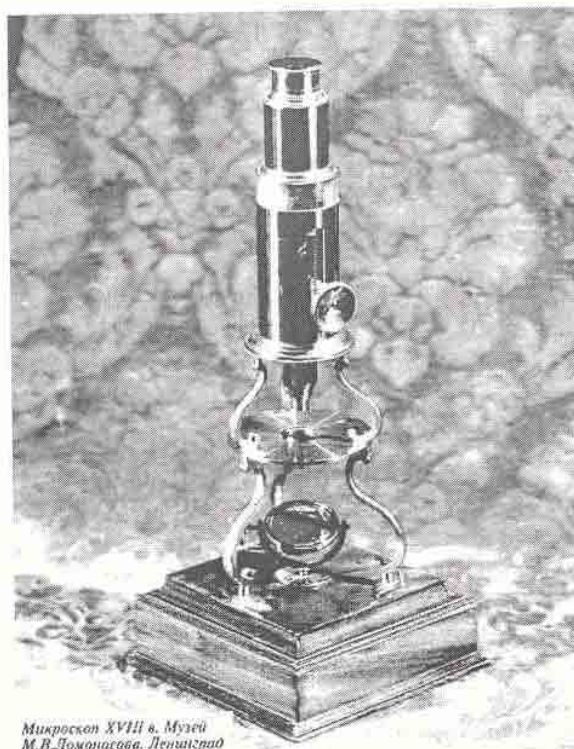
Къ сѣмъ допросѣ (Лавентрихматтикамъ) Москвит.
 Анареліи урѣмъ Михайло Ломоносовъ рѣшит
 Приложивъ

Образец юношеского почерка М.В. Ломоносова

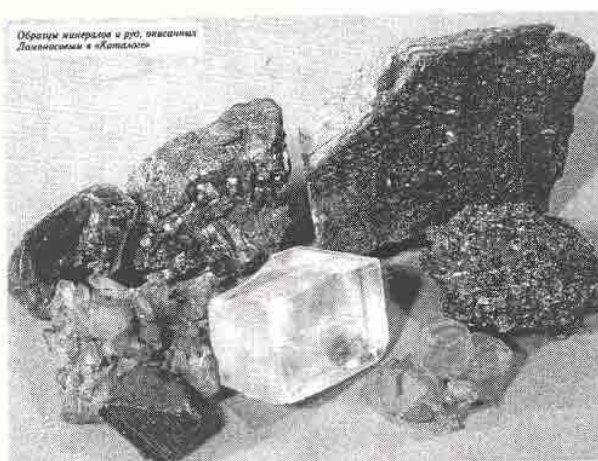

Памятная доска в честь М.В. Ломоносова на здании
Марбургского университета (Германия)

*Микроскоп XVIII в. Музей
М.В. Ломоносова. Ленинград*

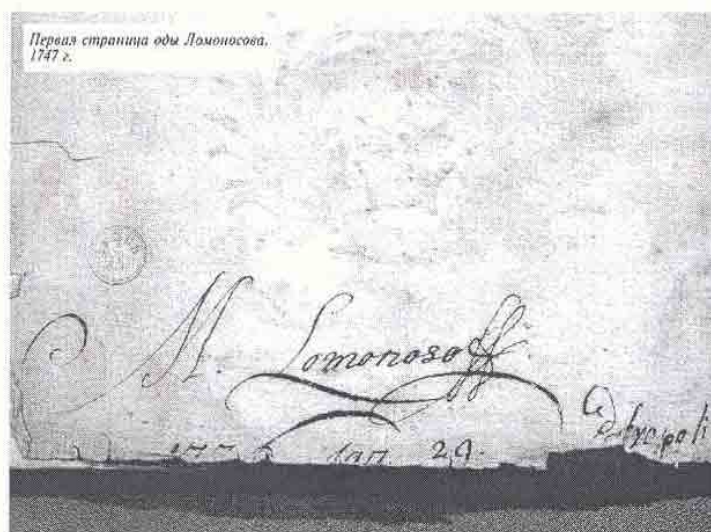
Микроскоп XVIII в.
Музей М.В. Ломоносова. С.-Петербург

*Образцы минералов и руд, описанных
Ломоносовым в «Каталоге»*

Образцы минералов и руд,
описанных Ломоносовым в «Каталоге»

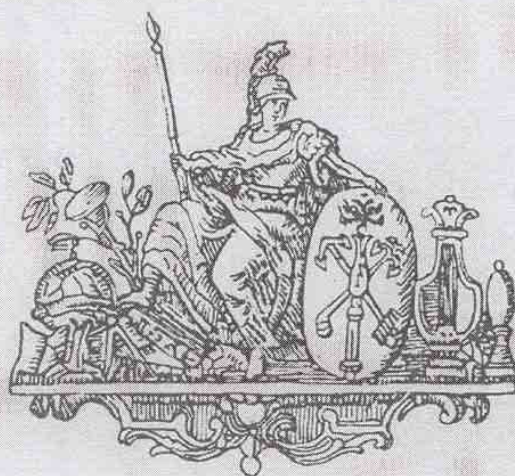

Первая страница оды Ломоносова. 1747 г.

Памятные медали, посвященные столетию со дня смерти Ломоносова

ПЕРВЫЯ ОСНОВАНІЯ
МЕТАЛЛУРГІИ,
или
РУДНЫХЪ ДѢЛЪ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
печатаны при Императорской Академіи
Наукъ 1763 года.

Титульный лист книги М.В. Ломоносова
«Первые основания металлургии,
или рудных дел», 1763

краткое руководство
къ
КРАСНОРѢЧІЮ,
книга перъвая,
въ которой содержится
РИТОРИКА
показующая
общія правила
овоего краснорѣчія,
то есть
ОРАТОРИИ
и
ПОЕЗІИ,
сочиненная
въ пользу любящихъ
СЛОВЕСНЫЯ НАУКИ
Трудами Михайла Ломоносова Императорской Ака-
деміи Наукъ и Историческаго собранія Члена,
Химіи Профессора.

ВЪ САНКТ ПЕТЕРБУРГѢ,
при Императорской Академіи Наукъ 1748.

Титульный лист первого издания
«Риторики» Ломоносова, 1748

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
I. Социальные истоки педагогических идей русских просветителей первой половины XVIII века.....	7
II. Ломоносововедение как предмет педагогического исследования.....	27
III. Развитие школьного дела в России первой половины XVIII века	40
IV. Образовательно-воспитательные проблемы в русской просветительной педагогике.....	77
V. Характеристика педагогической деятельности М.В. Ломоносова.....	100
VI. Народная педагогика и М.В. Ломоносов.....	112
VII. Теория и практика воспитания в трудах М.В. Ломоносова.....	126
VIII. Дидактические идеи в педагогической теории М.В. Ломоносова.....	144
IX. Становление педагогики высшей школы в России и М.В. Ломоносов.....	162
X. М.В. Ломоносов о педагогической этике.....	176
XI. Развитие М.В. Ломоносовым русской педагогической терминологии.....	185
Заключение.....	197
Рекомендуемая литература.....	201
Именной указатель.....	206
Приложения.....	212

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Буторина Татьяна Сергеевна
Ломоносовский период в истории русской
педагогической мысли XVIII века